

ЭЛЛИН

Любовь

В ТВОИХ ГЛАЗАХ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Наверное, это конец. Нам больше точно нельзя видеться. Уже больно, каждому из нас больно. И самое главное — больно ей. А я порву каждого, кто сделает ей больно. И в данном случае я себя готов расстрелять.

— Прости меня, Ань, — говорю для себя неожиданно, и успеваю заметить, как Аня теряется, округляя глаза.

А потом я притягиваю ее к себе за шею и целую.

Напоследок. Чтобы потом окончательно сдохнуть.

Любовь в твоих глазах

Элин Ти

Глава 1. Дамир

Третий подход. Он всегда самый сложный. Работать на выдохе, выжимая из себя все, что осталось. На грани, на последних силах. Сжимать зубы и идти до конца, пока не будет результата.

В спорте — как в жизни. Ничего не получится без труда и усилий. Я всю жизнь выгрызал себе место под солнцем, и сейчас продолжаю грызть, потому что знаю, что иначе не придёт результат.

Ещё рывок, последний, до отказа в мышцах, и ставлю штангу в петли, опуская забитые руки и выдыхаю.

Не чувствую ни черта кроме боли и сумасшедше колотящегося сердца. Руки невозможно поднять, и мне очень кайфово, что это единственное, что меня сейчас интересует.

Спорт отвлекает. Боль в мышцах заставляет забывать обо всех проблемах. В зале есть только ты, вес, и желание убить себя до отказа. А ничего другого нет.

Выдыхаю и через силу встаю с лавки, разминая забитые плечи. Тянет приятно. Хрущу шейными позвонками, растягивая ещё и мышцы шеи, и иду в душ. С клиентами на сегодня закончено, и себя убил по максимуму. Можно было бы ещё сходить на ринг или поколотить грушу, но боюсь завтра руки не подниму — а у меня клиенты, приходится всё-таки держаться.

Девчонки в зале смотрят не стесняясь. То наклоняются прямо передо мной в коротких шортах, то майки снимают, оставаясь в топах, то банально подходят просить номер телефона, думая, что мне интересно.

А мне не интересно. Отношения и все что с ними связано — это предательство. Какой смысл начинать что-то, если это потом закончится, ещё и наверняка очень дерьмово?

Иду в раздевалку, хватаю с полки полотенце, направляюсь душ. Для тренеров тут отдельный, ещё одна привилегия от моей работы. Не надо торчать в очереди из потных мужиков, чтобы тупо помыться. Другая привилегия — весь спортивный клуб в твоём распоряжении и ты можешь хоть круглые сутки тут торчать и делать все, что захочется. И я делаю. Между клиентами, если есть окно, не отдыхаю. Я привык пахать и работать, и я работаю. Из зала чаще всего выхожу без сил и лишних мыслей. И за это люблю спорт.

Выхожу из душа в одном полотенце на бедрах и застываю, потому что у моего шкафчика, совершенно ни черта не стесняясь, сидит Алёна. Нога за ногу, как обычно взгляд свысока, несмотря на то что смотрит снизу. Вокруг полная раздевалка мужиков, но ей плевать. У неё нет комплексов и принципов.

Алёна — моя давняя клиентка. Она на семь лет старше меня. У неё до тошноты длинные ногти, странный говор, с перебором большие губы и чрезмерная забота своей внешностью.

А ещё Алёна не против покувыркаться без отношений пару раз в неделю, и именно поэтому мы иногда видимся. Мне эти встречи нужны просто снять напряжение. Мне нахер не хочется отношения и что-то около них. Алёна — это секс. Доступный, достаточно неплохой, но просто секс. Инициатором была она, я решил не отказываться. Нас обоих устраивает тот формат отношений, который есть между нами сейчас.

— Ты же в курсе, что это мужская раздевалка, да? — спрашиваю, подходя к своему шкафчику. Алёна двигается чуть вправо, оказываясь лицом прямо напротив моего члена, и

смотрит снизу вверх, облизывая губы:

— В курсе. Я пришла сюда специально. Я соскучилась.

Она всегда так делает. Появляется внезапно, потом так же исчезает до следующего раза. Обычно мы встречаемся в зале, а потом едем к ней или ко мне. Она девчонка при бабках, но меня это тоже не особо интересует. Все, что мне нужно от неё — снять напряжение. Я ей нужен для того же, мы в этом идеально сходимся.

— Ты могла подождать в холле, — достаю из шкафчика одежду и отворачиваюсь от Алёны, скидываю полотенце. Я не стесняюсь ее, она мой член вдоль и поперек видела. Просто она тоже не стесняется, и я совершенно не удивлюсь, если прямо тут возьмёт в рот.

— Почему не могу подождать здесь?

— Здесь полная раздевалка мужиков, Алён. И каждый пялится.

— Оу, только не говори, что ревнуешь, — смеётся, когда разворачиваюсь к ней.

— Мне плевать.

Говорю, глядя прямо в глаза. Мне правда плевать. Смотрят на нее или нет, хотят или нет. Даже если она завтра скажет что отныне хочет трахаться с кем-то другим — мне тоже будет плевать.

— Поехали к тебе? — закрывает тему и переходит к главному. Натягиваю носки, впрыгиваю в спортивные, влезая в толстовку, чувствуя приятную боль в плечах и качаю головой.

— Не, Алён, я в отказе сегодня. Рукам пиздец.

— А я сверху буду, — говорит, облизываясь, хватая двумя пальцами меня за толстовку и тянет к себе, снова оказываясь в опасной близости от моего члена, слава богу уже упакованного в штаны. — Тебе даже делать ничего не надо. Давай, я ради тебя из другого конца города ехала.

— Могла просто позвонить, — пожимаю плечами и сбрасываю с себя руку Алёны. Закидываю вещи в сумку, которую вешаю на плечо, надеваю кепку и иду к выходу из раздевалки, краем уха слыша, как Алёна цокает каблуками за мной. Бля, кто вообще приходит в зал на каблуках?

— Ты бы мог съехать, а так у тебя выбора нет, — снова усмехается змея, шагая прямо за мной. Она чуть не падает на лестнице, чудом успев удержаться, и пользуясь случаем цепляется за моё предплечье.

Я не хочу показывать, что нас с ней что-то связывает, особенно на работе. Мне плевать на разговоры и на то, что она меня старше. Я банально не хочу тупых вопросов об отношениях, которых у меня нет.

На последней ступеньке сбрасываю с себя её руку снова, отмечаюсь на стойке у администрации, сдаю ключи и выхожу на улицу, направляясь к тачке.

— А я без машины сегодня, — говорит Алёна. — Подвезете, молодой человек?

— Куда тебе?

— В страну оргазмов.

Она не отстанет, пока не трахну. Мы не так часто видимся, чтобы отказываться от хорошего секса. Просто сегодня как-то особенно тошно и не хочется ничего.

— Хер с тобой, садись, — открываю машину, сажусь за руль, и Алёна через секунду падает рядом. Мы ни разу не ездили вместе. В машине трахались, да, но не ездили ещё никогда. Алёна всегда на своей, меня всё устраивало.

Через полчаса мы уже на моей съемной квартире. Я сижу на кровати, а Алёна — на

полу между моих ног.

Она хорошо сосет. Берет глубоко и не останавливается ни на секунду.

Хватаю ее за волосы на затылке и надавливаю чуть сильнее, желая почувствовать ещё острее. Она задыхается, но не просит ее отпустить, а потом, когда поднимает голову, ещё и пошло улыбается, стирая с губ тонкую ниточку слюны.

— Садись, — хлопаю по бедру и падаю на кровать, расставляя руки в стороны. Она обещала сделать все самостоятельно — я даю такую возможность. Тем более я реально так упахался, что даже двигаться не хочется.

Алёна ещё пару раз облизывает головку и перемещается, усаживаясь на меня. Дразнит, касается влажной плотью, скользя по члену, заводит меня сильнее. Знает, что сорвусь и оттрахаю её до криков, если будет бесить меня.

И я срываюсь, забив на боль в мышцах. Потому что сил нет терпеть. Скидываю Алёну с себя и ставлю на четвереньки, входя в нее резко и быстро, задавая сразу бешеный темп и силу.

Она стонет пошло, кричит «еще» и матерится как опытная шлюха. Стараюсь не слушать — вообще не заводит. Двигаюсь как робот, поршнем вбиваясь в горячую плоть.

Алёна пьет таблетки и совершенно не против трахнуться без резинок. Поэтому я кончаю внутрь с глухим рыком, не заботясь ни о чем.

Она падает на кровать, шумно дыша, а я провожу ладонью по короткому ёжику на голове и начинаю чувствовать ненависть к самому себе.

Потому что мне не нравится Алёна. На десять из десяти. На девять, балл за минет скинем. Она мне не нравится, но я все равно продолжаю её трахать. Просто потому что она не против, а мне совершенно некогда искать кого-то, к кому у меня будет чуть больше эмоций, чем к этой резиновой кукле.

— Ещё разок? — спрашивает, отдышавшись. Я сижу на кровати, а она подкрадывается сзади, проводя ногтем по шее. Ежусь, мне не нравится.

— Нет, Алён.

Я не объясняю, почему нет. Просто «нет».

— Тогда поеду, у меня ещё куча дел. Спасибо за секс, — целует меня в ухо, а потом встаёт с кровати и начинает одеваться.

И почему-то шлюхой себя чувствую я...

Глава 2. Дамир

Будильник в шесть утра жужжит на тумбе, взрывая и без того гудящую голову. Вчера я так убил себя, что уснул даже без душа и ужина.

Потираю глаза и с глухим стоном сажусь на кровати: болит каждый сантиметр тела. Мне бы горячую ванну с солью вчера принять после убийственной тренировки, чтобы мышцы расслабить, а не трахать безотказную Алёну, чтобы добить себя окончательно.

Встаю через силу, потягиваюсь, пару раз хрущу спиной и шеей, тяну руки, морщусь от боли, но продолжаю тянуть, потому что станет чуть легче.

Иду в душ, стою под кипятком, а потом переключаю на ледяную, чтобы точно взбодриться. Дух захватывает от резкой смены температур, лёгкие сжимаются и тяжело сделать вдох. В груди жжёт, кажется, что задохнусь и сдохну прямо на полу в ванной, как в идиотском триллере, где от несчастных случаев дохнет половина героев.

Поднимаю руки — легче. Диафрагма разжимается и становится сильно проще. Дышу медленно, привыкая к холодной воде. Я постоянно так делаю, но после кипятка все ещё тяжело перестроиться. В детском доме, где я рос, другой воды и не было. Либо холодная, либо никакой. Никто не парился хотя бы нагреть нам сраный чайник, чтобы помыться. Короче, я всю жизнь в холодной. Закалённый, не болею поэтому. Хоть один плюс от моего детства.

После душа иду на кухню, обернувшись полотенцем. Спать уже не хочется, но голова все ещё гудит неприятно.

Чайник в полной тишине закипает слишком уж громко, а через минуту тишину разбавляет кипящая на плите овсянка. Мне пришлось научиться готовить хотя бы элементарные блюда, чтобы не сдохнуть от голода или заворота кишок. Мне приходилось питаться разным дерьмом, поэтому сейчас я жру только правильную пищу и придерживаюсь режима. Первое время хотелось все бросить и сорваться, но перебороть это желание оказалось не так сложно, как бросить курить траву каждый день. Поэтому справился. И с тем, и с другим.

Открываю окно и опираюсь руками на подоконник. Тепло сегодня. Напротив моего дома стоит точно такая же девятиэтажка, и расстояние между ними вообще ничтожное. Подготовленный паркурщик мог бы спокойно прыгнуть из моего окна на балкон из дома напротив. Тот балкон, где постоянно трахается молодая парочка. И если раньше их было только слышно — а орёт эта ненормальная так, как будто её розгами бьют, а не трахают, — то сегодня они ещё и продемонстрировать свои умения решили. А так как напротив только мои окна — зритель у них один.

Пару секунд смотрю на задницу и спину девчонки, сидящей на подоконнике открытого окна, которую самозабвенно трахает какой-то доходяга, и ухожу снова к своему завтраку, потому что картина, может, и интересная, но быть маньяком и наблюдать за ними желания никакого. Уж лучше включить порнушку.

Орёт она ещё пару минут, что разносится эхом по всему двору, и я старательно пытаюсь не слушать. Меня бесит. Во-первых, нахер так орать? Во-вторых, зачем показывать всему миру, что у вас есть секс? Он, блядь, у всех людей есть. У кого-то больше, у кого-то меньше, а у кого-то по случаю.

Вообще я терпеть не могу эти парочки, которые пытаются всему миру

продемонстрировать как они счастливы вместе. Херня это всё. Не бывает любви, не настоящее это дерьмо. Мой отец гулял от матери как последняя тварь, от чего она забухала, а потом подседа на наркоту. Скололась и умерла, захлебнувшись собственной рвотой, когда мне было три года. Я двое суток сидел дома с мертвой матерью, а когда отец наконец-то пришел, то вызвал ментов, собрал вещи и свалил. Меня забрали в детский дом потому что ни бабушкам, ни еще каким-то родственникам я нахер был не нужен.

Поэтому я не верю в любовь и какие-то чувства между чужими людьми. Потому что если родным наплевать, то чужим тем более.

Овсянка сегодня какая-то дерьмовая, выбрасываю вместе с тарелкой и иду одеваться. У меня работа через полтора часа, но я иногда хожу до зала пешком, увеличивая недолгий путь всеми способами. Утренняя прогулка всегда помогает отключиться от ненужных мыслей и настроиться на работу.

Закидываю в сумку форму, бутылку с водой и до блевоты надоевшую уже гречку в контейнере. В баре нашего зала нихера кроме протеина не купишь, а жрать-то хочется. Поэтому приходится таскать с собой и в получасовой перерыв между клиентами раз в день обедать.

Хватаю сумку, наушники, запрыгиваю в кроссовки и выхожу из подъезда. На лавке сидит соседка — старушка баба Валя. Она одна живет, приходится помогать ей иногда то в магазин сходить, то починить что-то. Она, наверное, единственный в мире человек, кто относится ко мне с теплотой. И понимаю, что у нее выбора нет, иначе и без моей помощи останется, но немного все-таки приятно.

— Здрасьте, баб Валь, — киваю старушке. Она всегда улыбается. Иногда даже кажется, что жизнь не такая уж и дерьмовая, раз даже старики находят в себе силы на улыбку. А потом вспоминаю, что у нее вообще никого нет, и понимаю, что погорячился я с выводами. — Помощь нужна? Опять вы в такую рань не спите.

— Здравствуй, Дамирушка. Не спится мне. Дома одиноко, вот я и выхожу пораньше сюда, хоть на людей посмотрю, — говорит баба Валя. Я три года в этом доме живу и ни разу не видел, чтобы к ней хоть кто-то приезжал. Хотя дети у неё есть. Не спрашивал, почему так, просто потому что слушать истории стариков вообще не моя тема, но факт остаётся фактом: она совсем одна. Как я. И вот это ждёт меня лет через пятьдесят? Выходить рано утром на улицу, чтобы посмотреть на людей?

Клянусь, люди такие уроды, что я не буду выходить из дома в принципе.

Обещаю бабушке сходить вечером для неё в магазин и ухожу. Наушники в уши, музыку на максимум. Это отключает от всего, даёт какое-то ощущение, словно не нахожусь в серой массе.

Сворачиваю во дворы, чтобы пройтись подольше, прохожу по одной улице несколько раз, выворачиваю на главный бульвар и останавливаюсь, чуть не въевшись носом в столб.

Потому что тут ресторан какой-то в метре от меня, а внутри, прямо около окна, сидит Алёна с каким-то мужиком, который что-то шепчет ей на ухо.

Я не собираюсь закатывать сцены ревности, мне все ещё реально насрать на Алёну. Мы не встречаемся и мне плевать, если трахаю ее не только я.

Но они выглядят как-то иначе... Как будто не просто трахаются. Здесь что-то другое.

Продолжаю смотреть в окно на них и набираю Алёну. Я понимаю что сейчас возможно будет скандал и этот мужик попытается ввязаться в драку. Пусть попробует.

Наблюдаю, как она дергается от звонка телефона, мельком смотрит на экран, что-то

говорит мужику и встает, отвечая уже мне. Шепчет в динамик, чтобы я зашел за угол ресторана, и бросает трубку.

Меньше всего мне хочется делать то, что она просит, но вопреки всему я заворачиваю за этот угол, останавливаясь и дожидаясь Алёну.

Она появляется буквально через минуту. Дышит часто, волнуется, но лицом старается выразить полное безразличие и даже выдать ехидную ухмылку.

— Ты чуть не подставил меня, красавчик, — усмехается, доставая из сумочки сигарету. Прикуривает и выдыхает мне прямо в лицо, так бесит, что скулы сводит.

— Перед очередным трахарем? Они ревнивые у тебя?

— Это мой муж! — шипит Алёна, оборачиваясь, словно он стоит сзади. — Трахаюсь я только с тобой, ну и с ним иногда. А так мы счастливая семья, где царит взаимопонимание.

— Ты издеваешься надо мной сейчас? — мне кажется, что она шутит. Слишком нагло говорит это, да и поведение ее никак не похоже на поведение замужней женщины.

— Смысл? — она поднимает руку тыльной стороной ладони ко мне и демонстрирует обручальное кольцо на безымянном пальце. Раньше его точно не было. — Мы женаты уже десять лет. Кольцо правда редко ношу.

Мне становится тошно. Так сильно, что я с трудом подавляю рвотный позыв.

Все, что со мной происходит в жизни, только сильнее укрепляет веру в то, что нет любви и преданности в этом мире. Ее нет. Люди ведут себя как скот, бросая в помойку даже минимальные моральные ценности.

— Как тебе вообще живется, нормально? Ты ночами спокойно спишь? — спрашиваю, сжимая кулаки от злости. У меня в жилах кровь закипает, так мне хочется из нее всю дурь выбить сейчас.

— Я понимаю, на что ты намекаешь, — она бросает сигарету и тушит ее тонкой шпилькой, — но я не шлюха. Просто в сексе мы не сходимся, мне не хватает жести, вот и я нашла того, кто может дать мне всё, чего мне хочется. А с мужем у нас все в порядке.

— Я не хочу быть тем, с кем ты изменяешь ему, несмотря на то, что ты считаешь это абсолютно нормальным. Это грязь и полное дерьмо, Алён. Давай без меня дальше.

Ухожу, поправив сумку на плече, но Алёна цепляется за запястье, останавливая меня.

Но я не хочу. Слушать, что она права и ничего страшного в этом нет? Да нахер мне это не надо. Мне было бы плевать, если бы у нее было тридцать мужиков, чтобы каждый день месяца был разный, но быть десять лет замужем и сосать другому, где придется, это верх пиздеца.

Я не хочу даже пальцем касаться этой херни. Меня всю жизнь предают, я не верю ни одному человеку на этой планете, и становиться по другую сторону я не собираюсь.

Хочется врезать ее мужу за то, что слепой и не видит, что под его носом происходит, или видит, но принимает все это, что еще хуже.

Меня тошнит от людей, я уже сто раз пожалел, что вообще появился на свет, где нет ни черта хорошего.

На чистой злости дохожу до зала, быстро переодеваюсь и иду к груше. Мне очень надо поколотить хоть что-то, а на ринг нельзя сейчас — убью с лёгкостью. Меня бесит, что люди считают предательство нормальным. Меня бесит, что меня втянули в это дерьмо даже не предупредив. Меня, сука, всё бесит!

Первый удар без разминки отдается болью в плечо, но я не останавливаюсь. Бью еще, разбивая костяшки. Без перчаток и даже бинтов. Кожа лопается, мажу грушу кровью, но бью

еще и еще, оставляя в этом квадратном метре всю свою злость. На Алёну, на жизнь, на весь ёбаный мир.

Останавливаюсь. Дышу. Руки саднят, а плечи ощутимо тянет от нагрузки на еще не прошедшую крепатуру. Встряхиваю кисти, пару раз подпрыгиваю на месте, чувствую, что отпускает. Иду в душ. Легчает.

Глава 3. Дамир

Работа успокаивает. Несмотря на то, что я не слишком люблю людей и не очень общительный, мои клиенты меня полностью устраивают. Они не задают лишних вопросов и беспрекословно выполняют все мои указания, не мешая рабочему процессу. А еще благодарят за результаты и лучшее самочувствие.

Благодарность значит очень многое. И очень малое количество людей в мире умеет его высказывать. Я не умею. Все эти громкие слова мне в принципе даются очень тяжело. Мне никто никогда не говорил хорошего, и сам я, соответственно, не научился. И сейчас, в свои двадцать пять, мне реально сложно сказать банальное «спасибо».

Последний клиент тренируется уже поздно вечером. Мы заканчиваем под самое закрытие зала, я едва успеваю принять душ и переодеться.

Домой приходится тоже пешком. Машина дома у подъезда, автобусы я терпеть не могу, а таксистам не доверяю. Поэтому снова наушники в уши, музыку погромче, капюшон на голову и дворами к дому. Так лучше, чем идти через главный бульвар, где толпы людей. Тут спокойно. И очень темно. Мне гораздо привычнее именно такая атмосфера, чем яркие фонари и шумные компании.

Через тридцать минут заворачиваю уже в свой двор, не забыв зайти в магазин для бабы Вали, как обещал. Не обращаю внимания ни на что, смотрю под ноги и считаю шаги. Успокаивает.

Чувствую крепкий хват за руку, действую отточенными движениями: разворачиваюсь и заламываю локоть подкравшегося за спину, выполняя болевой прием.

— Бля, Али, какого хера! — доносится до слуха через наушники и я отпускаю руку и освобождаю уши.

Это Яр. Один из компании, с которой я иногда вечерами зависаю во дворе. Не могу назвать их своими друзьями, но знакомыми вполне. Они собираются каждый вечер, я — примерно раз в неделю, и то, если позовут. Дело не в том что мне нужно особое приглашение, мне банально это не нужно. Точнее... я спокойно проживу и без этого. Но хоть какая-то социализация всё-таки необходима, поэтому чаще всего предложения я принимаю и пару часов провожу в компании пятнадцати человек, бутылкой сока и картами.

— Сорян, Яр, машинально, — хлопаю его по плечу, — но ко мне лучше не подкрадываться.

— Да мы звали, ты не слышишь нихера из-за наушников! Подлетай, в покер зарубимся.

— На бабки?

— Символически, для интереса. Подойдешь?

— Да, сумку только закину, — соглашаюсь и иду к дому, чтобы кинуть в стирку вещи и намешать себе что-то белковое или фруктовое. Мужики обычно пиво тянут, но я трезвенник. Поклялся, что ни одной капли не выпью, и слово держу. Сам себе поклялся. Слишком тяжело из этого дерьма вылезать. А некоторые даже не справляются, заканчивая слишком плачевно. Я не хочу.

Али... Прозвище прицепилось ко мне лет в шесть в детском доме. Я дрался вечно со всеми, со старшими и ровесниками, всеми, кто хоть что-то делал не так в мою сторону. Меня и прозвали Али. А потом, в шестнадцать, когда я сбежал и пытался сделать себе через время документы, взял себе фамилию от этого прозвища. Алиев. Настоящую я не помню. Ни черта.

кроме имени, не помню.

Заношу старушке продукты и минут через пятнадцать выхожу на улицу. Почти все в сборе, сидят за столом и громко ржут, как обычно. Удивительно, что из жителей никто не жалуется, тут шесть девятиэтажек, народу дохрена.

Здоровуюсь со всеми по очереди и усаживаюсь на лавку. Двух девчонок вижу впервые, но это не удивительно. Не все в этой компании страдают целомудренностью. Да и девчонки эти... по глазам видно, что пришли сюда явно не в покер поиграть, и что завтра они найдут уже новых парней, с кем также будут просто ради развлечения.

— Так это ты тренер? — обращается ко мне одна из них, жуя жвачку и наматывая белый локон на палец. Господи...

— Я.

— А как накачать попу? Очень хочется орешек, а у тебя прям хороший, значит, разбираешься в этом.

Во-первых, я ненавижу когда мне задают вопросы по работе после работы. Во-вторых я, сука, терпеть не могу такой откровенный дешёвый флирт. Ей от силы лет семнадцать, она сидит о моей задице рассуждает. Чувствую себя старым ворчуном, но это пиздец. Да мне дадут за нее больше, чем ей самой.

— Все консультации платные, запись в рабочее время.

— Натурой берешь? — продолжает предлагать мне себя девчонка.

— Только совестью. Имеется такая?

— Да пошел ты! — оскорбляется она, и пацаны вокруг ржут. Это не первая девчонка, что пытается так тупо склеить меня. Я не знаю, чё они ко мне все липнут, но надолго их энтузиазма не хватает. Стоит только пару раз ответить грубо и они уже срезаются, переключаясь на тех, кто вряд ли откажет.

Я не тащусь по малолеткам. Плюс половине из них реально еще нет восемнадцати, это сразу мимо. А еще многие наверняка мечтают о большой и светлой любви, а мой паровоз на ту станцию не едет, поэтому тут вообще не по пути и без вариантов.

Эти двое шушукуются друг с другом, поглядывая на меня. Обсуждают. Говорят, что злой и невоспитанный. Ну, простите. Некому было воспитывать. Как мог сам справился.

Становится скучно. Игра не идёт, Руса, с кем иногда общаемся, сегодня почему-то нет. Но это не удивительно. Рус очень часто зависает с девчонками. Он меняет их как перчатки, и почему они на него ведутся до сих пор, с его-то славой в городе, я не знаю. Он приводит одну, дня три с ней проводит время, потом пару дней хвастается, что они вытворяли в постели, и следом приводит новую. И так по кругу. Одна за одной. Без остановки.

— Всем привет! — звучит справа слишком тонким и весёлым голосом, и я поворачиваю голову, глядя на обладательницу этого тембра. Темно, фонари тут не горят почти, вижу что девчонка длинноволосая, да и всё. Рус рядом, с безразличием держит ее за талию и второй рукой пытается подкурить сигарету.

— Здорова, мужики, — говорит Руслан. Отпускает свою очередную и идёт пожимать всем руки, пока его девчонка смотрит на нас и почему-то улыбается. — Это Аня, знакомьтесь.

— Какая по счету Аня за этот год? — ржет Яр, и девчонка замирает в миг от этой реплики. Конечно. Сам Рус ведь каждой говорит, что у них точно любовь с первого взгляда и все остальное дерьмо. И верят же. — Анечка, не стесняйтесь, присаживайтесь. Мы не кусаемся. В покер будешь? Пиво?

— Нет, я не пью, спасибо! И в покер не умею. Просто посмотрю, — она слишком довольная, не перестает улыбаться. Странная. Чему радоваться? Ну хоть не пьет. Это первая из его девок, кто отказывается пить. — Можно? — подходит ко мне и спрашивает, указывая на свободное место рядом. Рус сел на другой стороне, места там не осталось.

Киваю. Не выгонять же ее, пусть будет.

Девчонка садится рядом, и взгляд машинально на нее падает. Она не похожа на всех остальных девок Руса. Слишком... не шлюха, короче. Видно по ней, что нормальная девчонка. Не похожа на ту, что будет с ним в машине трахаться с первой встречи. Могу ошибаться, конечно. Но впечатление производит немного другое.

У неё длинные светлые волосы и до жути противные сладкие духи. Она сидит слишком близко, даже тошнота от запаха появляется. Очень резкий, в груди комом собирается.

На вид девчонке лет восемнадцать. Плюс минус. Русу, к слову, двадцать шесть. Не знаю, как их свела судьба, да и не особо интересно. Просто в голове не укладывается, что даже у таких дамочек внешность может быть обманчива.

— А ты чего такой грустный? — поворачивает голову ко мне эта Аня, спрашивая с улыбкой.

— Всегда такой.

— Всегда грустный?

— Обычный.

Она начинает меня бесить. Ненавижу, когда лезут с такими вопросами. Моё настроение касается только меня, но точно не малолетки, с которой мы секунд сорок назад первый раз увиделись.

— У тебя что-то случилось?

— Ты хотела смотреть на игру. Вот смотри.

Надо бы послать поглубже, чтобы точно отвалила, но все равно не могу пока воспринимать ее как всех противных девок Руса. Она какая-то другая. Как ребенок наивный. Бесячий, активный, наивный ребенок.

— Не хочешь отвечать, так бы и сказал! — фыркает мелочь, по-детски складывая руки на груди и оттопыривая нижнюю губу.

— Я и не говорил, что хочу.

Она что-то порывается мне сказать ещё, но я бросаю на нее взгляд и она замолкает.

Навязчивые люди слишком сложные. Болтливые тоже. А у нее два в одном, это точно не ко мне, пусть найдет себе другую жертву.

Сижу с ними ещё минут десять. Аня ко мне больше не цепляется, но сидит рядом надувшаяся как воздушный шар. Мало того, что активный ребенок и бесячий, так ещё и ранимый. Всё-таки я не могу понять, каким образом они сошлись с Русом.

Запах её духов уже горечью в лёгких оседает, и я решаю свалить домой, чтобы не вдыхать этот ужас и дальше. Тем более утром на тренировку, надо выспаться. А с покером все равно не везёт сегодня. Не мой день абсолютно.

— Ладно, мужики, я пошёл, — встаю из-за стола и переступаю через лавку, уходя отсюда.

— Вообще-то тут не только мужики! — вопит активистка, и глаза сами собой закатываются.

— Ты наблюдательная.

— Какой противный! — бурчит себе под нос, но я все прекрасно слышу. Пожимаю руки

парням и ухажу к дому, но через пару шагов останавливаюсь, глядя на Алёну, стоящую в пяти метрах от меня. На высоких каблуках, как всегда, со сложенными на груди руками. Поза уверенная, она точно чувствует себя правой, пришла доказать то, что в этой ситуации идиот только я. Ну-ну, пусть попробует.

Обойти бы её и свалить домой спать, но я не маленький мальчик, чтобы от нее бегать. Если первый раз мои слова не поняла, я повторю второй, третий, десятый, мне не сложно. Но истину донесу.

Бесит только, что встала она слишком близко ко всей компании. Те уже уши развесили наверняка, даже разговоры притихли.

— Что-то забыла? — спрашиваю, подходя к Алёне. На что я в ней запал? Сейчас у меня к ней нет никаких эмоций кроме отвращения. Противно. На внешность не смотрю даже. Меня в целом внешность всегда в последнюю очередь интересует. А теперь знаю о том, что она мужу изменяла, ещё и меня в это втянула, и как отрезало от нее.

— Да! Забыла свое удовольствие. Вернёшь? — говорит нагло, ведёт себя так, словно за руку меня возьмёт сейчас, поводок натянет и поведет в кровать.

— К мужу обратись, он поможет.

— Слушай, что за сцены? В конце концов, ты даже не на его месте в этой ситуации!

— Упаси бог, Алёнушка, быть твоим мужем, — разговор напрягает. Сжимаю зубы. Прищуриваюсь. Бесит дико. Ещё хуже чем новая девчонка Руса, которая весь вечер мне покоя не давала. Тут вообще край. Полное отсутствие уважения к ее персоне и нулевое желание общаться.

— Трахать тебе меня нравилось.

— Разонравилось. Ещё вопросы?

— Да! — она нервничает. Топаёт ногой и царапает ногтем большой палец, нервничая. Замечаю случайно. — Какого черта, Дамир? Нам было хорошо вместе, что вдруг изменилось?

— Изменилось то, Алёна, что открылась грязная правда. Говорю ещё раз раз: я в этом дерьме участвовать не буду. Ты втянула меня, даже не предупредив. В изменах я не участвую ни с какой стороны. Никогда. Это понятно?! А теперь садись в машину и проваливай, и больше чтобы я тебя не слышал. И желательно не видел. Ясно?

— Хамло! — со злостью она замахивается, чтобы дать мне пощечину, но я успеваю перехватить руку и сжать пальцами запястье. Притягиваю дуру к себе и рычу прямо в лицо:

— Я. Сказал. Тебе. Проваливать. Ты меня услышала?

— Ты ещё обо мне вспомнишь!

— Кошмарами не страдаю, так что, надеюсь, нет.

Глава 4. Дамир

Утро. Душ. Овсянка снова невкусная, парочка из соседнего дома снова трахается и орет на весь двор, и настроение снова дерьмовое.

У меня сегодня выходной, но я по привычке встаю в шесть утра. Пойду на пробежку, а вечером все равно заеду в зал. Хочу на ринг. Давно не был, слишком много пара внутри скопилось, надо выплеснуть.

Выбрасываю кашу и съедаю яблоко, хотя сегодня кусок в горло не лезет особенно.

Алёна писала мне всю ночь. Судя по содержанию сообщений она напилась со своими подругами и в этом состоянии строчила мне всякую чепуху. Сначала о том, какой я мудака, потом как нам было хорошо вместе, потом снова мудака, а в конце писала голосовые с просьбой забрать ее из клуба к себе и хорошенько трахнуть. Я предложил ей набрать мужу и сделать ему точно такое же предложение, после чего снова стал мудаком.

Я не блокировал никого никогда, но она довела меня. Кинул в черный список и ни секунды не пожалел о своем решении. Я твердо стою на том, что не буду участвовать в предательстве ни с какой стороны, меня тошнит от этой грязи.

Переодеваюсь с этими мыслями, но выхожу на улицу и гоню их к черту. Во время занятий любым спортом нужно уметь отпускать все плохое. Ты — чистый лист. Ты думаешь только о правильности выполнения упражнений, своем самочувствии и частоте дыхания. Всё. Остальное нужно уметь оставлять за бортом. Спорт лечит именно таким образом. В один прекрасный момент тебе не захочется возвращаться к тем мыслям, что были до тренировки.

В уши уже заезженный плейлист, на голову кепку и сразу начинаю с лёгкого бега. Погода пасмурная, что идеально для уличного спорта.

Пробегаю минуты три, почти добежав до местного небольшого парка и торможу.

Каждое утро, когда я выхожу на работу или пробежку, на скамейке у подъезда сидит баба Валя. Каждое утро.

Кроме сегодняшнего.

В голове крутится простая мысль, что бабуля решила выспаться, зашла к соседке, засмотрелась сериал, банально не захотела гулять. Но противных в голове гораздо больше.

Я не умею настраивать себя на хорошее, просто потому что хорошего не случается. Не со мной.

Мне должно быть плевать на чужую бабку, но мне не плевать. Она относится ко мне лучше чем кто либо за все мои двадцать пять. Это, наверное, один человек из сотен знакомых, кто вызывает у меня хоть какие-то позитивные эмоции.

Не решаюсь стоять и думать, что мне делать. Разворачиваюсь и бегу к дому обратно, залетаю на третий этаж и жму на звонок так сильно, словно мне надо вдавить его в стену, а не найти бабулю.

Она открывает через пару минут, за которые я успеваю решить, что стоит вызвать ментов, МЧС, скорую на всякий случай. Целая и невредимая. Улыбается.

— Дамирушка, — называет меня уже привычно. Хотя первое время меня жутко бесило то, как она ко мне обращается. Потом привык, потому что спорить с ней бесполезно было. — У тебя случилось чего? Выглядишь странно.

Да я и поступаю странно, честности ради. Что творю — сам не понимаю.

— Да нет, я просто... Не встретил вас на улице, решил спросить, всё ли в порядке, — говорю правду, потому что оправдываться и придумывать что-то смысла нет.

— Заботливый какой, внимательный, — улыбается соседка, говоря какую-то чушь. Она просто не знает меня и глупо судит по одному поступку. А я просто привык ее видеть по утрам, да и всё. Сломалась привычная цепочка.

— Это вряд ли.

— Ты старушку не переубеждай. Я много лет уже живу, людей насквозь вижу, — мысленно глаза закатываю, но не отвечаю ничего. Я спорить не очень люблю. Тем более со стариками. Хочет меня хорошим считать — ее право. — А со мной всё в порядке. Я котенка вчера нашла, маленький совсем, вот нянчу теперь, бросить его не могу, совсем еще крошка. Не одинокая я теперь. Буду с котом жить.

— Хорошо, баб Валь. Я пойду тогда, — говорю и разворачиваюсь, но она останавливает меня, снова окликая по имени.

— Стой! Я пирогов вчера напекла. Дам тебе немного, угощу.

— Я пойду всё-таки, — вижу, что соседка расстраивается, но уйду. Пирог я не ем, выбросить совести не хватило бы. А брат и есть просто чтобы... что? Не огорчать бабулю? Не могу сказать, что я слишком волнуюсь о ее чувствах. Или чувствах любых других людей. Этому меня тоже не научили, и о моих чувствах никто не заботился, чтобы я научился этому.

Уйду и слышу в спину разочарованный вздох. Мне, вообще-то, надо бы закончить пробежку.

Наушники снова в уши, но музыки нет. Какого... Сука! Разрядились. Алёна задумала весь мозг и я забыл поставить наушники на зарядку. Всё утро идет по пизде, я вообще не представляю, как бегать без музыки. На что отвлекаться? На звуки города и людей? Бред...

Пытаюсь просто отключиться и ни о чем не думать. Просто бегу, глядя вперед, не обращая ни на что внимания. Какая-то собака пытается кинуться, плачет ребенок, чья-то тачка слишком громко тархтит, автобус гудит. Сука! Со злости пинаю какую-то шишку, валяющуюся под ногами, и слышу тихий вскрик. Бля...

Поворачиваю голову и вижу девчонку. Стоит спиной ко мне и потирает затылок, а под ногами шишка валяется. Связать одно с другим несложно. Косяк...

Можно, конечно, сделать вид, что это белки на деревьях шалят и свалить, но с другой стороны виноват-то я.

Пару секунд борюсь с собой и всё-таки иду к девчонке.

— Живая? — спрашиваю, подходя со спины. Она дергается от неожиданности, разворачивается ко мне, все еще держась за затылок, и я не пойму, то ли видел её где-то, то ли похожа на кого.

— Ты мне мстишь за что-то? Зачем кидаешься? — спрашивает. На глазах очки солнцезащитные, я не могу понять, кто такая. Ощущение, что виделась. И судя по тому, что говорит — так и есть. Но кто она, хоть убей не пойму.

— Да я пнул, не знал, куда прилетит. Так живая? — пусть уже ответит и я пойду спокойно. Извиняться не буду — не умею, да и не за что. Я не собирался ей в голову попадать. Вообще не видел что тут кто-то есть.

— Да живая, конечно, — она снимает очки и я понимаю, что точно где-то ее видел. — Но это было больно.

— До свадьбы заживет.

— Даже помощь не предложишь? — спрашивает девчонка и вдруг улыбается. И меня

как молотком по голове лупят. Точно, бля. Это ж та самая, которую я забыл как зовут. Новая пассия Руса, которая вечно улыбается и много тарыхтит.

— Я не буду тебе помогать. На ногах стоишь — значит, в помощи не нуждаешься.

— Как тебя зовут? — спрашивает, заводя меня в тупик. Она, бля, странная. Очень странная! Я ей шишкой черепушку чуть не пробил — а я знаю, какой силы у меня удар, я мог, — а она имя мое спрашивает. Другая вопила бы уже что в суд подаст ну или позвонит кому-то, чтобы в морду мне дали, а эта имя спрашивает.

— Тебе неинтересно.

— Зачем ты за меня решаешь? — хмурится. Пиздец у нее эмоций вагон. То улыбается, через секунду уже недовольная. — Мне интересно.

— Лишняя информация забивает голову, важное забудешь, в школе пятерку не поставят.

— Я на втором курсе вообще-то! — топает ногой и губу оттопыривает. Вот думал вчера, что ребенок она, до сих пор так и думаю.

— Искренне рад достижениям. Раз ты живая, я дальше побегу.

Она что-то бубнит мне в спину, но я не слышу уже. Как ее зовут-то? Реально не помню. Ну и похер. Мне вряд ли эта информация понадобится. С вероятностью в девяносто процентов в следующий раз, когда я с толпой во дворе зависну, ее место займет другая, которая так же, как она, поведется на всю ту чушь, что Рус говорит своим девушкам.

Удивительно этот тупой разговор с незнакомкой меня успокаивает. Меня бесили все звуки, но я отвлекся на эту дурацкую шишку и странную улыбку и перестал психовать. Это редко бывает, что меня может успокоить что-то кроме ринга или груши, которую я буду колотить до отказа рук или выбитых кистей. Такое было пару раз, вправлять больно.

У меня дерьмово с агрессией. Я херово себя контролирую. В детском доме пока был, меня постоянно к психологу водили. Возможно, это помогло бы, если бы ему было не насрать. Он заставлял меня рисовать какие-то картинки и отпускал со словами «сеанс окончен, жду в следующий раз». Следующий раз обычно случался на следующий день, потому что я дрался постоянно. Место надо было зубами выгрызть, чтобы не убили и толпой ночью не задушили подушкой. В детском доме иначе никак. В том, в котором был я, так точно. Если тебя невзлюбили сразу, то дальше будет только хуже. И ты либо терпишь, либо делаешь так, чтобы тебя боялись. С трех до восьми я был в одном, там было проще. Потом сбежал, меня забрали в другой. Еще гаже, еще хуже. Где вместо еды какие-то помои, а воспитатели хуже надзорщиков на зоне. И меня невзлюбили. И приходилось драться. И агрессии с каждым днем становилось все больше. И выплескивал я ее только так. Сейчас стараюсь на людей не срывать — слишком дохера проблем мне в жизни это принесло. Колочу грушу и успокаиваюсь. Я, собственно, так в спорт и пришел. Когда решил начать драться для спокойствия.

А тут угомонился от какой-то странной девчонки. Меня так удивляет и даже немного парит этот факт, что я не замечаю, как пробегаю весь парк. Сорок минут, пульс шкалит, а всё как мгновение пролетело. С ума сойти можно.

Иду домой, пиная камни под ногами. Легонько, чтобы в башню еще раз никому не зарядить. Захожу в магазин, набираю себе еще каши, беру другую фирму, потому что та — дерьмо полное, а варить адекватную кашу по утрам у меня нет ни сил, ни желания.

Захожу домой, включаю какой-то фильм для фона, стараюсь отвлечься какими-то делами. Принимаю душ, рубая салат, убираюсь, заставляю себя почитать книгу — практикую уже несколько лет по полчаса в день, — страдаю какой-то херней до вечера, а

потом собираюсь в зал. Не хочу на тачке снова, она мне для удобства и дальних поездок служит больше, чем постоянный транспорт.

Захожу в банк перед залом. Тут меня все знают, я раз в месяц прихожу деньги переводить. Женщина на кассе в возрасте улыбается каждый раз. Не могу ей ответить тем же, но киваю всегда, здороваясь. Не знаю, что её так улыбает. Вообще не понимаю, чему постоянно радуются эти странные люди.

Иду в зал. Ощущение странное и предчувствие дерьмовое какое-то, во рту даже гадко. Такое бывает у меня перед какой-то очередной херней, которая произойдет.

На стойке отмечаюсь, беру ключи от своего шкафчика, забегая на второй этаж, захожу в раздевалку и снова чувствую, как волна гнева во мне поднимается.

Сука, ну вот что я не ясно сказал? Я же дважды уже объяснил, что из игры выхожу, и преследовать меня не надо. Трахайся со своим мужем на здоровье, меня зачем в это впутывать?

— Алён, скажи, ты русский язык как? Понимаешь? — она сидит на лавке у моего шкафчика. Знает, что я в выходной всегда здесь вечером, сидит и ждет.

— А ты попробуй мне что хорошее на этом языке сказать, я пойму, — улыбается слишком гадко, чтобы мне нравилось. Тянет руки ко мне, я отбрасываю их и отхожу от нее на пару шагов. Как же меня это заебало уже...

— Хороших слов нет в моем лексиконе в отношении тебя. Иди домой, ни трахать тебя, ни тренировать, ни даже просто разговаривать я с тобой не буду.

— Ой, да ладно тебе, — она встает и подходит ко мне. В платье и на каблуках, явно не настроена заниматься спортом. Подходит слишком близко, и я не отступаю. Не привык.

— Я к тебе не приставать пришла, — она проводит ногтем по скуле, а меня трести начинает. Всю злость, что я загасил в себе утром, она преумножает раз в пять, — а рассказать одну вещь. Ты знаешь, кто мой муж?

— Олень? Баран? Козел? Любое животное с рогами, выбирай какое нравится.

— Не-е-ет, мальчик мой. Мой муж — банкир. Очень влиятельный, прошу заметить. Он не из хороших людей, успеха добился, пройдя по многим головам. И я ему тут случайно проболталась, что его жену трахает один мальчишка. Трахает, принуждая. А она вырывается, но он ее шантажирует, обещает выставить шлюхой перед мужем, и продолжает трахать. Как думаешь, ему понравилась история?

— Удивительно, что ты еще жива, раз он настолько влиятельный человек, — отбрасываю с себя ее руку, которой она проводит по моему животу. — Что тебе надо?

— Мне — ничего. Мой муж слишком любит меня, чтобы поверить в измены и что-то мне делать. А вот убить того, кто посмел тронуть его жену — он совершенно не против. Ты рад?

— Мне похер, — говорю правду. Что он мне сделает? Попробует избить? Ну-ну, я готов померяться силами. Захочет подставить? Негде делать это со мной. Убьет? Сделает одолжение. Не вижу смысла волноваться.

— Ну-у-у, раз ты не волнуешься, я расскажу ему, где ты живешь? — пытается шантажировать и запугать. — Или работаешь.

— Можешь еще ему мой номер дать и группу крови рассказать. У меня четвертая отрицательная, кстати. Ну, вдруг тебе захочется и этим поделиться. Это вся информация на сегодня? Я могу пойти потренироваться, или ты еще какую сказку мне рассказать хочешь?

— Ты такой идиот... — говорит Алена и, психанув, уходит из раздевалки, хлопая

дверью.

Бля, какой идиотизм. На что она надеялась? Что я испугаюсь и пообещаю трахать её до конца дней, только бы меня не тронул ее рогатый муженек?

— Ты спишь? — щелкает передо мной пальцами Лёха. Он тут тренер по боксу.

— Здарова, — пожимаю руку. — Занят сейчас?

— Надо спарринг? — сразу понимает Лёха.

— Пиздец как.

— Пошли.

Глава 5. Дамир

Удар. Лёха попадает мне в плечо, ударяя болящую от крепатуры мышцу. Током по руке пробивает до кончиков пальцев.

Приседаю, уворачиваясь от еще одного. Выбрасываю руку, пробивая в пресс соперника и добиваю в грудную мышцу вторым ударом.

Мы не бьем друг друга по лицу и не ломаем, как в жесткой битве. Выпускаем пар и помогаем избавиться от лишних эмоций, плюсом ко всему отработывая технику.

Лёха лупит по ребрам, пока я отвлекаюсь, но тут же включаюсь в игру и бью два правых в солнышко.

Я люблю драться. Это лучший спорт для меня. Я против насилия, но бокс это что-то другое. Это когда голова от мыслей пустеет и кроме физической боли вообще нихера нет. А физически давно уже не больно. Даже когда рёбра в трещинах и ссадины по лицу.

Мы заканчиваем спарринг, вымотавшись. Дышать тяжело, а пальцы от перчаток немного затекают.

Но сука, как же кайфово.

Бьём друг друга перчатками в знак уважения, и уходим с ринга. На сегодня все. У Лехи закончился рабочий день, а я приезжал просто подраться. Леха никогда не отказывает мне в спарринге, хотя мог бы пораньше уходить домой. Как-то раз сказал мне, что это своего рода психология. В целом, я согласен. Мозг это реально лечит.

Через полчаса иду домой. В теле приятная усталость, в голове все ещё почти пусто. Срывается мелкий дождь, ветер прохладный, кайфово очень. Обожаю такую погоду. В сто раз лучше, чемдохнуть от жары.

Выхожу с парковки, сзади выезжает машина, светя в спину яркими фарами. Отхожу вправо, пропуская, но та притормаживает и не едет. Странно.

Иду дальше, стараясь не обращать внимания, но машина едет ровно за мной. Надо быть идиотом, чтобы не понять.

Сворачиваю во дворы — она следом. Черная бэха, я успел рассмотреть. На улице темно, кто за рулём, уже не видно, да и тонировка там походу на все стекла, хер рассмотришь.

Внимания не обращаю. Хотели бы сбить — давно бы сбили, вокруг никого. Поговорить тоже пригласили бы. Тут откровенная открытая слежка. Показать, что я на крючке, и что обо мне им давно все известно. По крайней мере где работаю точно. А сейчас я их ещё и к дому собственными ногами проведу.

В голову приходят разные варианты, кто бы это мог быть. Любой привет из прошлого или всё-таки рогатый муженёк Алёны. Кандидатов много. И в любом случае этот один из них пытается меня запугать.

Я пуганый. Мне плевать на все эти детские уловки. Хотите что-то сказать — скажите. Ударить — пожалуйста, я открыт. А эта херня действует только на тех кто жизни не видел.

А я видел. Самую дерьмовую её сторону. Поэтому тонированной тачкой, которая следует по пятам, меня не напугать. Даже наушники не вынимаю из ушей.

Захожу в свой двор и замечаю за столом уже привычную мне толпу. Яр видит меня и рукой машет, подзывая к ним. Вынимаю наушники и оборачиваюсь: тачки больше нет. Слился, значит. Хер с ним.

— Давай к нами, Али, — снова Яр орёт, и другие кивают. На самом деле не понимаю.

зачем они меня зовут каждый раз. Общаюсь я мало с кем, играю тоже без особого энтузиазма. Мне казалось, неактивных из компаний сливают, а не тянут за собой каждый раз.

Думаю пару секунд и всё-таки принимаю решение: иду к ним. Компания та же, только вместо двух девчонок, что были пару дней назад, сидит одна другая. Та, что с Русом, удивительно ещё здесь. Задержалась.

— Здорова, Али, — жму руку по очереди всем, и подхожу к своему привычному месту, но на нём сидит как у себя дома та самая девчонка, которой я чуть башню не снёс. Вот те поворот.

— Задницу двигай свою, — обращаюсь к ней, а она поднимает голову и смотрит на меня так, как будто бы я попросил ее молнию вызвать, или ещё что похуже.

— А если нет? — спрашивает дерзко коза. Бесит меня.

— Подвину.

Стою и смотрю на нее в упор. Обычно это со всеми работает. Взгляд прямо в глаза не все выдерживают, но эта сидит, ещё и бровь поднимает, а потом...

Бля, улыбается!

Да что с ней такое?!

Смотрю ещё пару секунд, но уже не так уверенно, она реально меня своей улыбкой с толку сбивает. И каким-то чудом у меня злость вся пропадает. Темнота вокруг, видно дерьмово, а улыбку её видно. Чё за...

— Попробуй, — отвечает самоуверенно, подстёгивая меня. И я ведусь, сука. Ни секунды не думая подхожу к ней, за руку тяну на себя, над лавкой поднимаю, прохожу на свое место и только тогда её рядом усаживаю. Не вижу в темноте, но почему-то уверен, что она краснеет. По крайней мере, улыбку спрятала. — Варвар, — бурчит себе под нос и отворачивается от меня. Господи, ей что, четыре года?

— А девчонка-то у тебя способная, Рус, — ржет Ярик, пихая того в плечо. — С двух фраз Али из себя вывела, на моей памяти такого не было ещё.

Она опять улыбается, собой довольная, а Рус только плечами жмёт.

Как. Ее. Зовут?!

— Так ты Али? — возвращается ко мне. Перестала обижаться за полторы секунды. Я за ней не успеваю, серьезно. У нее разгон от обиженного ребенка до самой улыбчивой девушки в мире полторы секунды. — Это от какого имени? Александр? Ты Саша?

Ага, блять. Саша я. Санёк.

Молчу. Не понимаю, чё она ко мне липнет. За этим столом есть много других, более общительных людей. А она ко мне пристала.

— Ты чего, немой? Али? — спрашивает и смеётся. Шутку пошутила и довольная. Ха-ха.

— Ань, да не трогай ты его, — говорит Ярик, и меня осеняет. Точно! Она Аня! — Али у нас не особо разговорчивый, всё норм.

Вот он меня понимает. Он вообще самый нормальный из всех, как-то просто с ним. Он и обо мне знает больше других. Все ещё ничтожно мало, но больше.

А вот она нихера не понимает. Аня. Потому что фыркает Яру что-то и обратно ко мне поворачивается. Да сука... Надо было домой идти. Я на этой неделе уже был здесь. Второй — явно перебор.

Поднимается ветер. С сильным порывом чуть накрывает нас мелкими каплями дождя, а в нос опять бьют эти духи противные.

— Что ты кривишься-то? — удивляется моей эмоцией Аня. Запомнил, кажется.

— Духи у тебя пиздец вонючие, аж глаза режет.

— Не нравится, не нюхай! — на секунду она снова хмурится, но через мгновение улыбается снова. Я не понимаю. Нет, я знаю, что большинство людей в мире эмоциональнее меня, но она вообще взрыв какой-то. Я устаю за минуту от ее пристального внимания. Её слишком много. Как будто она не одна, а таких двадцать сидит тут.

— Так ты рядом сама уселась, я бы с радостью.

— Пересядь, — веселится мелкая. — А ещё лучше скажи, как тебя зовут. Саша все-таки? Или Али от Алексея? Ты Леша? От чего производное это Али?

— От Мухамеда, — всё-таки отвечаю, потому что она своим напором вообще не оставляет выбора.

— Ты чё, Мухамед? — она так искренне удивляется. Обнажает все эмоции запросто. Левому чуваку. Мне, который даже имя ее запомнить не мог нормально с первого раза.

— Слушай, что тебе от меня надо?

— Имя. Это так сложно? Я со всеми тут знакома, с тобой ещё нет.

Это бессмысленно, хочется мне сказать. Потому что ещё максимум неделя и тебя забудут тут, а на твое место придет другая. Такая же дурочка, которая поверит Русу и будет сидеть с лапшой на ушах со всеми знакомиться.

— С чего ты взяла, что я в этом знакомстве заинтересован? — спрашиваю, а она зависает на секунду. Придумывает ответ. Скорее всего уколоть как-то хочет.

— Хочу написать на тебя заявление в полицию за нанесение телесных повреждений, — говорит с улыбкой снова, складывая руки на груди. За столом все затихают, смотрят на нас, потому что явно никто понятия не имеет, о каких повреждениях речь идёт. На месте Руса бы снёс себе башню уже. Он просто смотрит. Хотя, возможно, он знает правду и просто наблюдает. — И чтобы тебя быстрее нашли, хочу написать сразу твое имя. Так что?

— Алиев Дамир. Ты если чё скажи куда, я сам к ментам подъеду. Быстрее дело пойдет. Ещё вопросы будут?

— Больше нет, — отвечает собой довольная. Даже нос задирает, радуясь мнимой победе. Улыбается опять. У нее это встроенная функция?

Я всё ещё не могу понять каким образом они с Русом сошлись. Я видел многих, кого он сюда приводил. У него всегда был определенный типаж, и эта Аня под него вообще никаким боком не подходит.

Я не понимаю, какого хера мне покоя это не даёт, но реально же странно. С одной стороны плевать вообще, а с другой мысли сами в эту сторону лезут. Потому что эта Аня несмотря на всю свою раздражающую активность абсолютно нормальная. Рус со всеми трахается на первом свидании, эта на такую не похожа. Я знаю, какие они. Эта Аня абсолютно другая. Вообще.

— Слыш, — обращается ко мне Яр, — а что было вчера? Мы тут слышали случайно. Что за дама? Девушка твоя?

Закрываю глаза и считаю до десяти. Я очень надеялся тут отвлечься хотя бы ненадолго от этой херни, но меня это как будто бы преследует.

Я не хочу отвечать и вообще упоминать произошедшее хоть как-то. Я понимал, что они все слышали, но думал, мозгов хватит ничего не спрашивать.

— Ошибки прошлого, — отвечаю коротко. Не отвечаю — вопросов будет ещё больше. А рассказывать ничего не собираюсь. Они и так слышали слишком много дерьма.

— Понял, заткнулся, — говорит Яр. — Если помощь какая нужна будет, свисти.

Киваю ему. Это, наверное, что-то типа «спасибо». А может просто кивок. Я не чувствую в себе благодарности, но неожиданность от его предложения помощи внутри меня всё-таки присутствует.

Нет желания сегодня играть. Ещё и порывом ветра снова этот запах в мою сторону сносит. Не мой день сегодня, точно не мой.

Встаю, как обычно пожимаю руки всем по очереди и говорю привычное:

— Всем пока, мужики.

— Тут не только мужики, Дамир, — летит в спину мне снова. Точно как в прошлый раз, только уже с моим именем. Которое звучит очень странно. Меня тут никто по имени не называет, все зовут Али. Баба Валя только, и то коверкает имя мое. Для других я Али. Алёна по имени ещё звала, но это особо приятных ассоциаций больше не вызывает. А тут... странные эмоции какие-то.

Не отвечаю. Иду дальше, к дому.

Замечаю у подъезда ту же бэху, что ехала за мной от самого спорт клуба. Молча иду в подъезд. Реально жду, что сейчас кто-то нападет сзади, даст по башке или что-то вроде того, но странно, этого не происходит. За мной никто не идёт и убить не пытается. Хотя я оборачиваюсь у самого подъезда и все-таки замечаю, что в тачке кто-то сидит.

Поднимаюсь в квартиру, иду в душ, выхожу, стряхивая капли с волос, хватаю с полки яблоко и иду на балкон. Погода сегодня кайф, хочется дышать и дышать.

Опираюсь на перила локтями и жру фрукт. Звёзд вообще не видно, все в тучах, срывается дождь. Кайф. Обожаю эту погоду.

Балкон выходит на другую сторону от двора, где собираются мои знакомые, но я и сюда слышу их галдеж. И смех. Очень искренний и звонкий.

Я безошибочно определяю, кому он принадлежит. Тупое желание в башке появляется, узнать, что ее так развеселило.

А ещё почему-то на языке ее имя вертится. Аня. Кажется, запомнил.

Глава 6. Дамир

Стандартное утро ничем не отличается от прошлых. Разве что только тем, что эта овсянка не такая уж и противная и я съедаю всю тарелку.

Иду на пробежку. Ночью херачил ливень, все дорожки в лужах, но даже если бы он не закончился, я бы все равно пошел бегать.

Выхожу из подъезда и краем глаза замечаю ту же тачку. Впереди кто-то сидит, но машина далеко, чтобы я смог рассмотреть лицо. Надо быть идиотом, чтобы не понять, что это самая банальная слежка. И в какой-то момент мне хочется, чтобы это реально был ревнивый рогатый муж Алёны. Потому что приветы из прошлого мне нахер тут не нужны.

Я не боюсь. Но тащить эту грязь в мое настоящее, которое я выстраиваю слишком старательно, слишком долго и слишком тяжело я не хочу. С прошлым покончено, оттуда я притащил только имя и прозвище. Больше ничего. Вообще ничего.

А это реально может быть кто угодно. От мужика, у которого я украл деньги, когда мне было пятнадцать, до того, кто торговал наркотой и меня, идиота семнадцатилетнего, посадил. Я торчал ему бабок, много. Очень много. Потому что он доставал мне таблетки. И пока я толкал их по подворотням таким же идиотам, его все устраивало. А когда понял, что на дно иду и решил постараться жить нормально — он стал меня прессовать и требовать кучу бабок за все эти колеса. И когда я таки убежал от той жизни, вернул ему только часть, и то принудительно. Обычно такие люди долгов не забывают. Но мне было семнадцать, восемь лет прошло. Если бы он хотел, наверное, явился бы раньше. Я даже не знаю, жив ли он сейчас. С таким-то образом жизни. Повезло ещё, что я не скопытился. Или, наоборот, не повезло.

С одной стороны это может быть он, несмотря ни на что. Если жизнь прижала и ему реально нужны бабки, он мог легко обо мне вспомнить. И если это реально он, то я готов хоть лям найти прямо сейчас, лишь бы он свалил обратно и никогда в моей жизни не появлялся.

Машина удивительно за мной не едет. Я был уверен, что на контроле теперь каждый мой шаг. Но тачка остаётся во дворе и я спокойно бегаю свой отведенный на это дело час.

А потом иду в магазин, потому что баба Валя снова просила скупиться. Она ходит тяжело и с палкой, а мне не сложно раз в пару дней зайти в магазин и взять немного продуктов. Соседка из-за этого считает меня хорошим человеком. Как мало ей нужно, чтобы составить мнение.

Просила купить корм для кота. Она вся в заботах теперь из-за этого рыжего и хвостатого. Стою, выбираю, пытаюсь из всего разнообразия найти тот, что для маленьких котов. Детей котов. Котят.

— О, привет! — слышу справа и поворачиваю голову на звук, пытаюсь понять, мне или не мне было адресовано. — Корм выбираешь? Коту? У тебя кот есть? А мне нельзя котов, у меня аллергия, хотя я очень люблю...

— Остановись, — говорю девчонке. Аня. Я помню. Теперь не забуду точно. — Слишком много вопросов.

«И текста в целом», — хочу добавить, но не успеваю, потому что она снова начинает тараторить.

— Блин, прости! У меня просто сегодня настроение очень хорошее, вот и я

разболталась. Так что, у тебя есть кот? Как зовут?

Она ещё туда же спрашивает его породу и цвет, а я зависаю секунд на тридцать. Она сказала «прости». Просто так, извинилась вообще ни за что. Так легко, как будто бы для неё это ничего вообще не стоит.

— Эй, Дамир, ты тут? — нагло щелкает пальцами у меня перед лицом девочка, и по слуху снова бьёт произношение моего имени. Не скажу, что мне неприятно, но странно. Непривычно. — Уснул?

— Слушай, чё тебе надо? Я не могу найти корм для мелких котов, не взрывавай хотя бы ты мозг.

— Давай помогу тебе! Совсем маленький? Месяц есть? — спрашивает, подходит ближе и начинает сразу активно искать нужное мне. Я что-то киваю, потому что понятия не имею, есть ли коту месяц, но не думаю, что это проблема, если вдруг ему двадцать девять дней. Не сдохнет. Наверное. — Вот! Для маленьких котят от одного месяца. Сколько нужно штук?

Не отвечаю и закидываю в корзину пачек десять, наверное. Сколько одним хватом взять получается, столько и беру.

Все так же молча отхожу в другой отдел, потому что баба Валя просила купить ей муки, и снова залипаю, пытаюсь вспомнить, какая именно ей нужна.

— О-о-о, так ты печешь? — хохочет рядом Аня и я машинально закрываю глаза. Чё надо от меня? Шла бы по своим делам. — А крестиком не вышиваешь?

Мне очень хочется спросить у нее, какого черта она ко мне лезет, но внутри меня снова нет ни капли агрессии и злости, из-за которой я мог бы ее даже послать сейчас. Не выходит. Просто стою как debil и понять не могу, что этой Ане от меня надо и почему она ко мне пристаёт с миллионом тупых вопросов.

— Нет, я не пеку, — отвечаю спокойно, потому что пока молчал, она спросила ещё сотню раз, что именно пеку и какое тесто мне нравится больше всего.

— А зачем мука?

— Соседке. Ань, что тебе надо? — поворачиваюсь к ней лицом, спрашивая. Приставучая как пиявка, моя социофобия её боится. Мы знакомы полторы минуты, а она со мной как со старым другом.

— Почему сразу что-то надо? Просто пообщаться с тобой нельзя?

— Со мной — нет.

— Ладно! — сдаётся и топает ногой. И руки опять в замок складывает. Ребёнок... — Но подошла я к тебе не за этим, а правда хотела поздороваться и вообще! А тут ещё и корм, и мне просто стало интересно, есть ли у тебя кот...

— Ближе к делу, — перебиваю этот словесный поток и она замолкает, а потом набирает полную грудь воздуха и выдает мне:

— Руслан сказал, что ты тренером работаешь, а мне очень нужны тренировки! Поможешь?

Каждый день девчонки в зале пытаются меня склеить таким образом, упрашивая их тренировать. И меня на пару секунд злость накрывает, но потом Аня улыбается и отпускает снова. Её улыбка точно молоток по затылку. Да и вряд ли она спрашивает именно для этого.

— Что тебе надо? Конкретнее.

— Мне врач прописал кардио тренировки, сказал выбрать что-то, я выбрала. Хочу бокс! Но тренера толкового не знаю, а Руслан сказал, что ты давно работаешь.

Руслан сказал...

— Я только в зале работаю, бокс — не мой профиль. Сам себя там тренирую. Могу номер тренера дать, найдет окно, запишет тебя.

— А ну... если так, то давай, конечно. Да, спасибо.

Спасибо... её громкие слова у меня почву из-под ног выбивают. Мне так странно это все слышать. Слово за словом, пулеметом строчит то одно, то другое.

Диктую ей номер Лёхи, сам удивляясь своей почти дружелюбности, и потом всё-таки ухожу от нее, собирая продукты для бабы Вали и дальше. Себе хватаю немного и иду на кассу, и Аня тут как тут встаёт позади меня с одним несчастным йогуртом и шоколадкой. Зачем я смотрю на то, что лежит у неё на ленте, не знаю.

Она просто очень странная для меня. Всяких людей в моей жизни хватало. Эта всех переплюнула. По каждому пункту.

Удивительно, но она молчит. Стоит сзади меня и пялится в телефон.

Я опять чувствую её духи. Делаю шаг вперёд, чтобы хоть немного выйти из облака этого запаха, но она как специально подходит и не даёт возможности дышать нормальным воздухом.

Забираю пакеты и выхожу из супермаркета. Перехватываю их одной рукой, чтобы второй достать наушники и дойти до дома с музыкой.

— Дамир, стой, Дамир! — орёт мне в спину Аня и все происходит буквально за полторы секунды.

Эта активистка бежит за мной, не глядя по сторонам и не думая, видимо, головой. И чтобы попасть в поле зрения, оббегает меня сбоку.

Я за долю секунды до столкновения успеваю схватить ее свободной рукой поперек живота и оттащить от велосипеда, который на скорости несся буквально ей в спину. Она сломала бы позвоночник и пробила голову сразу. Я уверен.

— Тебя, блядь, по сторонам не учили смотреть? Тебе жить надоело? Куда ты под колеса лезешь, он по дорожке своей едет, нельзя на неё вылетать, блядь!

У меня кровь закипает от злости. Моментально. Чувствую, что сжимаю ее кожу на талии слишком сильно, но от адреналина, который выплеснулся очень резко, разжать пальцы буквально не могу.

Она зажмуривается от страха или хер знает от чего и прижимает к груди свой сраный йогурт.

— Ты чем думала, я спрашиваю?!

— Прости... — говорит тихо. Глаза открывает, но на меня не смотрит. Вниз куда-то, как ребёнок нашкодивший. — Прости, пожалуйста, я просто хотела спросить у тебя ещё кое-что по поводу тренировок, пока ты не ушел. Спасибо тебе большое, что меня не сбило велосипедом. Это было бы куда больнее, чем шишкой по черепушке.

Мой мир делает переворот на триста шестьдесят от этих слов.

С какой-то стороны я даже немного завидую этой простоте. Для меня сказать эти слова так же сложно, как заставить себя улыбнуться.

— Просто больше так не делай, — отпускаю ее, только сейчас осознав, что всё это время крепко держал ее за талию. Но она в таком шоке, что, кажется, не заметила этого вообще. И хорошо.

Отхожу от Ани на пару шагов, потому что за сегодня ее слишком много в моей жизни. Да и в целом.

Лезу в карман за наушниками, но там пусто.

Шарю по другим, а потом бросаю взгляд на землю и закрываю глаза.

— Сука...

— Дамир, что-то..? — хочет спросить Аня, но я не отвечаю и она замолкает. Поднимаю наушники с земли, но, видимо, я вышвырнул их с достаточной силой, когда пытался сделать так, чтобы девушку Руса не пришлось собирать по кусочкам. Наушники можно выкинуть. До дома иду без музыки. Фак...

Глава 7. Дамир

Дерьмово идти без музыки, но благо от магазина домой вообще недалеко. Ситуация у супермаркета с этой Аней не даёт мне покоя.

Похер на ее разговорчивость и все остальное, к этому, наверное, даже можно привыкнуть.

Дело в другом. Я ни секунды не сомневался в том, чтобы оттащить ее от этого велосипеда.

Почему?

С одной стороны, это нормальная реакция любого нормального человека. Но я себя знаю. У меня рефлексы эти не работают, я не стал бы спасать кого-то левого просто потому что я супергерой из мультика.

Я не герой, я плохой персонаж. Тот самый, от которого спасают и убивают в конце фильма, чтобы он не мешал жить другим.

А когда эта неугомонная чуть там не растянулась под колесами велосипеда, я даже не понял, как схватил её.

Это странно для меня и это парит. Её смех и глупые вопросы меня успокаивают, а мысль о том, что она могла навредить себе — выводит из себя.

И эти мысли в целом меня очень бесят.

Заставляю себя не думать о ней — мне нахер это не надо. Пора прекращать пересекаться с ней даже случайно. Трёх встреч хватило, чтобы я кукухой отъехал. Обрубить на корню надо. Причем срочно.

К дому подхожу и снова вижу бэжу. На ней кто-то пасет меня, не стесняясь и не скрываясь. Пытается запугать.

Захожу в дом, заносу бабе Вале продукты, ещё пару минут слушаю от нее какой я отзывчивый, добрый и ещё всякий бред, и иду домой.

У меня есть около часа до выхода на работу, и я стараюсь заняться чем угодно, только чтобы не думать ни о чем. Ни о ком. О ней, блядь, не думать. Потому что сидит пиявкой в башке все утро и жизни не даёт.

Беру с полки книгу и усаживаюсь на подоконник читать. За чтением обычно всегда время проходит незаметно.

Тянусь рукой к носу, почесать переносицу, и залипаю в стену на пару секунд. Руки её духами пахнут. Вот этими резкими и противными, которые из лёгких не выветриваются потом ещё пару часов точно.

Отчётливо слышу этот запах. Видимо, она ими насквозь пропитана, потому что мы постояли рядом не больше минуты, а я весь провонялся.

Бросаю книгу и иду в душ, чтобы смыть с себя все, что смыть возможно, и потом, стараясь вообще ни о чем не думать, выхожу на работу.

Снова иду пешком, и тачка где-то минут через восемь появляется в поле зрения. Меня это прилично так достало уже, но пока я держусь.

Она пасет меня до самого зала, но в итоге снова никто и не выходит. Это становится просто скучно.

***

В конце рабочего дня я вымотан до такой степени, что первый раз за долгое время

жалую, что не поехал на тачке. Клиентов было много, в перерывах я занимался сам, чтобы отвлечься от всего происходящего, и в итоге так упахался, что руки тяжело поднимаются даже надеть футболку и кепку.

Выхожу на улицу: темно и свежо. Снова пахнет дождем, ощутимый ветер. Кайфово.

Секундным порывом думаю вызвать такси и доехать до дома с комфортом, но погода настолько крутая, что пройтись полчаса уже не кажется так сложно.

Бэха выезжает со двора сразу как только я прохожу мимо. Я не особо внимательный человек и то, что у нее нет номеров, замечаю только сейчас. Как её ещё не приняли?

Иду минут десять, по дворам, как обычно. Мой маршрут не меняется, я слишком людные вечерние улицы на дух не переношу.

Она катит за мной. Метрах в двадцати, просто тупо едет по пятам, а если проехать тут нельзя, объезжает и показывается в поле зрения снова.

Меня это конкретно так достало. Кулаки сжимаются и хочется чтобы это дерьмо просто решилось.

Заворачиваю в очередной двор и останавливаюсь. Разворачиваюсь лицом к тачке. Темно, ещё и тучи, не видно вообще ни черта.

Смотрю прямо в лобовое, примерно понимая, на каком уровне находятся глаза водителя. Чуть наклоняю голову и прищуриваюсь.

Так нарываю. И я откровенно показываю это. Меня заебала тупая слезка и попытки запугать. Давно пора решить вопрос и забыть об этом.

Но из тачки никто не выходит. Свет фар ослепляет немного, но я делаю пару шагов к машине и вижу, как та сдает назад. Серьёзно? Я хотел вытащить того, кто сидит за рулём и нормально поговорить, но с той стороны явно отступают.

Делаю ещё два шага. На тачке снова сдают назад. Это какой-то бред. На личную охрану это уже похоже больше чем на слезку.

Раскрываю руки в стороны, показывая, что я готов к переговорам. Я стою прямо перед тачкой, между нами метров пятнадцать от силы, надавить на газ и сбить меня не стоит вообще ничего. Но тачка стоит на месте.

Разворачиваюсь и ухожу. Меня напрягает эта ситуация. Бесит молчание и загадки, бесит, что не контролирую и не знаю, что от этого ждать. Ненавижу не понимать, что происходит.

Внутри относительное спокойствие и холодность. Я привык реагировать на все с минимумом эмоций, и даже такая ситуация не исключение.

Иду дальше, и за мной уже никого. Не знаю, с чем связано, но к лучшему. Поняли, что действовать надо иначе? Хорошо бы. Потому что тупая слезка — скучно.

Захожу в подворотню что ведёт прямо в мой двор. Это самый прямой путь. Странные заброшки, мусорные контейнеры и обязательно какой-нибудь уличный кот. Все точно как в кино, атмосфера точь в точь.

Замечаю у стены силуэт парочки. Точнее парня, но надо быть идиотом, чтобы не понять, что он не сам себя к стене прижимает.

Освещения тут нет нихера, сверху какой-то один потрёпанный жизнью фонарь светит и всё.

Стараюсь не смотреть в их сторону, но и разворачиваться и обходить не буду. Не удивлюсь, если это та парочка соседей моих решила потрахаться прямо на улице.

— Я не понимаю, почему ты ломаешься, — слышу голос, когда прохожу мимо, и резко

торможу. Пока я без наушников, мне приходится слушать все прелести окружающего мира.

Это голос Руса. Триста процентов. У него он грубый, легко отличить от других, а ещё он немного шепелявит на букве с. И в этой фразе это было слышно.

Рус стоит ровно ко мне спиной, локтями опираясь на стену. Там девушка, но ее не видно.

Мне только остаётся догадываться, новая там уже, или... Надо уйти, но я стою.

Я жду, когда заговорит девчонка.

— Руслан, ты торопишь меня, я не...

— Здорова, Рус, — я не успеваю подумать, говорю быстрее. Не хотел, не собирался, но сказал.

Не пожалел, если уж честно.

— Блядь, — слышу тихий мат, но потом он поворачивается ко мне, отпуская Аню. — Здорова, Али.

Он подходит пожать руку, а Аня буквально сбегает отсюда, на ходу застегивая замок на кофте.

Я не буду пытаться понять самого себя и свой поступок. Сделал как сделал. Где-то внутри я оправдываю себя и говорю, что все правильно.

Но почему я это сделал — для меня самого загадка..

Глава 8. Дамир

Чувствую себя странно, когда снова усаживаюсь за стол с компанией. Я правда зачастил в последнее время, раньше таких косяков за мной не наблюдалось. Но я дошел сюда с Русом, а там меня снова увидел Яр, который зовет меня каждый раз, стоит мне оказаться в поле зрения.

Мы шли следом за Аней. И мне казалось, да и кажется до сих пор, что это какая-то другая девчонка, не она. Она молчит, не смеется, не выдает сто глупых вопросов в секунду.

Наблюдаю за ней. Стоит в паре метров от всех, опирается на столб плечом, зависает в телефоне. Рус кидает на нее взгляд, но она не смотрит. Кутается в кофту.

Я слышал, что она сказала. Что он торопит её. Тупой бы догадался, о чем речь. Тогда я снова нахер не понимаю, каким образом они сошлись с Русом. Он западает только на тех кто дает с первого взгляда, но если тут явный облом, то почему они вместе? Влюбился? Или она?..

Рус недовольный, но честности ради, это последнее, что меня волнует сейчас.

Она не смеется, блядь!

Я еще утром бесился от ее чрезмерной активности, а сейчас мне катастрофически хочется, чтобы она задала какой-нибудь тупой вопрос и рассмеялась.

Нутром чую, что это слишком дерьмовая идея. Надо гнать себя отсюда в шею и вообще к ней не приближаться, но сука, не могу!

Это слишком дерьмово. У нее есть парень, я ей не пара, да и она мне точно нет. У нас сто процентов нихера не выйдет, но блядь, я смотрю на нее и мне катастрофически ее смеха не хватает.

Это полный пиздец, я не могу других слов найти. В секунду размазало просто. Даже понять нихера не успел, просто влип и всё. Бесился от ее вопросов и в целом от присутствия, а сейчас...

Нет, то, что она болтает без умолку, меня до сих пор бесит. И духи ее вонючие. Но не хватает этого.

И это конец.

— Да сядь ты уже, что как бедный родственник? — мысленно луплю себя по ребрам и челюсти за слабость. Я должен был пойти домой, а не заводить с ней разговор.

— Ничего себе, ты говорящий, — отвечает мне Аня с лёгкой улыбкой. Делает несколько шагов и садится рядом. И снова запах этих духов. Меня в него как в болото затягивает. Ну не может такая девчонка так отвратно пахнуть, вообще не стыкуется.

— Зато ты сегодня подозрительно тихая, — включается в разговор Яр. — За вчерашний день недельный лимит слов высказала, теперь молчишь?

— Типа того, — жмет плечами и прячет ладони в широкие рукава толстовки, натягивая те до самых кончиков пальцев.

— Анечка, а если серьезно? — продолжает Яр. Он не смеется над ней, реально спрашивает, интересуется. Яр нормальный пацан. — Случилось чего? Помощь нужна?

— Яр, тебя больше всех надо? — рывкает на него Рус. Недовольный. Злой. У меня складывается пазл в голове, но я стараюсь не думать об этой ситуации в целом. Дура влюбилась, а у него спортивный интерес трахнуть недотрогу. А потом ходить хвастаться, что и ее смог сломать. От одной мысли челюсти сжимаются и кулаки. Пиздец, приехали. —

Нормально у нее всё.

— Да просто вежливость, чё началось...

Аня тухнет еще сильнее. Подтягивает ноги к себе и колени прячет под кофту. Становится незаметным комком. Запрокидывает голову и смотрит на небо. Оно сегодня безоблачное и звездное.

Молчит минут семь. Меня это пиздец напрягает, если честно. Она должна говорить без остановки и нести чепуху, а иначе мне кажется что с ней пиздец какой-то происходит.

Мысленно уговариваю себя её не трогать. Это не моё дело вообще, что с ней там не так и что у нее в башке творится. Загоняется — пусть.

Но головой я всё это понимаю, а язык против воли двигается. Хотя я даже не успеваю ничего сказать — а я понятия не имею, что собирался, — как она сама начинает бубнить себе под нос что-то.

— Ты дождь вызвать пытаешься? — спрашиваю, глядя на нее. У нее появляется улыбка. Вау...

— Там просто упала звезда и я желание загадала. Сегодня много звезд падает, смотри на небо и загадывай тоже.

— Ты же не думаешь что я верю в эту хрень?

— Чудес не будет, если в них не верить, — умничает Аня, а потом резко оживает и поворачивается ко мне всем телом всё еще находясь в коконе из собственной кофты. — Вот ты в гадание веришь?

— А по мне кажется, что могу верить?

— Если честно, то не очень, — мнетса и всё-таки улыбается. — Но, хочешь, я тебе погадаю? Я умею!

— Это звучит как бред, — качаю головой. Ну какое еще погадаю? Что за чушь?

Аня снова сникает и отворачивается. Да бля... Почему меня вообще это парит?

Она смотрит на звезды, я машинально поднимаю голову к небу. Звезда падает, Аня снова под нос себе бубнит что-то, верит во всю эту чушь с желаниями, гаданиями.

Она сегодня слишком тихая и подозрительно молчаливая. Я замечаю недовольные взгляды Руса на ней и кулаки прямо чешутся врезать ему, чтобы он смотрел в другую сторону. Несмотря на то, что она его девушка.

— Что надо для гадания твоего? — сам не верю, что говорю это, но бля, походу реально говорю. Потому что Аня оживает за полторы секунды. Освобождает ноги из плена толстовки, чуть не рухнув при этом с лавочки пару раз, и поворачивается ко мне всем телом, одну ногу таки загибая под себя, чтобы сидеть было удобнее.

На что я подписался вообще? И главный вопрос: зачем? Чем я думал?

— Дай мне руку, — она тянет мне ладонь, ожидая, что я вложу в нее свою, а мне срочно хочется отсюда уйти. Да потому что блять... Ну какие гадания? Еще и за руки.

— Руку? — тупо переспрашиваю, надеясь, что она вдруг передумает. Что там для гадания еще может быть надо? Кусок одежды, три волосины, всё забирай. Но трогать за руки... Не уверен, что это хорошая идея.

— Да, твою ладонь, давай, — подгоняет меня Аня. В её глазах снова горит миллион огней, хотя я всё так же в темноте толком не вижу таких деталей. Она довольная и радостная, ждет, когда я дам ей свою руку, чтобы сделать с ней хер пойми что. Как мало ей надо для неподдельной радости. Она как будто бы ненастоящая...

— Детка, что происходит? — вклинивается Рус, видя, что Аня тянет мне руку.

И сука, я опять срываюсь внутри. И не контролирую вообще ничего. Но только внутри... Снаружи я как всегда. Умение не показывать реальные эмоции у меня еще из детского дома сохранилось. Там стоило чаще молчать и не оголять свои эмоции перед чужими.

— Гадаем, чувак, остынь, — говорю и на автомате вкладываю свою руку в ее ладони.

Меня не бьет током, как любят превозносить банальное касание девчонки. Но мне приятно. У нее мягкие и теплые пальцы.

— М, — многословничает Рус и отворачивается от нас, продолжая диалог. Пока я тут, это первый раз, когда Рус обратил на Аню внимание и сказал хоть что-то. До этого было полное ощущение, что ему на нее наплевать.

— Так, расслабь ладонь и доверься мне, — говорит довольная уже Аня. Доверься... Это сложнее, чем тебе кажется, активистка. Людям вообще доверять не стоит, я так считаю.

Но ладонь расслабляю, как и просит.

Около минуты она ее всю рассматривает со всех сторон. Что хочет увидеть там — понятия не имею. Смотрит на тыльную сторону, пальцы разглядывает, а потом аккуратно так, почти не касаясь, по сбитым костяшкам проводит кончиком пальца и как-то странно смотрит на меня. Ну что смотришь? Да, я люблю помесить грушу без перчаток. Это успокаивает.

— Что ты там рассматриваешь?

— Считываю твою энергию, не бубни, — говорит, улыбаясь, а потом зажимает мою ладонь между двух своих и закрывает глаза. Говорю же, странная. Чудачка.

Руки у нее почти горячие, сижу и жду, пока она там что-то считает, руку не забираю, хотя от такого явного посягательства на мое личное пространство уже немного некомфортно.

Смотрю на нее. Она правда как ребенок выглядит. Макияжа на лице вообще нет, ну или он такой, что его не видно. Я помню, сколько шпукатурки было на Алёне, да и вообще как сейчас любят краситься девчонки, а тут настоящая. В этом тоже не такая, как все.

— Так, всё понятно, — говорит неожиданно резко, и руку мою не отпускает. — Ты очень опечален и у тебя есть много причин для этого. Я угадала?

— Сама думай, ты же гадаешь, — подыгрываю ей, хотя на самом деле не хочу отвечать на вопрос. О том, чем я опечален, должен знать только я.

— Ладно, — хмыкает и разворачивает мою руку ладонью кверху, положив ту на своё бедро. — Смотри, — показывает пальцем на какую-то линию, — это вот линия жизни. Она у тебя длинная, лет сто проживешь.

— В этом-то мире? Да нахер надо так долго.

— Молчи! Вот это, — проводит пальцем по ещё одной, — судьба. Она у тебя вся ломаная, сложная. Но потом выравнивается и во-о-от тут, видишь, уже нормально идет. Это значит, что...

— Я понял, не продолжай, — перебиваю ее, потому что догадки, почему у меня там что-то ломаное, не хочу слушать.

— Так, ладно. Вот это — любовь. У тебя она совсем крохотная, но вот примерно на том же этапе, что и судьба, она становится яснее и ровнее. Кажется, ты будешь счастлив в любви, — улыбается, довольная собой. А мне вообще не радостно. Дерьмовое предсказание какое-то. Не потому что мне якобы хорошую жизнь пообещали. А потому что я знаю, что ее не будет.

Забираю руку из ладоней Ани и встаю из-за стола. Вижу, как она теряется, суетится.

— Я что-то не так сказала? Прости, я же только учусь!

Бля... за что она опять извиняется? Что за слово-паразит?

— Нормально всё. У меня просто режим, спать пора, — на самом деле спать вообще не хочется. А еще после увиденного не хочется оставлять Аню один на один с Русом. Это охуеть как дерьмово закончится, я уверен на все сто, поэтому увожу свою тушку отсюда силой. — Давайте, мужики, пошел я.

— Но тут не только мужики, Дамир, — летит уже привычное в спину. Останавливаюсь, закрываю глаза. Не-не. Не дождется.

***

Сегодня проснуться в разы сложнее, чем обычно. Всю ночь почти ворочался, как дибил, думая хер знает о чем. Вспоминал прошлое, хотя сам себе клялся, что всё забуду. Думал о том, что всё-таки меня преследует. Пытался понять самого себя и заглянуть в ту яму, что у меня внутри.

Меня пиздец как вмазало в последние дни из-за этой Ани. Я не скажу громких слов, потому что незачем, и еще потому что я в принципе этих слов не говорю. Я не верю во все это дерьмо.

Но вмазало меня конкретно.

Духи её вонючие как будто бы двадцать четыре на семь под носом. Я в душе вчера после ее гаданий полчаса торчал, а руки все равно ею пахли. Я постоянно думаю о том, как и зачем она связалась с Русом, а теперь еще и та сцена в подворотне перед глазами.

Мне хочется схватить ее за плечи и орать ей в лицо, чтобы она уходила от него и жизнь себе не портила. Предательство — это дерьмово, я ощущал сотню раз и знаю, о чем говорю. А Рус не из тех, кто до гроба и с первого взгляда, его я тоже знаю достаточно. Он трахает и бросает, а эта активистка даже из-за мелочи любой губы дует, предательство ее наверняка убьет.

И да, я не знаю, какого хера мне вообще не насрать, но выходит так, как выходит.

С трудом просыпаюсь, собираюсь и иду на работу. Наушники так и не купил, хреново, бесит всё, что вокруг происходит. Но иду. Минуте на восьмой замечаю, что я сегодня без сопровождения. Удивительно. Выходной?

Дохожу быстро, сразу грузюсь в работу. Первый клиент, второй, а потом окно. Решаю пойти поколотить грушу, чтобы полтора часа в потолок не плевать.

Затягиваю бинты на костяшки, снимаю майку, чтобы не мешала, шнурки на кроссовках потуже и захожу в зал. Моя груша, не персональная, конечно, но единственная мне удобная, висит в углу зала. Их тут штук восемь, наверное, и эту обычно никто не выбирает. Поэтому проблем нет. Всегда свободна.

Но не сегодня...

Замечаю у груши Лёху, он что-то объясняет клиенту, учит правильно держать корпус.

Бля...

Придется выбрать другое место.

Отхожу недалеко оттуда, груша в противоположном углу от них, в целом тоже сойдет. Пару раз прыгаю на месте и тяну плечи, пытаюсь хоть немного размяться, и слышу смех. Торможу.

Какого хера?

Смотрю на Лёху. А рядом с ним Аня. Пытается правильно встать в стойку и хохочет хрен пойми от чего.

Сначала мне хочется спросить, что она тут нахрен забыла, а потом я вспоминаю, что собственноручно дал ей номер Лехи, чтобы она записалась на тренировки. Бля, нигде покоя нет...

Поворачиваюсь к ним спиной, чтобы не смотреть, и начинаю колотить грушу. В голове разные мысли, пытаюсь каждую выбить. Сильнее и сильнее, до такой степени, пока бинты удар не смягчают уже.

В уши врывается голос Лёхи. Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Али, у тебя окно? — спрашивает меня. Выглядит странно, в телефоне копается.

— Еще час где-то. Отскочить надо?

— Жена позвонила, с мелким что-то, надо в больницу срочно. Я всех отменю на сегодня, а тут девчонка, не выгонять же. У нее тридцать минут еще оплачено, подхвати, а?

Для нас это нормальная практика. Мы иногда выручаем друг друга. Потому что оба уверены в профессионализме. Но сука... Почему именно она?

— Спасай, дружище, бежать надо.

— Иди, — киваю, соглашаясь. Не могу не помочь.

— Спасибо! С меня причитается. Аня, это Дамир, — говорит ей Лёха и она поднимает голову на меня, тоже отрываясь от телефона. — Он тоже тренер, сегодня с ним закончите, прости, у меня непредвиденные обстоятельства. По поводу следующей тренировки позвоню, — говорит быстро и за секунду вылетает за дверь.

А мы остаемся вдвоем.

Ну что за...

Глава 9. Аня

Когда мне было четыре, мои родители приняли решение развестись. Я не знаю, в чем была причина, и не знаю её до сих пор, но факт остаётся фактом — семья распалась, а я... А я осталась жить с отцом. В свои четыре я уже могла высказывать мнение и его даже приняли во внимание во время суда. Я сама выбрала отца, хотя безумно сильно любила и люблю мамочку.

Я была абсолютно папиной дочкой. Я училась забивать гвозди вместо того, чтобы учиться готовить, и целыми днями торчала с ним в гараже, а не с мамой на кухне.

Отношения у меня хорошие и с мамой, и с папой. У мамы новая семья и ещё двое детей, а папа никого не приводит в наше с ним семейное гнёздышко. Он думает, что я не знаю о нашей соседке Юле, с которой у них отношения уже больше двух лет. Она довольная милая, а папа очень смешно пытается скрываться. Но раз ему так комфортнее, я не буду лезть в эту историю.

Я до сих пор папина дочь, несмотря на то, что мне уже давно не четыре. В свои девятнадцать я неплохо вожу, разбираюсь в машинах, умею чинить розетки и чистить слив в раковине.

А ещё я безумно люблю мужской спорт.

Танцы, фигурное катание, гимнастика — это очень красиво. Но вообще не моё.

Все детство я гоняла с пацанами во дворе в футбол, а зимой нам там же заливали каток и мы играли в хоккей. Я недолго ходила на карате, потом на какую-то ещё чушь по самообороне, а потом времени из-за учебы стало катастрофически не хватать и я бросила все.

А неделю назад доктор сказал мне, что спорт обязательно нужно включать в мою жизнь. Кардио-нагрузки. Потому что я переболела сильным воспалением лёгких, и чтобы не задыхаться до конца дней, их тоже нужно тренировать.

Я сразу решила, чем буду заниматься, потому что бокс — давняя невыполнимая мечта.

Ещё и Руслан как-то обмолвился что Дамир работает тренером и вроде постоянно боксирует, и я подумала, что это идеальный вариант. Заниматься со знакомым всегда ведь проще!

Оказалось, что не с ним... но я не сильно расстроилась, хотя немного всё-таки да. Главной задачей было дойти до тренировки и начать заниматься.

Мне не терпелось. Я позвонила по номеру в тот же день, как Дамир оставил его и записалась на самую ближайшую тренировку.

Папа поддержал меня, а мама по-доброму похихикала, что меня так и тянет туда, где нет места девчонкам.

Я в целом ничего не скрываю от родителей. Кроме... наверное только кроме Руслана. Он сильно старше, как сказал бы папа, и сильно не моего поля ягода, как сказала бы мама.

А я просто влюбилась, да и... неважно, в общем. В последнее время у нас сложные отношения, что меня очень расстраивает.

Тренер Лёша довольно милый. Он сразу задал пару миллионов вопросов о здоровье, рассказал о тренировках, и только потом мы приступили к занятиям.

Это так... вау! Это ощущение исполнения давней мечты просто невозможное. В первые секунды от адреналина и счастья у меня дрожат руки и накатываются слёзы. Я все выражаю

эмоциями. Все говорят, что я эмоциональная бомба. Если плачу, то навзрыд, если смеюсь, то так, что все вокруг начинают смеяться. Я могу плакать, а через пару секунд хохотать вовсю. Кому-то тяжело со мной из-за этого, но тот, кто рядом, всегда самый ценный.

Лёша не разрешает пока бить по груше, потому что можно выбить себе локоть, запястье и все что можно выбить. Ставит меня в нужную позицию, рассказывает о технике, показывает на своем примере. Около двадцати минут мы разбираем всё это, он смешно шутит, я хохочу как всегда громко.

Не вижу, что происходит вокруг, полностью сосредоточенная на своём деле, и даже когда Лёша отходит ответить на звонок, замечаю это не сразу.

— Отдохни пару минут, — шепчет мне, и я киваю, отрываясь от груши.

Слышу разговор Лёши с женой, видимо, смотрю по сторонам, замечаю парня в другом углу зала. Он очень сильно колотит грушу, мне кажется, что это так больно...

Отвлекаюсь тоже на телефон. Беру в руки, открываю мессенджер. Руслан. Зовут меня сегодня к себе смотреть фильм. Боже... Ну душой нужно быть, чтобы не понять, о чем речь. Он давно намекает на секс, несмотря на то, что вместе мы совсем-совсем недолго. Я понимаю потребности и все остальное, но я пока не готова... Конечно я не собираюсь ждать целый год или того больше, но пока я не могу сказать что доверяю Руслану на все сто процентов.

Он злится, когда я ему отказываю, а я пытаюсь мирно объяснить свою позицию. Я не хочу хранить невинность до свадьбы, но и отдаться парню через две недели отношений я тоже не готова.

Это серьезный шаг для меня, как и для любой другой девушки. Хочется глупой наверное романтики, долгих поцелуев, успокаивающего шёпота... Руслан не самый нежный парень. Последний раз он очень толсто намекал на секс в подворотне у двора, где мы сидим вечерами. Я отказывалась, но он не слышал, лез под майку... я даже испугалась немного, а потом его отвлек Дамир и я убежала. Потом только подумала, что мне нечего бояться. Он ведь мой парень, он не сделает больно.

Пишу в ответ на сообщение, что занята на тренировке, а потом у меня куча дел в универе и по плану встреча с мамой. Руслан читает и оставляет меня без ответа, но я не успеваю начать грустить, потому что из плена мыслей вырывает голос тренера.

— Аня, это Дамир, — говорит Лёша и я поднимаю голову от телефона. — Он тоже тренер, сегодня с ним закончите, прости, у меня непредвиденные обстоятельства. По поводу следующей тренировки позвоню, — говорит быстро и за секунду вылетает за дверь, оставляя меня наедине с... Дамиром.

Это он колотил грушу так сильно, что мне больно было даже смотреть. Он не похож здесь на того Дамира, кто иногда сидит с нами вечерами, поэтому-то я и не узнала его.

Во-первых, под его неизменной толстовкой скрывается по-настоящему красивое тело с кучей татуировок. У Дамира широкие плечи, грудь, кубики точно у парней из тиктока, косые мышцы живота на которые я на пару секунд залипаю как настоящая девчонка. Это же ничего не значит, да? Все смотрят, даже замужние! Дамир действительно выглядит очень хорошо.

Смотрю на него и улыбаюсь. Его чрезмерная серьезность всегда вызывает во мне улыбку. Я не смеюсь над ним. Мне просто будто хочется разбавить эту хмурость на его лице.

— А говорил, что тренировки по боксу не ведёшь, — выдаю первое, что приходит в голову. Дамир чуть щурится, проводит ладонью по короткому ёжику волос на голове, качает головой в разные стороны и наконец-то подходит ко мне.

— Это исключение. Лёхе отъехать к семье надо, иногда подменяем друг друга.

— Раз подменил, то тренируй! — откладывая телефон в сторону и встаю в стойку, которой меня все двадцать минут учил Лёша.

Дамир тут же включается. Он как будто переходит в тело тренера, бросая своё. Не знаю, как объяснить... Преображается сразу же.

— Если ты будешь бить в такой стойке, то твое колено не выдержит и двух тренировок, — он наклоняется и поправляет мою стопу прямо рукой, ставя ту в правильное положение. — И руку держи выше. Это важно. Бей.

— Прямо так сразу? Бей?

— А ты сюда пришла зачем? Хороводы водить?

От предвкушения первого удара сводит все мышцы. В животе словно ураган поднимается, который все органы между собой перекручивает.

Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, выбрасываю руку вперёд для удара и... не долетаю до груши. Мой кулак, обмотанный большим слоем бинтов, оказывается в ладони Дамира.

— Ты захотела остаться без пальца? Если будешь так кулак сжимать, то надолго твоих рук не хватит.

Он разжимает мои пальцы своими, прикладывая силу, потому что мои от адреналина свело, и складывает обратно, но уже в правильное положение.

Встаёт рядом, плечом к плечу. Он такой горячий, меня словно обдаёт кипятком...

— Повторяй за мной.

Я пытаюсь, правда. Встаю как он, кулак держу как он, но выходит пока хреново. Это гораздо сложнее, чем я себе представляла.

Но Дамир не бросает меня, он помогает, терпеливо подсказывает, сам регулирует все мои конечности в верное положение.

Сходу можно понять, что он прекрасный тренер. Обязательно ему об этом скажу, когда выйдем отсюда.

— У меня уже плечо болит, — жалуясь, потому что действительно очень остро чувствую мышцу. Она огнем горит с непривычки, и хоть я сдаваться не привыкла, делать через боль уже не очень приятно.

— У тебя десять минут осталось, потрать их на скакалку. Где болит, тут? — неожиданно Дамир оказывается сбоку и сжимает рукой плечо. Вскрикиваю от резкой боли и даже не отвечаю на вопрос, потому что моя красноречивая реакция гораздо понятнее любого ответа.

Застываю на месте, когда Дамир начинает массировать мне плечо. Он давит ощутимо, не жалеет меня, но это повергает в такой шок, что я даже не обращаю внимания на острые ощущения.

Мы мало общались, но из тех нескольких раз можно было легко понять, что Дамир не жалуется, когда много людей, не особо любит общаться и прикосновения. Это считается сразу, тут и психологом быть не нужно. А сейчас...

Он такой профессионал! Он буквально оставляет за дверью всего себя и сюда входит уже другим человеком.

Прикрываю глаза и выдыхаю, чувствуя, как мышца расслабляется и перестает болеть. Он что-то бубнит там про тонус и пока ещё слишком большую нагрузку, но мне так хорошо от его сильных горячих рук, что вообще плевать на все в мире тонусы.

Я так отдаюсь этому ощущению прекрасного, что издаю негромкий стон. Боже! Это случайно. Я просто так ушла в себя от этого массажа, что даже не поняла, как это произошло.

Дамир застывает сразу. И я так же. Он убирает руки, а я подбираюсь, нервно заправляя выбившуюся прядь из хвоста за ухо.

Я понимаю, что по факту не случилось ничего смертельного, но почему-то краснею жутко и на Дамира смотреть не могу.

— Скакалка твоя десять минут. Если плечо ещё болит, сходи в медпункт, тебе дадут мазь.

А плечо не болит... вообще!

— Спасибо, — иду за скакалкой и не смотрю на Дамира. Отчего-то мне очень неловко. Очень...

Глава 10. Аня

Почему-то ощущаю себя очень странно. Не знаю, как объяснить. Эта невинная сцена с Дамиром, мой случайный стон... Вот вроде бы ничего такого! А почему-то неловко было очень.

Пока я прыгала на скакалке, Дамир недалеко от меня месил грушу, ко мне не подходил. Но поглядывал, контролировал, тренер ведь.

Потом я сказала, что закончила, а он просто кивнул и продолжил дальше боксировать, как будто бы я перестала существовать.

Немного обидно от его такого поведения, но вряд ли я пойму его. Дамир сложный человек, он для меня самая закрытая книга из всех, что мне доводилось видеть.

В раздевалке никого, да и в целом зал практически пустой. Видимо, я выбрала не самое популярное для занятий спортом время.

Переодеваюсь, сушу волосы после душа, выхожу и замечаю Дамира. Он уже в футболке, это сразу бросается мне в глаза. Сидит на одном из диванчиков, опершись затылком о стену и прикрыв глаза. В секунду мне кажется, что он задремал, а потом охватывает легкая паника. А вдруг его стало плохо?

Подбегаю к нему, уже охваченная легкой паникой, и кладу ему руку на плечо, чуть тормоза.

А потом... Я вообще ничего не успеваю понять, но за каких-то полторы, а то и меньше, секунды, мне скручивают руку, разворачивают спиной и прижимаю к себе, фиксируя всё мое тело так, что я не то что двигаться, я дышать с трудом могу!

— Ты чего? — пишу, испугавшись, а потом мы оба замираем.

Всё, что делал Дамир, привело к тому что я буквально сижу у него на руках, всем телом прижата спиной к его груди, а он обнимает меня крепко-крепко и дышит в шею.

От горячего дыхания мурашки бегут, мне внезапно становится очень приятно, а потом я мысленно даю себе подзатыльник. У меня парень есть! Мне не должно быть приятно!

— Отпустишь?

— Не подкрадывайся ко мне так никогда, — почти хрипит на ухо и отпускает так же резко, как прижимал меня к себе.

— Я просто хотела проверить, жив ли ты, вот и все, — говорю негромко и встаю на ноги, когда Дамир меня отпускает. Он был очень горячий, а прохладный воздух зала тут же обдаёт кожу и я немного ёжусь, обнимая себя руками.

— Я просто закрыл глаза.

— Ты не двигался!

— Было бы странно, если бы я сидел с закрытыми глазами и двигался, — говорит и смотрит на меня странно, как на дурочку. Ну или мне кажется, что именно так.

Вздыхаю, набираю воздуха в грудь, чтобы что-то ответить, хотя в голове ни одной мысли нормальной, и не успеваю ничего сказать. Какой-то парень выходит из раздевалки и зовет Дамира, видимо, один из его подопечных.

Дамир смотрит на меня еще пару секунд и молча уходит, оставляя меня наедине со своими странными мыслями.

Сдаю ключи от шкафчика и бреду на улицу. Мне очень нужно в универ, если я сегодня же не сдам лабораторную работу и три реферата — мне не поставят зачеты, и никакие

“красивые глазки” мне уже не помогут.

Можно позвонить Русу и попросить меня отвезти, но я отметаю эту идею на уровне ее задумки. Не хочу.

В последнее время нам сложно вместе. Он настаивает на близости, к которой я морально еще не готова, и меня очень расстраивает этот факт. При любой нашей встрече он намекает на это или даже говорит прямо, а у меня портится настроение. А в универ нужно ехать в отличном настроении, с улыбкой и бодростью. Нельзя показывать Виталию Ивановичу, который преподает у нас философию, что я реферат этот до утра писала. По легенде я сделала его еще давно, но просто забыла принести.

И я правда забыла! Сделать...

Бегу за автобусом, потому что снова так крепко задумалась, что чуть не прошла мимо остановки. Прошу его подождать меня немного, и слава богу, водитель оказывается понимающим.

Любимое место у окна свободно, и я снова ухожу в свои мысли. Хорошо, что мне до конечной, и никуда в ненужное место я точно не попаду.

Почему-то в голову сразу лезут картинки сегодняшнего дня. Как Дамир учил меня бить, как помогал правильно сжимать кулак, как массировал мне плечо. Этот стон случайный, который всё испортил. До сих пор неловко и чувствую, как от одного лишь воспоминания щёки краснеют.

А потом эта сцена в холле. У него такие рефлексы... С одной стороны это немного будоражит, с другой — нагоняет жути. Это у него просто профессионально спортивное, или по какой-то другой причине? Мне кажется, он просто вовремя понял, что это я, а не кто-то плохой, и поэтому не сломал мне рёбра, когда сдавливал.

Дергаюсь от звука сообщения. Руслан.

Руслан: Малых, я приболел чёт, привезешь бульончик?

Смотрю на экран и хмурюсь. Ловлю себя на том, что перестаю доверять Руслану. Это ведь ненормально, да?

Просто еще пару недель назад он был совершенно другим! Как он мог так быстро измениться? Он говорил красивые слова, шептал на ухо нежности, цветы подарил на первое свидание. А потом его словно подменили. Я списывала все на то, что он просто не хочет показывать себя настоящего перед друзьями, они ведь все друг перед другом выделяются. Но потом он стал вести себя так всегда! У меня ощущение, что я ему совсем не нужна и кроме секса он ничего не хочет. А такие слова говорил...

Вздыхаю и думаю, что написать. С одной стороны у меня есть недоверие, а с другой... Он ведь мой парень. Лежит там, заболел, одинокий, наверняка плохо себя чувствует.

Аня: Привезу, только в универ заскочу.

Отправляю сообщение и откладываю телефон в рюкзак, чувствуя себя очень странно.

Ну я ведь не зря это сделала, да?

Глава 11. Аня

Пока я была в универе, Руслан написал мне ещё трижды. Жалуется, что плохо себя чувствует, говорит, что очень ждёт...

У меня очень странные мысли, если честно. Я не могу сказать, что вообще не доверяю ему. Он всё-таки мой парень, это неправильно, не верить его словам, но... Но он в последнее время намекает на близость очень часто. Не делает ничего против воли, конечно, но и совсем не приставать, как прошу, не может.

Я понимаю, что он взрослый парень, и у него есть потребности, но мы ведь ещё очень мало времени вместе, почему нельзя подождать немного?.. У меня не было ещё мужчины, логично, что мне пока страшно, разве нет?

Не знаю.

Голова пухнет от миллиона мыслей. С одной стороны мне хочется поехать и помочь ему в период болезни, а с другой... Черт, я боюсь!

Ладно... Нужно подышать и все пройдет. В конце концов он не сделает мне ничего плохого, он не такой. Если будет намекать, я просто уйду.

Прыгаю в маршрутку и отвечаю на сообщение Руслану, который снова пишет и спрашивает, где я пропала. Говорю ему, что уже еду, и спрашиваю, что привезти.

Руслан: вези только себя, малыха, остальное мне не нужно.

Любая девчонка наверное бы умерла от счастья, услышав эти слова, да?.. А я нет. Я снова чувствую себя очень странно и с трудом заставляю себя сидеть на месте, а не вскочить на первой же остановке и сбежать домой.

В магазин я всё-таки захожу, покупаю немного фруктов, как принято носить заболевшим, и вкусный имбирный чай. Надеюсь, это поможет ему поправиться.

Я была у Руслана дома всего один раз, и то несколько секунд. Мы гуляли недалеко оттуда, встречались тогда пару дней, и он заходил мне за кофтой, потому что я замёрзла. Дальше порога я не проходила, хотя Руслан приглашал выпить чай и согреться. Но мне позвонил папа, волновался, где я есть, и нам пришлось уйти без кофе.

Поэтому адрес уже не спрашиваю, иду по памяти. Поднимаюсь на третий и несколько секунд думаю перед дверью, точно ли я готова туда зайти.

Снова осаживаю себя. Так нельзя! Не должны мои глупые мысли мешать отношениям. Встряхиваю кистями и негромко стучу в дверь пару раз.

Руслан открывает быстро. В одних домашних шортах он стоит с широкой улыбкой и приглашает меня внутрь.

— Я уж думал забыла обо мне, — говорит довольный и наклоняется, чтобы поцеловать меня. Подставляю щёку и невольно сжимаюсь. Я веду себя странно? Наверное. Но ничего не могу поделать. — Малых, все норм?

— Да, я просто устала. Тренировка, потом универ, а ещё нужно с мамой встретиться через час, я ей обещала.

Я не обещала. Но почему-то временные рамки расставить между нами сейчас необходимо.

— Бросишь меня больного, одинокого в пустой квартире? — оттопыривает губу как несчастный котенок. Тянет руки ко мне, обнимает за талию и притягивает к себе.

Он совершенно не выглядит заболевшим. Да и горячим не ощущается, у него нет

температуры.

— По-моему ты себя прекрасно чувствуешь, — говорю и выдавливаю из себя улыбку.

Мне ужасно некомфортно сейчас. И от понимания этого тоже дерьмово.

— Нет, мне плохо, у меня болит все тело. Поцелуешь? Чтобы прошло.

— Всё тело?

— Как пойдет.

— Фрукты вот привезла, — перевожу тему и тяну ему пакет с апельсинами, бананами и яблоками. — Мы не обсуждали, что ты любишь, но надеюсь, хоть что-то из этого.

— Ага, спасибо. Пройдешь, может, или так и будешь в пороге стоять? — спрашивает Руслан. А я не знаю. Меня все смущает. Его голый торс, его словечки, и то что он совершенно точно не заболел.

— Не знаю. Ты же болеешь, я боюсь заразиться. Мне тренироваться надо, универ, опять же, отец переживать будет...

— Ой, да мне нормально уже! — сразу говорит Руслан. — Я таблами закинулся и как огурец. Капшаю ещё немного, — делает два каких-то странных звука, что даже не похожи на кашель, изображая прошедшую болезнь. — Заходи, Аня.

Это было сказано не очень дружелюбно, но надеюсь, мне просто показалось. Всё-таки киваю, соглашаясь с ним, и снимаю кроссовки, проходя внутрь квартиры.

Смотрю по сторонам, рассматривая все что здесь есть, и когда замечаю кухню, направляюсь напрямик туда, хотя Руслан идёт дальше по коридору.

— Что ты собралась делать здесь? — спрашивает, заходя за мной. Он ставит пакет с фруктами на стол и смотрит на меня не отрываясь.

— Ты просил бульон. Привезти было неудобно, значит нужно сварить. У тебя есть что-то для бульона?

— Не надо ничего варить, — говорит Руслан и подходит ко мне близко. Я машинально разворачиваюсь лицом к нему и он прижимает меня к кухонному островку, нависая. Смотрит в глаза, а я свои отвожу машинально, как будто бы это может хоть как-то помочь. — Ну чё ты бегаешь как дурочка? Знала же, зачем сюда ехала.

— Я ехала тебя лечить! — вспыхиваю. Эмоции на пределе, буквально через край. Мне хочется смеяться от истерики и одновременно плакать. Дура! Какая же дура! Ещё сомневалась до последнего, ругала себя, что наговариваю на парня.

— Слушай, это банальный намек, легче не придумаешь. Ты согласилась приехать, я понял, что ты сломалась. Что начинается опять?

— Я ехала только лишь для того, чтобы лечить тебя. И по глупости доверилась тебе и не нашла в словах никаких намёков. Но я ошиблась. Тебе от меня нужно только одно. Что, слишком долго сопротивляюсь, слишком это волнует?

— Рот. Закрой, — говорит Руслан, зажимая мне рот ладонью. Возмущённо мычу несколько секунд, а потом в панике замолкаю. А что он может сделать сейчас?.. Да что угодно. Мы одни в его квартире, я уже прижата и буквально обездвижена. Это в подворотне нашелся Дамир, который смог отвлечь Руслана, да и сама подворотня ни к чему такому не располагала. А тут... В его руках все карты.

И я... в его руках.

Внезапно хочется чтобы Дамир каким-то чудом дал о себе знать. Как в тот раз. И сразу перед глазами картинка, как он лупит грушу. Дамир сильный мужчина. Принципиальный, это видно. Он бы смог меня сейчас защитить, несмотря на то, что ему по большому счету на

меня плевать. Просто он... хороший. Не прошел бы мимо девушки в беде, я точно уверена.

— Вкусно пахнешь, — говорит Руслан и наклоняется к моей шее. Рот мой так и не отпускает, и меня охватывает сумасшедшая паника. Я не готова сейчас. На сто из десяти не готова, я не хочу!

Меня парализует от страха, я не могу сдвинуться с места, буквально прилипаю к полу.

Руслан касается кожи на шее губами, целует влажно, а я не могу... Я не могу!

Мычу в его ладонь негромко, а потом чувствую, как паника и перебор с эмоциями перетекают в слезы. Беззвучно всхлипываю, пока Руслан целует меня в шею, и когда слезы касаются его ладони, он останавливается и смотрит на меня.

— Ань, тебе настолько противно? Я твой парень, если ты забыла. Чё происходит, а?

— Боже, что ты несёшь? — я не собираюсь чувствовать себя виноватой в этой ситуации. Точно не сейчас. — Я тебе сотню раз говорила, что не готова, но ты словно не слышишь меня.

— Малых, мы почти три недели вместе.

— Да это ничтожно мало!

— Это дохера, Аня!

— Много для чего? Для твоих прошлых девушек? Ты думаешь я не знаю, сколько их было до меня?

— Проваливай. Я не собираюсь выслушивать всё это дерьмо только из-за того что хочу потрахаться со своей девчонкой, — он злится и отходит от меня. Чувство вины рождается внутри, но я стараюсь его погасить на начальной стадии.

Я. Ни в чем. Не виновата.

Я не должна отдавать ему свой первый раз сразу, как он попросит. Я должна быть готова к этому. И сейчас абсолютно точно не это время.

Отталкиваюсь от кухонного островка и убегаю в прихожую. Мне ужасно обидно и немного противно, слезы не перестают бежать по щекам.

Запрыгиваю в кроссовки и вылетаю из квартиры.

Все это так ужасно!

Я ведь влюбилась в него, я же верила каждому слову. Самое паршивое, что я и сейчас не потеряла к нему чувства. Это не происходит по щелчку пальцев, к сожалению...

Бегу по ступеням, чуть не падая от скорости, вылетаю на улицу совершенно не глядя по сторонам и врезаюсь во что-то твердое плечом, чуть не падая от этого столкновения.

Черт, как больно...

— Скажи пожалуйста, а ты по сторонам принципиально не смотришь, когда несёшься куда-то, или это только не везёт каждый раз? — спрашивает Дамир. Точно! Они ведь живут с Русланом в одном дворе.

Дамир... мне так радостно его видеть, что я передать не могу свои эмоции. Они выливаются ещё большими слезами, и я, сама себя не контролируя, кидаюсь к нему с объятиями.

Он подумает, что я сумасшедшая!

Хотя... он наверное и без этого так думает.

Глава 12. Дамир

Я до сих пор не купил наушники, поэтому иду домой самой короткой дорогой из всех имеющихся. Мне не в кайф слушать звуки города, особенно когда ничего хорошего в этих звуках почти нет.

День какой-то... Не знаю. Слишком дохера эмоций пришлось испытать, это выматывает.

Эта Аня еще жизни не даёт. Её много. Даже двух минут бесконечных разговоров мне дохрена. Я привык к более спокойному окружению, а она как автомат в упор своей дружелюбностью и еще черт знает чем расстреливает.

Бедро в зале потянул — побаливает. Стараюсь не хромать, но выходит откровенно дерьмово. Я так активно пытался выбить из себя, из мыслей и воспоминаний её стон невинный и это хрен пойми откуда взявшееся волнение обо мне, которое переросло в неожиданную близость, что груша рухнула на пол, не выдержав нагрузки, а мышцы ушли в отказ. Только в душе, когда расслабился, заметил, что бедро болит сильнее, чем крепатура, и с плечом тоже дерьмовое что-то.

Я влип. Это пиздец какой-то. Я не могу нихера сделать с собой, и как только пытаюсь отдалиться или тупо не думать, она появляется и снова всё, что я так старательно, хоть и почти безуспешно, расставляю по полочкам, с ног на голову переворачивает.

Сегодня тачка, к которой уже привык, меня не пасет. Не знаю, в чем причина, но честно сказать, мне похер. Пока меня это никаким образом не касается, в этом копать не собираюсь.

До дома остаётся всего метров сто, когда вдруг со стороны слышится какое-то шуршание, а потом в меня врезается... Аня. Ну конечно. Мне же мало было ее сегодня.

— Скажи пожалуйста, а ты по сторонам принципиально не смотришь, когда несёшься куда-то, или это только мне везёт каждый раз? — спрашиваю, а она застывает и смотрит на меня такими глазами, как будто я Йети или ещё кто похуже. На щеках слезы, на лице страх, а потом ее эмоция резко меняется на что-то, что я не успеваю прочесть. Потому что активистка эта влетает в меня, обнимает за торс и начинает рыдать как ребенок, который с велосипеда упал и разбил все колени. И ей так больно-больно, и сдерживаться она даже не пытается, просто плачет, как будто бы ей надо вылить здесь и сейчас все, что долгими годами копилось.

Меня парализует. Потому что последнее, что я ожидал от нее, что она будет белугой рыдать на моей груди. До этого момента она казалась мне странным беззаботным ребенком, который может выкинуть что-то странное, а сейчас... рыдает.

Я стою и хер знает что делать с ней, то ли отлепить от себя, то ли дальше дать рыдать, пока легче не станет.

В секунду хочется оторвать её, но потом сразу же передумываю. Два плюс два сложить не сложно. Она вылетела из подъезда где Рус живёт, и лучше бы ей держать меня сейчас крепче, потому что кулаки непроизвольно сжимаются, а желание разбить ему морду за ее слезы растёт с нереальной скоростью.

Я не могу противиться тому, что внутри происходит. Меня это пугает, это новое что-то, мне с этим сложно, но сука, ничего не могу сделать.

Хочется спросить, что он натворил, но заставляю себя молчать. Не мое дело. Они

встречаются, хотя я до сих пор не понимаю, нахер ей надо это. Хочется ей плакать сейчас — пусть. Но лезть не буду.

— Он ударил тебя? — спрашиваю единственное, что хочу знать, не сумев сдержать язык за зубами. Удивительно. Обычно говорю только по сути, а тут смолчать не смог. Она рыдает и не слышит меня, цепляется за толстовку на спине, жметесь так, что дышать тяжело. Откуда в ней силы столько? — Мелкая, отвечай. Ударил?

— Что? — отрывается от меня и не дышит как будто бы, чтобы не плакать.

— Ударил? — каждый раз как говорю, внутри колотит всего. Представлять даже не пытаюсь. Сорвусь сразу же.

— Боже, нет, ты что, — говорит активистка с испуганными глазами. А толстовку все ещё держит, только не жметесь уже так близко. — Руслан хороший...

— Поэтому ты ноешь на всю улицу? — меня подрывает от этого. Руслан хороший. Сука... Что он делает с ними, что они не видят очевидного? Я помню ту сцену в подворотне, когда она дрожащим голосом говорила ему, что не готова, а ему было насрать. Хороший? Не бывает хороших, глупая ты. — Потому что он хороший?

— Мы просто немного повздорили, я... прости.

Она отрывается от меня и закрывается. Обнимает себя за плечи и в глаза не смотрит уже. Трёт нос, шмыгает, стирает со щек слезы и молчит.

Ну и дура.

— Раз он хороший, а у тебя все в порядке, я пошел, — разворачиваюсь и делаю пару шагов к дому. Я не понимаю. Я просто, сука, не понимаю. Что с ней не так?! Зачем она его защищает? От хороших не бегут и не рыдают. А она продолжает выгораживать его, от меня отходит, глаза отпускает.

— Стой, — хватает меня за рукав и останавливает. — Ты не мог бы постоять со мной, пока такси не придет? Я вызову сейчас. Темно, мне неуютно.

Молчу. Не отвечаю, но и не ухожу, и она расценивает это правильно.

Достает телефон, все ещё носом шмыгает, ищет в приложении такси, но никто не отзывается. Оказывается, ей ехать почти на другой конец, за центр. У нас не огромный город, конечно, но все равно не близко.

— Позвоню оператору, — говорит тихо, зачем-то рассказывая о своих действиях, и пытается вызвать такси.

Оператор объясняет, что на мосту какая-то авария, сумасшедшая пробка, и никто не хочет ехать сюда из-за этого. Аня чуть ли не слёзно просит найти ей машину, но даже за доплату никто не соглашается.

Хочется сказать ей, чтобы возвращалась к своему благоверному, раз он хороший и так кстати живёт рядом, но язык не поворачивается.

— Давай довезу, — говорю вместо этого и иду к подъезду, где у дома стоит тачка. — Такси ты все равно не дождешься, а мы дворами объедем.

— Спасибо, — говорит с лёгкой улыбкой, и меня ещё сильнее шибет. Я вряд ли когда-то смогу понять как она так легко бросается такими словами. И второе... Её улыбка раздражающая гораздо круче слёз и истерики.

Ловлю себя на мысли что сегодня нет запаха этих ужасных духов. От этого даже дышать легче.

Иду к тачке, мелкая семенит следом, но когда я резко торможу, врзается в мою спину.

— Ой...

— Учись смотреть под ноги и по сторонам, когда ходишь, в жизни пригодится. Не отвезу я тебя домой. Сука!

Несильно пинаю кроссовком по спущенному колесу тачки. Все четыре разрезаны в мясо.

Осматриваюсь: никого. Той тачки нет, кого-то подозрительного тоже.

— У тебя тут записка, — говорит Аня и как всегда суёт свой нос везде. Хватает из-под дворника клочок бумаги и читает вслух. — «Ты Али на ринге. На улице ты просто мясо...» Это что? — перепугано смотрит на меня.

— Кто-то развлекается, видимо. Возвращайся к Русу, домой ты вряд ли сегодня попадешь.

От моих слов у нее в глазах такой ужас мелькает, что внутри опять волна гнева поднимается.

И не столько на Руса, сколько уже на Аню. Хороший он, да? Заебись вообще классный.

— А, да я... Я доберусь как-нибудь, ничего страшного! Спасибо за помощь в любом случае.

— Как-нибудь? Пешком? На мосту авария, единственная ходящая раз в час маршрутка в ту сторону простоит там часа два, транспорт ходить перестанет. Как дальше?

— Ну, вечерняя прогулка полезна для здоровья.

— Бля, ты и правда ненормальная. Вали к своему хорошему парню, одну я тебя все равно не отпущу хер знает куда.

— Ты милый, — вдруг говорит, а у меня челюсть отваливается. Так меня ещё никто не оскорблял. Я смирился с бабой Вале́й, которая меня хорошим называет, но это уже перебор. — Но я не пойду к Руслану. Мы поссорились, сейчас не лучший момент.

— Да блять... — откуда это горе взялось на мою голову? Свалилась лавиной, выбирайся как хочешь.

Это очень херовая идея: подпускать ее ещё ближе.

По хорошему надо ограничить ее пребывание в моём мире до отрицательной отметки, чтобы забыть, перегрызть это чувство внутри себя и не дать случиться непоправимому. Мне надо выбить ее из себя, вырезать, выдрать с корнями, но тело, разум и предатель язык противятся всем моим "надо".

— Либо идёшь к своему парню, либо шагаешь ночевать на мой диван. Не хочу быть виноватым в том, что где-то по пути на тебя нападет маньяк. Утром уедешь домой. Выбирай, Аня.

Я заставляю ее выбирать между мной и Русом. Я катастрофический идиот.

С другой стороны: если она сейчас уйдет к Русу у меня будет как минимум один жирный аргумент к тому чтобы отрезать себя от неё.

Девчонка хмурится, губы кусает, смотрит на дом Руса, потом на меня, тербит странную записку в руках, на которую мне плевать с большой колокольни.

И думает. Даже бубнит себе что-то под нос, видимо, решая, кто из нас сейчас лучше.

И за то, что она не называет моментально имя своего парня и не летит к нему уже можно сломать Русу пару рёбер.

Но он, сука, «хороший»...

Глава 13. Аня

Кажется, я умру сейчас от эмоций. То, что бушует внутри, даже для меня перебор.

На одной чаше весов мой парень, в которого я по-настоящему влюблена. На другой — практически незнакомый мне молодой человек с немного пугающей внешностью и очень закрытым внутренним миром. Мне нужно выбрать, у кого переночевать, и я без шуток собираюсь выбрать второго.

Дамир сказал, что одну меня никуда не пустит, и это безумно мило. А еще я рада, что он настоял на этом, потому что я бы правда потащилась домой пешком, а утром вполне возможно меня бы искали всем городом на дне какой-нибудь реки.

Я умом понимаю, что нужно сказать спасибо за заботу и лететь на крыльях любви к Руслану, и утром от него уезжать домой. Но крылья быстро ломаются, когда я вспоминаю, от чего только что убежала.

Я понимаю, что вряд ли он решится меня изнасиловать, но его напор пугает. Я не смогу спать, да и просто приставать он тоже наверняка будет. Расценит мое возвращение как согласие, да и все...

А я не хочу так, чтобы в страхе. И мне больно от того, что сейчас я не выбираю своего парня, а поступаю так, как поступаю.

Но отчего-то Дамир вселяет какое-то странное спокойствие, хотя откуда это чувство, я не понимаю. Возможно, оно родилось во мне, когда он неосознанно оттащил от меня Руслана в той подворотне, и сейчас увеличивается внутри, когда он не пускает меня одну шататься по городу. А может я чувствую в нем защиту, потому что видела его в зале и точно могу сказать, что он сможет защитить меня. Но разве его сила не должна меня пугать?

Должна. Но не пугает совершенно.

Дамир терпеливо ждет моего ответа, и мне уже просто становится стыдно от того, что мы так долго стоим на улице молча.

Я собираюсь с духом, набираю полную грудь воздуха и тихо говорю:

— Если твой диван удобный и из-за меня тебе не придется жить на полу — то я переночевала бы там...

— Тогда пошли, — кивает мне сразу же, и почему-то кажется, что вздыхает с облегчением. Наверное потому что просто дождался моего решения, которое я реально очень долго принимала.

У подъезда на лавочке сидит какая-то бабуля. Дамир спрашивает, как ее здоровье и не нужно ли ей что-то купить, и я вспоминаю, как мы столкнулись с ним в магазине. Он покупал муку и сказал, что соседке. Неужели он заботится о бабушке постоянно? Это достойно уважения. И теперь мне стало еще спокойнее рядом с ним.

Стою за его спиной, пока бабуля что-то ему рассказывает о своем коте, потому что банально не знаю, куда идти. И вдруг соседка замолкает и самым милым голосом выдает:

— Дамирушка, ну наконец-то, девушку привел. А то всё один да один, а такие парни не должны пропадать!

Мне становится так не по себе... Я сжимаюсь вся до размеров атома, кажется. Просто буквально сворачиваюсь в трубочку стыда и не знаю, куда себя деть.

Она подумала, что он привел себе девушку... Решила, что я пришла сюда в качестве его второй половинки. Ну или как минимум пассии на эту ночь. Боже...

Дамир что-то отвечает и прощается с соседкой, идет в подъезд и я семеню за ним по всем ступенькам.

Теперь я чувствую себя ещё хуже. Если до этого я просто думала, что поступаю плохо по отношению к Русу, то сейчас чувствую себя настоящим предателем.

Как я могла не выбрать своего парня, а уйти к тому, кого практически не знаю? Теперь и сам Дамир решит, что я точно дура. Если чего похуже не подумает.

Он открывает квартиру молча, пропуская меня первую внутрь, и кидает ключи на полочку с таким громким и неожиданным звуком, что я подпрыгиваю на месте, не в силах расслабиться.

У него типичная холостяцкая квартира с минимумом всего. Даже мебели. Здесь очень не хватает яркости, уюта и какого-то даже возможно творческого беспорядка. В квартире нет жизни и души. Но как для парня, который живет один — очень достойно. Чисто, свежо, и даже носки нигде не валяются. Вау.

— Есть хочешь? — спрашивает, добивая меня очередной раз своей немного грубой и неотесанной заботой.

— Я бы лучше приняла душ, если можно.

Он молчит пару секунд, а может чуть больше, а потом молча кивает и показывает на вторую дверь в коридоре.

Сразу же иду в душ, прихватив с собой рюкзак. В нём всегда есть запасное белье на разные случаи жизни, а еще зубная щетка, которая выручает меня каждый раз, когда остаюсь ночевать у кого-нибудь из подруг.

Мне всё еще очень странно и дико неловко. Я не могла не пойти в душ, но эта обстановка... Боже! Я чувствую себя такой ужасной.

С одной стороны — я просто выбрала самый комфортный вариант из возможных.

С другой — я принимаю душ у другого мужчины, когда мой парень буквально живет в доме напротив.

Шампунь у почти лысого Дамира конечно же не находится, и я завязываю волосы в высокую гульку, чтобы не намочить их. Вспениваю по плечам и телу мужской гель для душа. Он пахнет свежестью и немного мятой, и на пару секунд зависаю, втягивая приятный запах. Я пару раз ощущала его, когда Дамир находился рядом, но никогда не придавала ему значение. А сейчас, когда он чувствуется заметно острее и ярче, чувствую, что приятный. Очень.

Мысли в голове бегают несколькими хороводами, я очень пытаюсь от них отвлечься, стоя под горячими струями, но не выходит ни черта.

Я понимаю, что Дамир тоже может подумать обо мне плохо. И самое важное: что подумает Руслан, еслиу знает, где была его девушка?

Выхожу из душа, тянусь рукой к чистому полотенцу — они удивительно ровной стопкой лежат на стиральной машине, — а потом зависаю. У меня нет одежды кроме чистых трусиков и той, в которой я целый день моталась по улице. И ладно, с тем, что мне придется надеть ее на чистое тело я смириться еще смогу, наверное. А как спать? Это точно не та форма одежды, которая предназначена для сна.

Выдыхаю. Ладно. Хуже ведь не будет уже?

Оборачиваюсь полотенцем поплотнее и медленно выхожу из ванной, словно веду за кем-то слежку.

Дамир находится в спальне. Он лежит на спине в одних домашних штанах и читает

книгу.

Я застываю в пороге и не могу подобрать слов. Потому что выглядит это все очень впечатляюще. Голый подтянутый торс, красивые узоры татуировок на всю руку и на ребрах, тяжелое дыхание, заставляющее его мощную грудь опускаться и подниматься, и книга в руках, которой он увлечен слишком уж пристально.

Прекрасно.

Я отмираю и вижу, что он застал меня за разглядываем его тела. Чёрт... Неловко.

А с другой стороны: ничего страшного. Я же просто смотрела... Да?

Глава 14. Дамир

Я слышу звуки воды из душа и стараюсь не думать о том, что там Аня. Стараюсь не представлять картинки из ванной комнаты, а еще не думать, что замок на двери сломать так просто, что не придется даже никаких усилий прикладывать.

Меня так сильно кроет, что сохнет в горле. Выпиваю в два глотка стакан ледяной воды и решаю почитать книгу в надежде отвлечься.

Я уже миллион раз пожалел, что предложил ей остаться у меня. Это, бля, сложно.

Падаю на кровать с книгой, надеясь абстрагироваться от звуков воды из душа. Я не пытаюсь представлять картинки, но они лезут в голову неосознанно. Надо срочно потрахаться и выпустить пар. Раньше в этом частенько спасала Алёна, а сейчас слить энергию мне некуда, и конечно мельтешащие перед глазами картинки, в которых Аня купается в моем душе не дают мне спокойно читать.

Я перечитываю страницу четвертый раз, но понять все равно нихера не могу. Психую на самого себя за слабость. Нельзя быть слабым. И поддаваться на собственные чувства тоже нельзя.

У меня пиздец какой ураган в душе происходит, я хер знает че делать с ним вообще.

Звук воды стихает и я удивительно умудряюсь отвлечься. Всё-таки вчитываюсь в совершенно неинтересный детектив, но пообещал себе дочитать.

В какой-то момент чувствую на себе взгляд. За десять минут что ушел в сюжет книги успел забыть, что в квартире я не один.

Поднимаю голову и... твою мать.

Она стоит у входа в мою комнату в одном, сука, полотенце.

В моем полотенце!

В моей квартире, в моем полотенце, в моей комнате стоит девушка моего знакомого. Бинго, Алиев, ты пробил дно.

Я смотрю на нее, а она как будто бы взгляда не замечает, хотя смотрит всё равно на меня. Я быстро кидаю взгляд вниз, проверяя, не видно ли очевидного стояка под тканью домашних штанов, потому что, блядь, конечно у меня стоит, но, кажется, всё довольно прилично.

В отличие от этой бешеной активистки, у которой полотенце еле задницу прикрывает. Волосы наверх собраны, вся тонкая шея открыта и ключицы острые чуть ли кожу не рвут.

Я с трудом себя держу чтобы не прижать ее к стене и не попробовать на вкус каждую родинку. Это точно пиздец. Вот с этой секунды — край.

Мне не нравится то, что я чувствую. Каждая любовь заканчивается предательством. А с ней мне в принципе ничего не светит. Она втрескалась в Руса и готова выгораживать каждый его пиздецовый поступок.

Сжимаю книгу в руках до хруста обложки из картона и наконец-то вижу, что Аня смотрит в глаза. Неужели.

— Что надо? — спрашиваю. Мне очень хочется, чтобы она поскорее свалила. А завтра мне придется найти кого-то, кто не будет против одноразового секса, хотя эти знакомства я терпеть не могу. Приходится выходить в люди и делать вид, что меня не раздражает каждый второй.

— Я... — мнется Аня в пороге, придерживая полотенце на груди руками, видать, чтобы

то не упало. Сука-а-а-а... Я сдохну сейчас. — Моя одежда, она уличная, мне не в чем спать. Я подумала, может ты...

— Открывай шкаф, бери что хочешь, — прерываю ее монолог. Быстрее справится — быстрее уйдет на диван и даст мне расслабиться, потому что сейчас, пока она такая рядом, не выходит вообще.

— А, так просто... — улыбается, но заметно нервно, и подходит к шкафу. На носочках, почти крадется. Я понимаю, что ей некомфортно, но встать и помочь ей сейчас — вообще не мой вариант. Лежать до утра, прикрывшись подушкой — мой максимум. — Тут? — берется за дверцу шкафа рукой, и я киваю. Бля, хоть всё забери, просто уйти с поля зрения, я не выдерживаю! — Тогда эту, можно? — берет в руки черную футболку. Опять киваю, только жду, когда оставит мою нервную систему в покое. Я и так на постоянном стрессе, а тут еще и такое испытание.

Она негромко снова говорит “спасибо” и отходит к двери, а я заставляю себя не смотреть ей вслед, а уткнуться носом в книгу.

С каждым ее шагом мне легче дышится, но потом эта зараза оборачивается и решает со мной поговорить. Самое время, да.

— Дамир, я... Я просто хотела сказать, чтобы ты ничего плохого не думал обо мне. Вот.

— С чего мне думать о тебе плохо? — что за чушь она несет? Я могу думать, что она странная и неадекватная, этого не отнять.

— Ну, — она снова жметесь, футболку мою в руках как мячик туда-сюда сжимает и разжимает. — Я не пошла к своему парню, пришла к тебе. Мы толком не знакомы, а я притащилась, футболку вот взяла у тебя.

— Да насрать мне, — говорю правду. — Сделала такой выбор, значит были причины не сделать другой. Иди спи.

— Ты правда не подумаешь обо мне плохо?

Меня этот разговор из себя выводит. Сейчас пар из ушей пойдет уже, она меня точно довести хочет.

— Тебе не плевать, что я подумаю о тебе? — спрашиваю, а она голову опускает, а в глаза все равно смотрит, и говорит:

— Нет.

И это контрольный в голову.

— Иди спи, — повторяю ей. Она опять не такая, как всегда. Не веселится, с ума не сходит. Грузится чем-то, судя по всему. Не удивлюсь если тем, что только что у меня спрашивала. — Постельного второго нет, подушка от дивана, одеяло свое тебе отдал.

— А ты?

— Не замерзну. Иди, Аня, — называю ее по имени, и это работает. Она каждый раз мне указывает что я не отмечаю девушек за столом во дворе, а прощаюсь только с мужиками. Она улыбается, когда называю ее имя и таки скрывается в зале.

Еще пару минут слушаю шорох одежды, одеяла, дивана, а потом наступает тишина.

Тишина, которой так не хватало. Мне сложно находиться в шуме еще и дома, мне хватает рабочего. А тут свалилась на голову, куда ее деть? Как представлю ее с Русом, так челюсти сжимаются до скрипа.

Это надо было так влипнуть? С нихера вообще. Активность ее бесит, улыбка постоянная бесит, как болтает много — тоже бесит. Я не выношу запах ее духов и не могу смириться с тем, что она заставляет меня тоже разговаривать, хотя я вообще не люблю это дело. Но

сука...Зацепило так, что я хер знает что делать с этим.

История у нас дерьмовая. Нам в целом не по пути, так она еще и в моего знакомого влюбилась. Слушать каждый раз какой он хороший я не хочу. Смотреть на то, как они вместе — тоже.

Пора прекращать заседать вечерами с этой компанией. И Аню из своей жизни тоже надо бы вывести в ноль.

Лучше сразу переболит, чем потомдохнуть от того, как больно бывает. Если тут цепляет так сильно, значит и из сердца вырвать будет непросто.

Ну и что мне со всем этим делать?

Глава 15. Дамир

Открываю глаза в шесть утра, опережая громкий звонок телефона на три минуты. Привык давно, встаю сам, будильник для подстраховки больше.

Пару минут просыпаюсь, окончательно приходя в себя, еще пару минут залипаю в потолок, думая, что мне надо сделать за день. Всегда стараюсь планировать, пусть и выполняю не каждый раз. Всё равно полезно.

Слышу как-то шум в квартире и резко подрываюсь. За три секунды, что лечу на звук, в голове проносится всё что угодно. От мысли что я забыл закрыть окно и ко мне залетел голубь, до того что воры-смертники решили обнести меня.

Всё оказывается гораздо проще.

Или, наоборот. куда сложнее...

Чёрт, я не успел вспомнить, что она у меня. Только проснулся, вообще еще ничего понять не успел.

Застываю в коридоре, издалека глядя на Аню, которая носится по моей кухне... в моей футболке. Да чтоб тебя...

Она не видит меня, планировка такая, что только я за ней наблюдать могу.

Я не хочу задаваться вопросом, что она в шесть утра делает на кухне, но пахнет странно приятно, что меня бесит еще больше.

Я, блядь, только вчера решил, что заканчивать с этим надо, потому что меня изнутри выворачивает уже. Наизнанку всю душу, и она к ней, сука, тянется. Пусть заберет, мне душа все равно нахер не нужна, но и не возвращает пусть. После ее рук мне еще больше не надо, я тогда точно не выплыву.

Стою столбом, не могу заставить себя оторваться и уйти, чтобы не наблюдать. Слабый. Уже всего себя теряю, а дальше что будет?

Я не вижу, что она делает, но запах нереальный. Я как зомби бреду на этот аромат, а когда захожу на кухню, Аня как раз оборачивается и вскрикивает, видя меня.

— Ты меня напугал! — пищит, а потом вдруг краснеет. Так сильно, как будто я голый к ней заперся.

Отворачивается от меня шустро, продолжает у плиты что-то колдовать, а я опять залипаю. Это невыносимо. Она в моей футболке, та ей как очень короткое платье, это не просто проверка на выдержку, это издевательство какое-то.

Она не говорит ничего, и ведет себя странно. Из рук все валится, ударяется запястьем об дверцу, скулит тихо, а ко мне всё равно не поворачивается.

Опускаю взгляд на себя, и бля-я-я... Я ж прямо с кровати сюда залетел, даже штаны не натянул, как был в одних трусах, так и приперся. Мелкая краснеет так, как будто никогда утреннего стояка не видела. А может и не видела...

Не решаюсь накалять обстановку еще сильнее и иду в ванную, а потом одеваюсь.

Аня всё еще шарахается по кухне, когда я возвращаюсь, и тогда она ведет себя уже смелее. Ну не подумал, что в одних трусах, тоже мне трагедия...

— Садись завтракать, — говорит с полуулыбкой. Смотрю на нее: руки дрожат, когда волосы за уши заправляет. Странная. Чё не спалось вообще?

Сажусь за стол, как осел послушный все делаю, что говорит. Сказала бы сейчас мне в окно выйти — наверняка вышел бы.

Аня ставит передо мной тарелку сырников и варенье. Выглядит пиздецки вкусно.

Но если я могу понять, где она взяла творог и яйца, то муки и тем более варенья у меня сроду не было.

— Мелкая, шесть утра, ты в магазин бегала?

— Нет, я в окно увидела, что соседка уже гуляет, с которой ты вчера разговаривал, и к ней за мукой ходила. Она варенье и вручила. Сказала, что для Дамирушки, — улыбается, называя мое имя так, как баба Валя говорит, — ей ничего не жалко. Ешь.

Да твою мать... Я от вопросов этой старушки теперь никогда в жизни не отделаюсь. Женщинам только дай повод для сплетен, а женщинам в возрасте и повода не надо. Она и так у меня стабильно раз в месяц спрашивает, когда я найду себе кого-нибудь, а теперь всё. Наверное, начнет спрашивать, когда свадьба.

Да никогда, баб Валь.

Дерьмовая эта история, с хреновым началом, тупой кульминацией и наверняка еще более плохим концом.

Происходит что-то странное. И я не знаю, каким словом это все обозвать.

Я просто сижу и жру сырники, которые она мне готовила с утра пораньше, а она сидит напротив и пьет чай, не поднимая на меня взгляд. Из моей, сука, кружки.

Она одним днем заняла все пространство моей квартиры, даже несмотря на то, что мелкая вся. Её много, у меня передоз, это выльется во что-то очень хреновое, я чувствую.

— Вкусно? — поднимает взгляд и спрашивает с любопытством. Очень странное что-то происходит.

Киваю. Нет желания разговаривать еще о чем-то. Я вчера дохера говорил и слушал, с этим у меня тоже перебор конкретный уже. Всё с ног на голову перевернула, я не успеваю за всем этим. Такое ощущение, что я стою в центре какого-то урагана. Вокруг меня рушится всё, а я просто стою и смотрю и сделать нихера не могу с этим. Только жду, когда меня затянет и тоже сломает пополам.

— И ты даже не скажешь спасибо? — говорит негромко, а я так и замираю с сырником, не успев его откусить. Это какой по счету уже? Надо завязывать, у меня режим, а я полтарелки сожрал и даже не заметил, как.

— За что? — искренне удивляюсь. Тут надо матом орать, а точно не это пресловутое “спасибо” говорить. За то, что ворвалась в меня с разбега и сломала внутри все, что я строил так тщательно. За то, что торчит в моей квартире, хозяйничает, готовит мне, блядь, рождая внутри тупые картинки и надежды. За то, что даже к бабе Вале успела сходить и наверняка исказить той всю картину мира. За то, что ненормальная такая, что я влюбился по уши и хер знает теперь, как вылезти из этого.

“Спасибо” за это не говорят.

— За сырники. Тебе ведь вкусно, — отвечает Аня. Как можно быть влюбленным и одновременно раздражаться от каждого ее слова или даже присутствия? Как-то можно, потому что я справляюсь. Мне ее выгнать хочется так же сильно, как обойти этот херов стол между нами, и...

Стоп, Алиев.

Надо сегодня подольше грушу помесить, а то мозги плавятся уже.

— Да, вкусно, — говорю правду. Съедаю последний, остальные отставляю в сторону, чтобы не взять по инерции ещё. Нельзя пустить по пизде режим, который выстраивал так долго из-за одной девчонки, которая решила похозяйничать на моей кухне.

В голову тупая мысль влезает: Алёна мне никогда не готовила. Даже если оставалась до утра. Ни единого раза. И похер что у нас отношений толком не было, но почему-то вдруг мысль эта в голову влетает быстро и я так же быстро ее оттуда выкидываю.

Нельзя делать этого: сравнивать их. С первой меня хоть что-то связывало, хотя я и жалею обо всем, что было. Знал бы, что замужем — хер бы повелся. С Аней же у нас ни черта нет. Нет и не будет. У нас даже из общего — Рус. Её парень, мой знакомый.

Просто сказка, блять. Мечта.

— Раз вкусно, скажи спасибо. Я ведь готовила, старалась.

Бля, че она пристала ко мне со своим “спасибо”? Не умею я этих слов говорить, ясно? В заводской комплектации ошиблись, когда меня собирали. Не вшили все словечки эти сложные.

— Аня... — хочу сказать ей, хотя первый раз в жизни не знаю, что буду говорить. Но подумать не успеваю, как Аня снова начинает говорить, перебивая меня. Неудивительно уже. Я бы охренел, если бы она этого не сделала.

— Просто скажи “спасибо”, это что, так сложно?

— Да, Аня, это сложно, — рычу сквозь зубы, говоря как есть. Конечно в подробности и долгие рассказы о сложной жизни рассказывать не буду. — Ещё вопросы? — спрашиваю уже со злостью, надеясь, что она все поймет и отвалит.

Но нет. Эта активистка еще сильнее приставать начинает.

— Да. Почему тебе так сложно сказать спасибо?

Я встаю из-за стола, а она вскакивает следом и идет за мной. Бесит меня так сильно, что сил нет.

— Это не твое дело, — я пожалел сотню раз, что позвал ее к себе переночевать. Пусть бы шла к своему Русу и трахалась бы там с ним, а не трахала бы мне мозг сейчас. Сказано, что сложно, зачем трогать меня?

— Ну здравствуйте! — говорит Аня мне в спину, а потом оббегает меня и становится лицом к лицу. — Моё еще и как. Я старалась, готовила, чтобы отблагодарить за то, что не спала на улице, а мне даже спасибо не сказали. Нет, Дамир, так не пойдет!

Я не понимаю, она притворяется, или реально это всё? На краю мысли мелькает, что это спектакль какой-то, но быстро исчезает. Я ей слишком верю. И бесит она тоже слишком.

Закрываю глаза, сжимаю кулаки и челюсти и считаю до десяти. Это помогает. Я таким банальным способом учился гнев контролировать. А сейчас всю броню срывает, надо держаться.

Но счет помогает мало. Открываю глаза и натываюсь на пытливый взгляд Ани. Она ждет. Она реально ждет блядское “спасибо” за свои сырники. Ну или я не понимаю чего-то.

Набираю в грудь воздуха побольше, собираясь с мыслями, и говорю, глядя точно в глаза:

— Спасибо, Аня.

Глава 16. Аня

После этого "спасибо" я стала тихой серой мышкой. Потому что Дамир в этот момент выглядел так, как будто на него упала огромная бетонная плита, и виновной в этом была только я.

Мне снова не было страшно, но я решила дать ему немного выдохнуть.

А потом сбежала почти позорно, когда он, позавтракав, пошел в душ перед работой.

Оделась быстро и просто убежала, потому что всё это зашло слишком далеко. У меня парень есть, а я, черт возьми, переночевала у его друга, ещё и ходила в его футболке и принимала в его квартире душ.

Дамир сказал, конечно, что не считает меня плохой из-за этого, но внутри все равно очень хреново.

Особенно после утренней сцены на кухне... Мы выглядели, как счастливая парочка молодожёнов. Я в его футболке, готовящая сырники, и он, пришедший ко мне в одних трусах. Оставалось только поговорить о чем-то неважном и заняться сексом на кухонном острове. Дамир как раз был готов...

От воспоминания его вида щеки снова вспыхивают пожаром, и я стараюсь дышать глубже и бежать от его дома ещё быстрее.

Я дико боюсь встретить Руслана, а ещё почему-то не хочу, чтобы Дамир обнаружил мой побег быстро. Странное желание.

Мне очень странно, очень неловко, даже грустно! Я не выбрала своего парня, когда мне дали этот выбор, но причина, по которой я к нему не пошла... Голова кругом. Меня шатает из стороны в сторону. В одну секунду я думаю, что была права и ничего не сделала страшного, а во вторую уже корю себя и хочу всё рассказать Руслану, чтобы между нами не было никаких тайн. Останавливает меня только то, что мужчины вряд ли будут разбираться словами и выяснять поминутно, как было на самом деле. А ссоры и драки между ними точно никому не нужны.

Бегу на остановку, дыша полной грудью и перекручивая в голове все те же мысли. Как, всё-таки, правильно?..

Хочу очень к маме. Поговорить, обняться, попросить совета. Папа уехал в командировку, это кстати очень спасло меня, потому что если бы я не пришла ночью без предупреждения, на ухах бы стоял уже весь город.

Звоню маме. Она всегда готова ко встрече со мной. Она пока не работает, сидит в декрете, но с маленьким Яриком может остаться няня. Мама очень удачно вышла замуж второй раз, живёт в доме моей мечты. Очень уговаривает меня переехать к ним, но я не могу бросить папу. У нас не такие хоромы, конечно, но квартира тоже классная. Папа для меня делает все.

Договариваемся встретиться через пару часов. Я даже не сразу поняла что звоню ей в семь утра... С головой уже проблемы.

Захожу домой, снимаю обувь и слышу звук сообщения. Сердце ёкает сразу. Руслан...

Первый порыв: не читать, не отвечать, не появляться в сети.

Но потом мысленно даю себе по голове и открываю мессенджер.

Руслан: Прости меня, малых. Я дурак. Приезжай. Обещаю, приставать не буду.

Приезжай... легко сказать! Я, вообще-то, только оттуда...

Перечитываю сообщение ещё несколько раз, и на четвертом уже окончательно прощаю Руслана. Ему наверное правда очень нужно это... И он не ищет где-то на стороне, ждёт меня, пусть и не очень терпеливо. Руслан хороший. А я по отношению к нему повела себя ужасно...

В ответ пишу правду: ту, что пообещала встретиться маме и вряд ли до вечера мы увидимся.

О том, где ночевала, трусливо не произношу и слова. Не могу. Он прощения просит, а я что? Снова разрушу все правдой о том, что натворила? Потом расскажу. Как-нибудь. При случае.

Лечу в душ. Мне кажется, я вся пропиталась запахом Дамира. Сначала его гель для душа, потом его футболка, его одеяло... Этот запах не смывается даже моим гелем с ароматом ванильного мороженого, такое ощущение, что я вся в нём с ног до головы.

Брызгаю на запястья духами, что подарил Руслан. Не очень нравится мне запах, но я его на себе почти не чувствую, а ему приятно, что пользуюсь подарком. Я люблю что-то менее агрессивное и резкое.

Надеваю юбку, мама любит, когда я так одеваюсь и не выносит мозг по поводу того, что она рожала девочку, а не мальчика вообще-то. Хватаю рюкзак с формой на тренировку, потому что чувствую, что до вечера домой не попаду.

К торговому центру прибегаю вовремя, где договорились встретиться, и сразу падаю в объятия самой лучшей женщины на этом свете.

Несмотря на то, что они развелись с отцом и у мамы другая семья, я все равно её бесконечно люблю. И даже с братьями своими общаюсь довольно неплохо. Она очень мудрая. Смогла выстроить со всеми отношения так, чтобы никому не навредить.

Мне такому ещё учиться и учиться.

— Я вырвалась на целый день, — улыбается мама. Целый день — это редкость. Ярик ещё совсем малыш, ему только семь месяцев, и на целый день мама может уйти только если ее муж дома. А это тоже редкость! Короче, для нас сегодня все звёзды сошлись. — Поэтому предлагаю шоппинг. Хочу купить тебе много красивой одежды!

Мама такая мама... Протестовать бессмысленно. Я пробовала сотню раз. Мы болтаем обо всем подряд пока ходим по магазинам, а потом не замечаем, как в руках оказываются десятки пакетов. У меня этих платьев дома... Я их практически не ношу. Хотя все, кто меня в них видел, говорят, что очень идёт.

— А давай сначала кофе попьем? — спрашиваю, и мама тут же меняется в лице. Без слов понимает, что поговорить с ней нужно. Берет меня за руку и ведёт в кофейню, выбирая там самый укромный столик из всех.

— Что у тебя случилось? Ты не беременна?

— Мама! У меня ещё даже ни разу мужчины не было, господи, я не собираюсь тебя делать бабушкой так скоро, тебе всего тридцать восемь. Но разговор, кстати, этого и касается... Мне на самом деле очень неловко говорить об этом, но только ты можешь помочь разобраться во всём. Потому что у меня голова уже кругом.

— Малышка моя, — говорит мама, накрывая мою руку своей ладонью.

— В общем. У меня есть парень, — на этих словах глаза мамы радостно сияют, — его зовут Руслан и ему... двадцать шесть лет, мам.

— Так, ну... — говорит она спустя несколько секунд молчания, — допустим двадцать шесть, да. Хорошо. Информация принята. Он тебя не обижает?

— Нет. Мы вместе три недели, у нас правда все в порядке, он нормально ко мне относится...

— Но?

— Но я пока не могу дать ему то, чего он хочет, и на этом фоне мы ссоримся. Буквально вчера вечером в очередной раз. Он намекает слишком уж явно, а я... а я не могу.

— Найти бы его сейчас и открутить ему яйца, — зло говорит мама, заставляя меня хихикать. — Я не буду осуждать твой выбор, ты знаешь, что никогда так не сделаю. Но если мужчина не может потерпеть три недели, зная, что девушка не готова, то грош цена тому мужчине. Действуй так, как говорит тебе сердце. Если не доверяешь пока настолько, чтобы голову потерять — не делай глупостей. Ему не шестнадцать, чтобы трусы слетали при виде девушки. Взрослый мужчина, пусть учится себя контролировать.

— Спасибо, — улыбаюсь маме и делаю глоток какао, что принесли только что. Я убедилась, что делаю все правильно. Мамины советы всегда самые ценные.

— Тебя тревожит что-то ещё, — не спрашивает, утверждает. Насквозь меня видит.

— Эта история ещё больше запутанная. В общем! С нами в компании иногда сидит парень, Дамир зовут. Он очень странный, мам. Закрытый, молчаливый, как будто бы ему среди людей тяжело, а с нами он вечерами только ради приличия. Он очень тяжело идёт на контакт, но мне почему-то всегда хочется его разговорить. Иногда мы болтаем, совсем немного. Недавно я пошла на бокс, и он заменил мне там тренера. Ну он в смысле тоже тренер! Просто моему надо было срочно уехать. А ещё мы виделись в магазине, я за ним бежала, а он спас, но уронил наушники и они разбились из-за меня. Мне так стыдно до сих пор! Я тебе передать не могу. А ещё он однажды помог мне оттолкнуть от себя Руслана, специально или случайно, не знаю. И вчера мы с Русланом поссорились и ушла от него, а тут Дамир. Мы не смогли вызвать такси, он предложил довезти меня, но там что-то с колесами на его машине, а потом предложил остаться у него, потому что не хотел отпускать меня одну поздно вечером. И я согласилась, понимаешь? Хотя в доме напротив живет Руслан. Но я просто почему-то знала, что Дамир мне ничего не сделает, а Руслан... Мам, мне так тяжело! У меня в голове каша, мне давно так сложно не было. Мне стыдно перед Русланом, и перед Дамиром тоже, что я на его диване спала всю ночь, хотя если честно даже глаз не сомкнула. Я не понимаю, можно ли расценивать мое поведение как предательство и что вообще мне со всем этим делать! Мам, помоги, а...

— Так, — выдыхает мама и на несколько секунд замолкает, видимо, переваривая сказанное, — ты столько натараторила, что мне нужно пару минут, чтобы разобраться что к чему. Что было с Дамиром ночью?

— Ничего, мам, ты что! Он мне даже не нравится. Нет, он красивый, конечно, и высокий, но нет! И вообще у меня Руслан, да и сам Дамир наверное считает меня ненормальной. Я только сырники ему утром приготовила, чтобы он не думал что я совсем ку-ку, и все, я же...

— Я поняла, — мама почему-то надо мной смеется. А мне вообще не смешно! У меня тут голова кругом от всего, а она хихикает. — Прямо красивый? — спрашивает, прищуриваясь. Боже, что за женщина...

— Во-о-о-т такие плечи, — показываю руками примерно, на пару секунд уходя в спокойствие и любимое хихиканье с мамой.

— Плечи — это прекрасно! За такими плечами ничего не страшно.

— Да мам... Я серьезно же.

— Так и я тоже! А теперь к делу. Во-первых: никому ничего ты не должна. И идти ночевать туда, где тебе некомфортно, тоже, даже если там твой парень. Да хоть муж! Если не чувствуешь себя в безопасности — не делай. Твоё состояние и твоё спокойствие должно быть в сотню раз важнее задетого эго какого-то там Руслана. Если мужчина с широкими плечами вызывает доверия больше — то тут дело точно не в тебе. Поговори с Русланом, если он тебе правда так дорог, что ты чувствуешь несуществующую вину. Скажи о своих желаниях, о том, что чувствуешь. Если он взрослый человек, умеющий думать мозгами, то он поймет и вы сможете договориться. А если нет — парень с плечами всегда под боком.

— Мама! — эта женщина совершенно не умеет вставлять шутки вовремя. А еще ее романтическая душа пытается женить на мне каждого второго парня, что только по какой-то причине оказывается рядом.

— По поводу Дамира, — продолжает, не слушая моих возмущений. Ясно, не отстанет теперь. В эти моменты я радуюсь, что мы не живем вместе, я бы не выдержала этих взглядов и молчаливого хихикания, — что именно смущает тебя? Ты сказала, что тебе перед ним стыдно?

— Да. Вдруг он решит, что я... ну в общем бегаю от парня к парню. Я сбежала от него сегодня утром пока он не видел, потому что не могла смотреть в глаза больше.

— Или на плечи...

— Мама! — я возмущаюсь, а сама краснею и начинаю хохотать, ну потому что да! Он заперся на кухню в одних трусах, я глянула-то пару секунд, а рассмотреть все успела. И плечи, и... и не плечи. И за это мне тоже стыдно. У меня ощущение, что я предаю Руслана таким образом, хотя между мной и Дамиром конечно ничего не было и быть не может. Мне просто интересно смотреть как он против воли открывается мне, поэтому когда гуляем, я с ним много времени провожу. Мне кажется, Руслан ревнует...

— Пусть сделает так, чтобы ты не хотела проводить время с другими мужчинами, — выдает мама, и я чувствую, как краснею.

— Я что, вслух, да?

— Ага, — смеется, откусывая круассан.

— И про тусы?

— Ага, — хохочет еще сильнее, а я падаю головой на стол и сдерживаюсь, чтобы не завить. Это издевательство! — Ань, в этом нет ничего страшного. И противозаконного. Ты никого не предавала, а вот Руслану твоему по голове настучать надо бы. Делай то, что говорит тебе твое сердце, и не иди ни у кого на поводу. Это твоя жизнь, и твои шишки, и боль тоже твоя, которую вместо тебя никто прожить не сможет в случае чего. Я заберу все, что будет в моих силах, но прошу, береги себя, ладно? Таких Русланов может быть еще сотня, а ты у меня одна. И если ты понимаешь, что у вас что-то нездоровое: заканчивай это. Я очень волнуюсь.

— Нет, мам, я... Я не думаю, что он может навредить мне. И я поговорю с ним, как ты и советовала. Спасибо тебе, — перегибаюсь через столик и обнимаю маму за шею, чувствуя, как она целует меня в щеку.

— Люблю тебя, мышка.

— И я тебя, мам.

— Смени духи, — кривится с улыбкой и хватает меня за руку, утаскивая за собой. — А теперь пойдём, раз парень остался без наушников по твоей вине, надо ему их вернуть. Что думаешь?

Что я думаю? Что Дамир в жизни не примет это! Но вернуть и правда надо бы... Боже дайте мне сил.

Глава 17. Аня

День с мамой проходит очень насыщенно. У меня снова целый миллион пакетов с новыми платьями, как и у мамы, а еще в маленьком кармане сумочки... наушники. Для Дамира.

Мама сказала, раз сломала, нужно вернуть. И я с ней очень согласна! Она так всегда меня и воспитывала, и я никогда не против ответить за свои поступки.

Но это же Дами-и-и-ир... Да он ни за что не примет от меня это! Более того, я ума не приложу, как попытаться ему презентовать наушники. Как подарок? Извиниться? Молча отдать? Подкинуть в рюкзак? Я не знаю! У меня голова кругом уже от всего этого. Они в сумке у меня около часа, и весь этот час я их буквально чувствую. Не могу и на секунду забыть о том, что мне придется вручить их Дамиру.

— Мам, мне ехать пора, у меня тренировка, — говорю маме, когда она пытается затащить меня в очередной магазин. А я не могу! Меня там Лёша ждет, вообще-то.

— Давай отвезу тебя, раз вырвалась на целый день, надо пользоваться, — смеется мама.

Мы идем на парковку, по пути покупая себе еще по молочному коктейлю, как будто он совершенно не утяжелит мою тренировку.

Мама везет меня в фитнес-клуб, по пути рассказывая какую-то смешную историю из детства. У нее эти истории никогда не заканчиваются, я всю жизнь слушаю все новые и новые.

— Я ходила в этот клуб на йогу для беременных в животе с Яриком, — говорит мама, когда мы заезжаем на парковку.

— Я пока только на бокс, — смеюсь и собираюсь выходить из машины, как вдруг торможу. Я не знаю почему торможу, если честно. Но вижу, как Дамир выходит из клуба и просто прирастаю к месту.

А хотя почему не знаю... Я знаю! Потому что я сбежала от него как ребенок провинившийся сегодня утром и даже хорошего дня не пожелала. А теперь мне неловко ему на глаза попадаться.

— А-ань? — спрашивает мама, щелкая у меня перед лицом, а потом следит за моим взглядом. — Оу. Это наш Дамир?

— Чей наш, ма?

— Ну просто Дамир, — закатывает глаза и цокает на меня. — А плечи у него и правда что надо... — тянет задумчиво. О да. Особенно сегодня, когда на нем спортивная футболка без рукавов, которая всё что нужно для обзора открывает. Судя по тому, как смотрит моя ма, в этих гляделках и правда нет ничего плохого. Она-то точно своего мужа любит, но пялиться на красавчика ей это не мешает. В целом, это помогает мне выдохнуть и перестать чувствовать себя изменщицей. Но полное спокойствие не наступает вообще... — Что сидишь? Иди!

— Не-не, пусть пройдет, потом я, — говорю и сажусь поудобнее. А Дамир не собирается уходить! Зачем вышел вообще? Стоит у клуба, в телефоне копается.

— Аня, шуруй на тренировку, — смеется с меня мама, — и не забудь отдать наушники этому красавчику.

— Ты не помогаешь вообще, мама! — я не могу понять, почему меня так колотит. Да, я волнуюсь, что он может мне сказать после моего побега, но не так чтобы прямо колотиться!

А меня натурально крупной дрожью бьёт, я с трудом телефон под ноги не роняю.

— Иди или я сама к нему пойду и извинюсь за наушники, — шантажирует мама, а когда я всё равно не двигаюсь с места, берется за ручку двери, и правда собираясь выйти к Дамиру. Ну какой кошмар!

— Ужас, ма! Я с тобой не дружу больше, — фыркаю и выхожу из машины, мстительно громко прихлопнув дверь.

Иду в сторону Дамира, ноги будто оловом залиты, не идут от слова “совсем”. А еще меня очень бесит, что машина мамы так и стоит на месте. Подсматривает. Ну почему такая невыносимая, а?

— Дамир, — говорю негромко, когда между нами остается метра три от силы. Я так глупо надеюсь, что он меня не заметит, что самой становится смешно.

— Мелкая, — говорит сразу, отрываясь от телефона и убирая тот в карман.

— Сам ты мелкий, — рычу в ответ, защищаясь. Меня в целом вообще не трогает, когда он так меня называет. Даже мило. Рядом с ним я и правда очень мелкая.

Мама, к слову, всё еще никуда не уехала.

— Ты так не думаешь, — говорит спокойно. Не думаю, конечно. Ты своими плечами половину улицы закрыть можешь, какой уж там мелкий.

Дамир стоит как всегда по стойке смирно, но руки сложены на груди. От этого мышцы напрягаются еще сильнее и мне становится странно жарко. И говорить тяжело. Как будто бы до этого было легко...

— Я... — начинаю, а как продолжить, не имею понятия. Я что? Сбежала потому что испугалась? Или я принесла тебе наушники? Или я даже сырники по утрам не готовлю, а тут вдруг пробило меня? Что я? — Я... на тренировку с Лёшей приехала, — нахожу, что сказать. В конце концов, про мой побег он не спрашивал, а наушники я могу в любое другое время отдать. Видимся мы в последнее время довольно часто.

— А Лёхи нет, — отвечает Дамир.

— Как нет? У меня ведь по расписанию...

— У него случилось чет, он отменил всё. Должны были звонить. Пойди у девочек на стойке узнай, — киваю и отхожу от Дамира, быстрым шагом преодолевая пусть до входа в фитнес-клуб.

Вздрагиваю от звука сообщения и бросаю взгляд на табло часов.

Мама: Трусиха! А он тебе вслед смотрел:)

О боже, ну ма...

Стараюсь не думать о том, что сказала мама. Отвлекает меня! Иду к стойке, чтобы решить вопрос о тренировках, потому что я только настроилась, а тут вдруг нет моего тренера, очень мило.

— Здравствуйте, а я на бокс к Лёше, записана на это время, — говорю приятной девушке за стойкой.

— Добрый вечер. Алексей взял больничный на две недели и отменил все занятия, мы обзванивали всех его клиентов и предупреждали о форс-мажоре. Подскажите ваш номер телефона, я пробью по базе, поступал ли вам звонок.

Я диктую цифры на автомате, а сама уже успеваю расстроиться. Ну как так-то? Я сходила всего на одно занятие... И мне так понравилось! Я надеялась ходить регулярно, а не словить перерыв после первой же тренировки. Две недели, конечно, не критично, но грустно все равно очень...

— Но мне никаких звонков не поступало.

— Да, действительно, вашего номера нет в базе. За предоставленные неудобства и потраченное время можем предложить бесплатный день в нашем зале. Для посещения будет доступен любой зал на ваш выбор, а сертификат будет действовать в течение месяца, — говорит с улыбкой девушка и протягивает мне пластиковую карту-сертификат. — Еще раз приносим свои извинения, что не предупредили. Внесем ваш номер в базу во избежание повторного случая.

— Убедилась, мелкая? — звучит голос сзади и я подпрыгиваю от неожиданности.

— Напугал! — говорю на эмоциях, а потом замолкаю, потому что Дамир оказывается неожиданно близко. Я не узнаю его. Он какой-то сегодня... слишком социальный.

— Дамир, а у тебя окно? — спрашивает девушка за стойкой, вторая, я разговаривала с другой. Дамир кивает под негромкое “угу”, и та тут же расцветает. — Проведи мне тренировку? Как раз так шея болит, — она трет рукой шею и та-а-а-ак активно строит Дамиру глазки, что мои непроизвольно закатываются. Это слишком явно, мне кажется, ни один парень не поведется.

— Если шея болит, это на массаж, — говорит Дамир. — А за массажи у нас Руслан Викторович отвечает, туда и иди.

Странное торжество расцветает внутри, с которым я ничего не могу поделать. Просто он так красиво отшил ту, что слишком явно клеилась, что мое эстет внутри сдох от услышанного.

— Раз у тебя окно, — простреливает голову шальная мысль, — может ты снова Лёшу заменишь? Раз уж я приехала.

Смотрю на Дамира, а он почему-то от этого предложения странно хмурится. О, ну конечно, не хочет иметь дело с сумасшедшей.

— Дамир? — спрашивает девушка, та, что приятная. Видимо, без его согласия записать не может, и мы все дружно ждем его ответа. Она спокойно, я отчего-то дико волнительно, а вот та, на груди у которой написано Вероника, очень уж недовольно.

— Да, давай, — говорит минуту спустя, и я выдыхаю с облегчением. Я правда боялась, что он откажет мне и пришлось бы две недели камушки под ногами пинать. — Пошли, мелкая.

Говорит и уходит, а я и правда как маленький ребенок не успеваю за его широкими шагами.

Он молча заходит в свою раздевалку, а я даже немного теряюсь от резкости его движений.

С тренировками разобрались, про побег он ни слова не сказал... Осталось только каким-то чудом вернуть ему наушники и не получить их обратно. Как?

Глава 18. Дамир

Раньше мне было сложно с людьми, а теперь с самим собой сложно. Я умом понимаю, что мне не надо соглашаться на еще одну тренировку с Аней, а ртом беру и соглашаюсь. Еще и киваю для полноты картины как кретин полнейший.

Во-первых, чтобы отвалила Вероника. Она у нас в клубе работает недавно, не знает еще ни черта, зато липнет ко мне точно со знанием дела. Меня только ее знания никак не цепляют.

А во-вторых... Ну, это Аня. А я влип. И вот это тупое свербящее внутри “провести с ней немного времени” кивнуло за меня и пошло в раздевалку за бинтами и перчатками.

Бинго, бля, Алиев. Очень круто идешь к плану отстраниться от Ани и забыть о ней.

Мне прошлая наша тренировка до сих пор жизни не дает, потому что на грани все чувства были, еще и стон этот её... Сука-а-а-а, да сдохнуть проще, чем перестать об мелкой думать.

Притащилась, разговорчивая как обычно, все пространство своей энергией занимает. Я думал получит ответ, что Лехи нет, и свалит. Но нет же, эта активистка все себе выбьет. А у меня как назло утром клиент отменился на это время и окно на целых полтора часа получилось. Вот как издевательство какое-то.

Забираю бинты, перчатки, оставляю в раздевалке футболку, потому что не могу в ней тренироваться, она мокнет через три минуты и бесит.

Мелкая уже стоит возле зала, пялит в телефон, как обычно. На лице эмоций миллион, даже молча умудряется быть в сто раз эмоциональнее всех в мире людей.

— Идешь? — спрашиваю, проходя мимо. Сразу в зал захожу, не останавливаюсь рядом, иначе пиздец будет, чувствую. Я уже на грани, а у нее еще и форма такая, что мне как похотливому подростку завывать хочется. Шорты эти... Реагирую, блядь, на шорты! Надо с этим срочно делать что-то, потому что долго я так не протяну.

Повторяю как мантру себе, что у нее есть парень и трогать ее нельзя. Помимо всех остальных пунктов, почему нельзя ее трогать.

— Конечно! — говорит бодро и идет мимо меня, наклоняясь и складывая на пол телефон, ключи от шкафчика и бутылку воды.

Я с трудом держусь чтобы не наорать на нее за то, что сломала внутри меня какую-то сраную стену, с которой мне до появления Ани вполне комфортно жилось. Я никогда не реагировал на девчонок в коротких шортах. Мне плевать было даже на явные попытки предложить мне себя. Я брал только когда мне надо было и соблазнить меня вне этого времени было почти невозможно.

А активистка эта без единого намека наклонилась на пару секунд и мне крышу сорвало.

Ноги эти... И вообще вся она.

Отвлекает только звук ее голоса. Надо взять себя в руки и просто провести тренировку. Научить ее правильно сжимать кулак и отпустить домой, а потом убиться в зале, чтобы стало хоть немного полегче.

— Я готова! — встает рядом со мной. Странная она сегодня. Вроде такая, как обычно, а вроде и другая. Нервная, что ли. А что вдруг? Нервничает, что утром от меня свалила? Так я только рад был. Потому что выдержка моя железная уже лопаться стала от вида ее в моей футболке. Иллюзия счастливого будущего. Я просыпаюсь, а на кухне уже кто-то сильно

любимый готовит мне сырники. Знаю, что такое только в фильмах бывает. Ну или в жизни, но точно не в моей. Так что правильно убежала. С каждой минутой нахождения в моей квартире закапывала бы меня только глубже.

— Сначала разминаться, — киваю ей в сторону, где лежат скакалки, мелкие гантели и резинки. — Скакалку в руки и вперед прыгать. Перешагиваем, потом с прыжком, потом прыгаем нормально пять минут. Засаекаю.

Засаекаю... ага. Пялюсь на нее как школьник, хорошо что часы каждую минуту пищат, вырывая меня из омота. Был бы секундомер со стрелкой — она бы у меня всю тренировку скакала, потому что я бы тупо не замечал, как время идет.

Аня хороший клиент. Она старается, все выполняет, работает до конца, выдается на полную и никогда не спорит.

Но она самый дерьмовый мой клиент, потому что сосредоточиться с ней невозможно. Смотрю куда угодно, пока она прыгает, только не на нее. Если вдруг мне еще раз придется с ней пересечься в клубе, отправлю ее разминаться в общий зал на дорожке. Пусть ходит в уголочке, мне спокойнее будет.

— А Лехи нет сегодня? — звучит сзади и я поворачиваюсь, глядя на какого-то парня. Видел его несколько раз тут, кажется, но не запомнил особо. Точно не мой клиент, походу Лёхин.

— Через две недели приходи, — говорю ему и замечаю, как он на Аню пялится. Он показывать то, что смотрит, не стесняется. Это я челюсти до хрипа сжимаю и взгляд стараюсь стеклянным держать, а этот нет. Наглый, лет двадцать ему. Стоит, пялит, слюни чуть ли по полу не пускает. Улыбается мерзко, даже мелкая с ритма прыжков сбивается.

— Дамир, я закончила, — говорит мне, делая пару шагов навстречу. Таймер пищит, я ни хера не слышу. Меня бесит этот тип.

— А полностью когда заканчиваешь? — спрашивает смертник. — Могу подвести.

— Лёхи не будет две недели, — вклиниваюсь в неудавшийся диалог, — так что можешь идти.

— Слушай, а может ты со мной на ринге? Минут тридцать, мы с Лёхой практикуем, — обращается ко мне, а я в голове уже представляю картинки, как размажу его по этому самому рингу.

— Ты меня не вывезешь.

— Дамир, давай тренироваться, — Аня спасает. Этого дохлака точно. Потому что у меня уже всё чесалось зайти с ним на ринг и стереть с лица эту мерзкую улыбочку.

— Ты уверен? — не унимается. Оскорбился. Ну бля, он даже не мой рабочий вес, реально не вывезет. — Не суди по внешке, выйди на ринг. Так уверен, что не вывезу?

— Я уверена! — говорит мелкая, и у меня внутри какое-то торнадо происходит. — Дамир, идем, — она обхватывает мою руку своими пальцами тонкими чуть выше локтя и тянет на себя. Так сильно видно, что я бешусь? — А ты проваливай, — ставит точку, и я понимаю в этот момент она еще глубже в меня забирается. Да ну пиздец!

Поворачиваюсь к ней лицом, и она тормозит как-то резко. Не будь она сильно ниже — столкнулись бы лбами. А так она лбом в мой подбородок упирается почти и от этого движения выпускает негромкий испуганный вдох.

— Ой...

И держит всё еще. Руку не разжимает. Поднимает голову и мы пиздецки близко оказываемся. Наклониться и сожрать ее губы — дело мгновения. Я держу себя всеми

тисками, которые есть внутри меня. А они очень быстро лопаются.

А потом я залипаю на ее глаза и понять ни черта не могу. Я ни разу еще не видел их так близко. И вообще так пристально старался не смотреть. А сейчас оторваться не могу, хоть убей ты. Дайте кто-то по затылку мне срочно, я еще ниже падаю, буквально к ногам ее.

Стоим как два идиота. Ее пальцы на моей руке, мы почти прижаты друг в друга и в глаза смотрим. Она в мои почти черные, и я в ее... фиолетовые.

— Мелкая, ты инопланетянка?

— Почти, — вдруг улыбается, а рядом так и стоит. — Забыла линзы просто надеть сегодня.

— Это линзы? — тупею мгновенно.

— Нет. Это мои настоящие, самый редкий цвет глаз в мире. Линзы карие ношу, чтобы вопросов меньше было, — говорит тихо, я из-за музыки в клубе с трудом различаю слова.

— Точно инопланетянка. Я сразу так и подумал.

Глава 19. Дамир

Я их теперь везде замечаю. Вот сколько мы уже знакомы, не видел ни разу, а теперь внимание обратил, и все, заклинило, не могу не смотреть.

Фиолетовые глаза... реально настоящие, что ли? Тогда понятно все, сразу же понятно, что она не с нашей планеты.

Другой вопрос, почему она говорит, что под линзами их прячет? Ну охуенные же глаза, зачем прятать-то такое? Я никогда не пойму людей. А её, походу, тем более никогда не пойму.

Тренировка пиздец сложно идёт, мне невыносимо вывозить всё это. Аня смеётся громко, касается меня случайно или специально, и глазами этими невозможными смотрит так, что душу всю наизнанку. Я потерялся в ней и найти себя вообще не могу, не получается. Каждый раз обещаю завязать и каждый раз посылаю все эти обещания нахрен. И тону ещё глубже и глубже, плыву как сопливый подросток.

Я умом понимаю, что из этого не выйдет ни черта. У нас разные пути, разная жизнь, разное, блядь, все. У нее парень есть, в конце концов, пусть херовый, но какого выбрала. А я дохну по ней так, как будто она завтра за меня замуж выйдет и будет жить со мной счастливо.

Да не бывает счастья. Дерьмо это всё. Страдания, боль, предательство.

Даже сейчас херово. Потому что втрескался по уши в ту, с кем ничего больше вот такой же как сейчас тренировки не светит. И это жрет изнутри, просто я научился не показывать это и не ныть.

Но оно-то жрет все равно. И оставляет дыры там, где и до этого решето было.

Очередное убеждение, что кроме боли нихера вся эта распиаренная любовь не приносит. Клялся себе не влипнуть никогда больше, и... Влип. Сюрприз, блядь.

— Я правильно делаю? — долетает до уха звук голоса и я понимаю, что залип снова, как идиот полнейший. Повезло, что не прямо на нее в упор смотрел, а просто перед собой. Иначе всё, дурку можно было бы уже вызывать.

Трясу головой и провожу рукой по короткому ёжику на затылке. Чё делать-то с этим? Я не могу так постоянно зависать с мыслями об Ане. Мне работать надо, в конце концов, еще делать что-то, помимо этого. А я даже среди тренировки зависаю, хотя на работе я в принципе всегда лишние мысли могу отпустить. А сейчас не могу! Чувствую себя идиотом каким-то.

— А? Да, — отвечаю, стараясь включиться. Проверяю технику — правильно делает, не соврал. Чуть поправляю руку, чтобы локоть не выпрямляла, и ловлю себя на том что держу ее больше положенных половины секунды. — Вот тут аккуратнее, локоть вылетит, вправлять больно.

— Тебе вправляли? — бросает Аня упражнение и поворачивается ко мне, спрашивая. И ей реально интересно, по глазам её нереальным видно.

— Чё мне только не вправляли...

— Неправильно упражнения делал? — улыбается, а я в сотый раз понимаю, насколько мы разные. Она ж как ребенок, в плохую сторону вообще не думает. Не представит даже, что я на улицах дрался с каждым встречным, что в подпольных боях за бабки участвовал, что за наркоту меня толпа на улице ногами пинала. Нет этого всего в ее светлой голове. А у меня

всё это в жизни было. И оно темнотой и грязью всё равно так или иначе настоящее пачкает. А я не хочу и ее замарать всем этим.

— Да, почти. Давай еще пять минут и на растяжку.

Аня кивает и продолжает отрабатывать удары. Старается, хмурится, все свои немногочисленные силы прикладывает.

А я смотрю на нее и теперь каждый, сука, раз, замечаю эти фиолетовые глаза. Она реально линзы носит? Как я раньше не видел-то?

— Мелкая, зачем тебе линзы? — спрашиваю быстрее, чем успеваю подумать.

— А? — поворачивается и улыбается снова. Тренировка по одному месту сегодня идет. Я то зависаю, то отвлекаю ее, то она вопросы задает какие-то. Я привык на работе молчать и ничего, кроме чего-то важного по упражнениям, не говорить. А тут бя прорывает прямо. Социализировался, сука. С ней одной, правда... — Потому что ты даже не представляешь, сколько плохого я слышала о себе, когда люди видели мои глаза. Даже наркоманкой один раз обозвали, типа от веществ такой эффект. Ну я и решила прятать.

От веществ... От них совсем другой эффект. И отходняки — ад лютый.

— Люди идиоты, — говорю правду и чувствую, как челюсти сжимаются от одного только представления, что над ней издевались и говорили гадости. Покажите кто — я сломаю каждого, кто в этом участвовал. — Не носи линзы.

— И так красиво? — спрашивает, как будто знает, что сам я слова эти не скажу.

А я ей походу всё скажу.

— Красиво.

И она улыбается. А я сдохнуть от этой улыбки готов.

Мы заканчиваем раньше, чем заканчивается мое окно, и я решаю выйти в магазин недалеко от клуба. Сегодня мне срочно надо покурить. Я вообще почти не дымлю, в один момент бросил вообще всё из вредных привычек. Но сигарета губит меньше, чем ебанутое общество, поэтому на случай нервяков у меня дома всегда лежит пачка про запас.

До дома далеко, а сейчас прям очень надо. Потому что меня тянет пиздец как к Ане, а я ей не признаться, ни сделать чего-то в ее сторону не могу.

Во-первых, потому что я всё еще стараюсь от этого откреститься.

А во-вторых у нее всё еще есть Рус. А я ни изменять никогда не буду, ни быть тем, с кем изменяют. Предательство — самая херовая вещь в мире, лупит сильнее наркоты порой. Поэтому — нет.

Меня одна втянула без моего ведома, я отмыться до сих пор не могу. Хорошо успокоилась и не достает больше.

Быстро иду в душ, натягиваю толстовку прямо на голый торс и собираюсь выйти, как зависаю прямо у лестницы.

Потому что у стойки стоит Аня, о чем-то болтает с админами и ловит косые взгляды Вероники. Вот сейчас она меня еще сильнее бесит. Ни разу взаимностью ей не ответил, а она липнет и липнет.

Перевожу взгляд на Аню. Мне в целом насрать на других. Подхожу ближе и останавливаю себя силой.

Надо бы выйти. Пока буду пялиться, закончится мой перерыв и ни за какими сигаретами я не попаду. А сейчас очень надо. Вот прямо сейчас точно надо уже две.

Но я смотрю на мелкую у стойки ресепшн и меня буквально примагничивает.

Нельзя, нельзя, нельзя... И трогать, и смотреть, и думать.

Но в последние дни я сам себя не слушаю и все “нельзя” шлю к черту.

Смотрю. Пялюсь, бля, как сопливый восьмиклассник.

Рассматриваю снизу вверх. Аня непривычно в юбке, и меня клинит на стройных ногах. Я бы между этих ног... Сука-а-а-а. Я сдохну сегодня в зале, лишь бы больше на девчонке не циклиться. Она мелкая. И она Руслана. Пусть он и ублюдок, но я не такой. И Аня не такая. Она вон вся солнечная, как принцесса из мультиков — рисованная почти и такая же наивная. Откуда только взялась на мою голову?

Мне было идеально в темно-сером мире, сидел и не отсвечивал, ходил в зал, трахал каких-то баб. Нормально. А потом вокруг стало больше красок. То желтый, то красный, то ярко-зеленый, то, блядь, фиолетовый, чтоб его! — и в каждом из оттенков Аня. Ну это невозможно. Она не моя, и она слишком маленькая для меня. И слишком добрая, нежная, эмоциональная. Слишком, короче.

Но я упорно цепляюсь за ее фигуру и очень хочу надеяться, что мурашки на ее ногах оттого, что я ее взглядом сожрать пытаюсь, а не от кондиционера, настроенного на двадцать градусов. И пусть она не видит, что я маньяком смотрю на нее, вообще насрать. Хочу, чтобы мурашки из-за меня были.

Это всё, да? Отныне отрешиваться нет смысла. Внутри все сломалось и свалилось в одну большую кучу строительного мусора, который обратно в стену собрать нереально. Тут только новый материал завозить и годами строить и строить...

Отмираю когда Аня лицом поворачивается и палит меня за разглядыванием. Краснеет немного, а потом неожиданно в мою сторону идет.

Дергает эту юбку свою, губы кусает, которые самому до зуда под кожей искушать хочется.

— Дамир, я тут... А ты на улицу? — запинается и спрашивает, глядя на мою одежду. В зале я почти всегда либо без верха, если тренируюсь сам, либо в майке, если с клиентами.

— Да, — киваю и просто иду туда, чувствуя, как за мной идет.

Остановливаюсь на ступеньках, Аня выходит сразу же, нервная вся. Что такое?

— В общем, у меня тут... — опять запинается, а потом машет рукой, как будто решает не договаривать, и тянется в свой рюкзак. Шарит там полминуты, а потом достает коробку. — Это тебе.

— Что это? — я бледнею, мне кажется, от этого всего.

— Это наушники. Я помню, что ты свои из-за меня разбил, а меня так воспитывали, что всё, что испортил, нужно вернуть, вот и я... В общем, это тебе! Возьми, пожалуйста.

— Нет.

Я не знаю, почему меня прорывает так этот поступок, но сука! Внутри бушует все пуще прежнего.

Возвращает наушники... Да это приколы что ли какой?

— Ну почему? Я ведь от души, ты остался без наушников из-за меня, я от чистого сердца...

— Просто: нет. Я не возьму. Подари парню своему.

— Я ему наушники не ломала, — хмурится Аня, как будто я что-то обидное ей сказал.

Ну не хочу я от нее принимать что-то. Я и так с мыслями о ней засыпаю и просыпаюсь, а если наушники эти возьму, то вообще ни секунды покоя не будет. А это пиздец как сложно, зная, что она влюблена в другого.

— Значит верни в магазин.

— Да просто возьми, я покупала их для тебя, полчаса выбирала, какие лучше!

Выбирала для меня... Это пиздец просто.

— Нет, Аня, — надеюсь, что “трюк” с именем сработает, как в прошлый раз. Но не прокатывает. Сегодня эта бойкая малышка настроена очень серьезно.

— Да почему нет?! Ну что с тобой не так, это просто наушники?

— Что со мной не так? — меня взрывает. Меня просто, сука, на части рвет. — Да со мной всё не так, неужели не видно?

Я не контролирую себя. Мне срывает все стоп-краны, остатки самообладания рушатся под взглядом Ани. У нее в нереальных глазах стоят слезы, и виновник их — я.

Вот и причина. Нельзя привязывать, нельзя, блядь, потому что я дерьмовый человек, потому что я сделаю больно сильнее других. Я не умею иначе, меня не научили, и сам я не научился.

Кучу лет я умело скрывал любые эмоции, а с ней на разрыв просто.

Она что-то говорит, но шум крови в ушах такой громкий, что я вижу только как двигаются ее губы. А звука нет.

Наверное, это конец. Нам больше точно нельзя видеться. Уже больно, каждому из нас больно. И самое главное — больно ей. А я порву каждого, кто сделает ей больно. И в данном случае я себя готов расстрелять.

— Прости меня, Ань, — говорю для себя неожиданно, и успеваю заметить, как Аня теряется, округляя глаза.

А потом я притягиваю ее к себе за шею и целую.

Напоследок. Чтобы потом окончательно сдохнуть.

Глава 20. Аня

Что он...

Я не успеваю ничего понять. В голове громко звучит это неожиданное “прости”, а потом громкий выдох, сильные руки и губы такие горячие, что обжечься можно.

Я так сильно теряюсь, что правда не успеваю ничего понять.

Что он делает? Зачем это? И к чему извиняться, раз все равно натворил?

Он целует сразу глубоко и жадно, так сильно, что меня не то что волной, меня накрывает цунами. Я такие поцелуи только в фильмах видела: они отчаянные и болезненные, со вкусом битого стекла и крови истерзанного сердца.

Мне в секунду на самом деле ответить хочется, накрывает этой пустотой и болью, но потом я оживаю. Прихожу в себя, а вырваться не выходит: он так крепко держит, что можно с ума сойти.

Голова кругом, я смыкаю губы, мычу и бью Дамира по плечам, а потом, сама от себя не ожидая, умудряюсь вырваться и... и я бью пощечину.

Звук громкий оглушает, а ладонь болит от силы удара. Дамир сжимает челюсти и делает шаг назад.

Он сейчас выглядит так опасно, что у меня колени подкашиваются. Его кулаки сжаты, глаза черные, ноздри подрагивают. А я стою... Бежать надо подальше, а я стою. Знаю, что не тронет меня. Хотя... а знаю ли теперь?

Мы секунд десять просто стоим друг напротив друга и просто сверлим взглядами. Мой наверняка потерянный и испуганный, а его... В нем столько всего, что месяцами разбираться нужно. А у меня нет этого времени. Девчонка внутри меня заходится в истерике, она же еще раз бьет Дамира по груди и начинает горько плакать.

— Что ты творишь? — и еще удар ладонями. Он не сопротивляется, просто стоит. Смотрит-смотрит, даже руки не хватает, чтобы остановить меня. — Кто дал тебе право целовать меня? Зачем? Как мне теперь Руслану в глаза смотреть? Да и вообще, как теперь все... Господи!

Я сама не понимаю, почему, но я плачу так горько, что начинает болеть горло. Я задыхаюсь, мне катастрофически воздуха не хватает, это что-то... Я не знаю, как все это описать и не умереть от эмоций.

— Забери! — засовываю ему в карман эти чёртовы наушники. Делаю пару шагов назад, все еще глядя на него, а потом разворачиваюсь и убегаю прочь.

Не хочу, не хочу, я не хочу!

Я не хочу и не могу поверить, что он сделал это. Зная, что у меня есть парень, спасая меня от него же он просто взял и так нагло...

Я плачу еще сильнее, размазывая остатки макияжа после тренировки и душа по щекам.

Слышу громкий мат сзади, но стараюсь не думать о том, по какой причине его так сорвало на эмоции.

Зачем он сделал это... Мне наивно казалось, что мы подружимся. Правда. Дамир — закрытая книга, которую по одной страничке хотелось читать, открывая всё новое. Он столько раз меня спасал, он был другим рядом со мной, даже сказал “спасибо”, хотя я видела, как его ломало от этих слов. А сейчас...

Что мне делать со всем этим? Как смириться? Как смотреть в глаза Руслану и как

признаться ему? Я не готова смотреть на разборки между ними, но и врать не смогу. Делать вид, что все здорово? Не выйдет. Ни черта не здорово. Я даже не оттолкнула сразу! Да я почти ответила! Позволила ему воспользоваться моей слабостью, позволила подключить язык и прикусить нижнюю губу...

Я подпрыгиваю от громкого звука гудка и поворачиваю голову. Мама. Она никуда не уехала? Ждала меня на парковке? И... и всё видела?

Еще пару часов назад мы смеялись над тем, какие у Дамира плечи, а сейчас он творит такие вещи, что эти плечи я больше в жизни видеть не хочу.

— Садись, мышка.

И она ничего не спрашивает, не дает советов, не говорит. Делает музыку потише и мы просто едем. Я даже не знаю куда. Мне так горько. Он даже не спросил меня! Господи, ну зачем...

Для него все это наверняка глупые шутки, но для меня всё гораздо сложнее. Поцелуй, который большинство молодых людей в мире не считают чем-то серьезным, для меня является очень многим. А я не готова была к этому многому не со своим мужчиной.

В ту же секунду звонит Руслан. Мне становится еще хуже и я сбрасываю вызов, но следом приходит сообщение, которое я не готова читать.

Если там снова намеки, я перестану верить в людей.

— Мам, зачем он так, мам? — не выдерживаю. Мне нужно проплакаться. Очень нужно. — Я же верила в то, что он хороший и другой. А он такой же как все они, да? Ему только одно нужно. Он даже не спросил у меня! Воспользовался моментом, как самый настоящий...

— Как самый настоящий влюбленный идиот, — говорит мама, и я замираю. Даже слезы застывают в глазах. Что? — Не смотри так, мышка. Я много лет уже живу, и много мужчин знаю, и историй любви в жизни тоже много видела. Этот парень буквально ломается рядом с тобой. Мне хватило увидеть с вами две сцены, чтобы всё понять.

Это чушь.

— Он не должен был делать это без моего согласия.

— Я его не выгораживаю. Называю причину.

— И он никогда не говорил мне даже чего-то приблизительного, — всхлипываю. Остановка истерики от секундного замешательства и шока прошла, и мне снова становится тяжеловато дышать. — Он наоборот ледяной как айсберг.

— Возможно, для этого есть причины, — она пожимает плечами так просто, словно ничего не произошло. Для меня одной поцелуи — это не шутки? — Я не призываю тебя разбираться в этом. Я просто называю очевидную причину. Не плачь, мышка, — она тянет руку ко мне и поглаживает меня по щеке, пока мы стоим на светофоре. — Жизнь, к сожалению, очень непредсказуемая штука. К папе или ко мне?

— К папе. Он в командировке, а я хочу только спать.

— Обещай не плакать весь вечер, а просто отпустить ситуацию. Подумай обо всем завтра, хорошо?

— Обещаю, мам.

Но не сдерживаю обещание.

Потому что как только оказываюсь одна в своей комнате, меня прорывает.

Ну как это вообще? Ну почему все это произошло? Чем он думал? Зачем?

В голове столько мыслей, что она лопается. Я пытаюсь расставить их по полочкам, но

не выходит. Там каша, причем из горечи и боли, и ничего вкусного в этой каше совершенно нет.

Я намеренно игнорирую звонки и сообщения от Руслана. Я не могу умолчать все, что случилось, но и рассказать ему тоже не могу!

Мне плохо и больно.

Мне казалось, что Дамир стал каким-то островком спокойствия, хотя таковым он не выглядит вовсе. Но рядом с ним все было иначе. Я чувствовала себя спокойнее чем с кем либо, я могла доверять ему и будучи едва знакомой с ним пойти переночевать и отчего-то быть уверенной, что не тронет. Мне хотелось, чтобы он стал более общительным, мне хотелось тянуть из него то, что ему давалось сложнее всего, просто потому что... Да не знаю я, почему. Просто Дамир другой.

Он казался мне другим.

Пока так же, как многие, не воспользовался моей слабостью.

Я не могу выбросить из головы этот момент. А еще слова мамы. Они кажутся мне полным абсурдом, но то, что было в его глазах...

Я устала. И не хочу думать ни о чем.

Хочу, чтобы приехал папа. Этот мужчина точно никогда не позволит себе обидеть меня.

Глава 21. Дамир

Я разбил фонарь у фитнес-клуба. Кулаком, одним ударом. Круглый белый плафон разлетелся на осколки в разные стороны, а из руки почти сразу потекла кровь.

Я наорал на какого-то прохожего, который толкнул меня плечом, когда я шел в магазин. А потом выкурил несколько подряд горьких сигарет и успокоился только когда в груди уже стало больно.

Хер знает, от сигарет ли. Но меня попустило.

Почти.

Потом ещё после всех клиентов на полтора часа убил себя в зале. Целый час силовой и полчаса молотил грушу. Так сильно, что ко мне подошёл какой-то мужик и со смехом спросил, что бедная груша мне сделала.

Она — ничего.

Я сам себе сделал. И теперь ненавижу себя.

Потому что Аня меня тоже терпеть не может. Я для неё враг номер один, предатель, а ещё наверняка «такой же как все».

Ненавижу себя за то, что не сдержался. Я долгие годы убивал в себе все то, что тянулось за мной из прошлой жизни, и эмоциональность была одним из пунктов, от которых я мечтал избавиться. Я дохера сил и времени потратил на то, чтобы быть спокойным и холодным всегда. Это не была моя маска, это был я настоящий. Просто научился выражать эмоции словами через рот, а не действиями или порывами какими-то. Я научился сохранять ровное лицо и холодность во всём. Но Аня... она просто сорвала всё. Оставила первую версию Дамира: того мальчика, которого бросили в детском доме как старую игрушку за ненужность. Просто так вышло, что Дамир никому оказался не нужен. И Аня вернула меня в те годы. Когда эмоции были моим главным оружием в борьбе с несправедливостью мира.

Я не выиграл борьбу и решил закрыться, глупо надеясь, что это поможет.

Не помогло ничего, к слову. И я вернулся в исходную точку.

В того Дамира у которого и внутри и снаружи ураган целый. Мне тяжело справиться с этим быстро, это дело не одного дня.

Принимаю ледяной душ в зале и смываю с кулаков запекшуюся кровь. Больно. Хорошо. Боль отрезвляет. Она перенимает внимание на себя и не дает думать о чем-то другом.

Но я всё равно думаю.

Когда натягиваю толстовку, выхожу из клуба и нащупываю в кармане эти ебаные наушники.

Чем она думала, решая сделать это? Научили ее, бля, отдавать то, что сломала. Да хер бы с ними с теми наушниками...

Я ж спать не смогу теперь, зная, что она для меня стояла и выбирала своими фиолетовыми глазами их. Обо мне думала, ходя по магазину.

Рука не поднимается выкинуть. Замахиваюсь уже, чтобы влупить их в асфальт, а потом возвращаю в карман и пинаю какой-то камень, снова вспоминая Аню с той дурацкой шишкой на улице.

Она везде. В каждой клетке, в каждом более-менее нормальном воспоминании.

Моя толстовка насквозь пропахлась ее жуткими духами, да я весь уже пропахся,

кажется...

Даже этот фитнес-клуб теперь ассоциируется с ней. Как работать тут теперь — понятия не имею.

Везде она. Куда голову не поверни.

Завтра утром повезу колеса на шиномонтаж, и в этом воспоминании тоже она. Растерянная, заплаканная, наивная и ревущая у меня на груди.

Душ дома — она и шум воды, пока я отчаянно пытаюсь читать книгу. Одежда — она в моей футболке. Завтрак — она, готовящая сырники на моей кухне. Комната — она в одном полотенце, жмущаяся у двери. Минуты перед сном — шуршание одеяла, пока она спала на моем диване.

Даже поздороваться с бабой Валею без мыслей о ней не выходит.

Аня умудрилась за такой короткий срок заполнить собой вообще всё пространство вокруг меня. И сейчас, когда она исчезнет из моей жизни, мне будет проще сдохнуть, чем выгрести из этого.

А я уверен, что она исчезнет.

А если нет — исчезну я.

Иду домой.

Мне отчаянно хочется врубить музыку, но рука не поднимается. Казалось бы — просто наушники, но сука, как же тяжело...

Замечаю сзади свет фар. Опять в той же подворотне где ни одного фонаря и живой души.

Вернулся мой сопровождающий? Ну что ж...

Разворачиваюсь. В прошлый раз не прокатило. Никто не вышел, на том и закончили.

Сегодня настроение такое что я готов вытрясти из машины того, что там сидит. Мне плевать на все, если честно. Вообще похер.

Стою лицом к машине. Свет фар лупит по глазам, щурюсь, ни черта не видно.

Слышу, как глушат движок, но фары не вырубают. Мы встретимся? Интересно...

Дверь тачки хлопает, из-за фар всё еще ни черта не вижу, но кровь внутри уже бурлит. Что-то мне подсказывает, что эта встреча мне не понравится.

Ко мне подходит мужик, его очертания различаю шагов за пять до меня. Невысокий, худой, в костюме. Руки в карманах. Уложить такого и сломать что-нибудь — дело тридцати секунд. Но сегодня мне интересно послушать.

— Ну привет, Али, — говорит, а меня прошибает током. Я не знаю его. Но он, судя по всему, знает меня. А ничем хорошим такие встречи не заканчиваются.

Хмурюсь. Я не понимаю, кто он такой. Стоит напротив, на лице противная ухмылка. Мне кажется, что я его где-то видел, но где...

— Че тебе надо от меня? — спрашиваю в лоб. Меня эта слежка порядком подзаебала.

— О, да ты не узнаешь меня, — ухмыляется, демонстрируя золотой зуб. Какие конченые понты. — Ну-ну, поднапряги извилины.

Я пытаюсь вспомнить. И ближайшее — он в ресторане с Алёной. Ровно в тот день, когда я узнал, что она замужем. Сколько там лет? Десять?

— А, — киваю, — обиженный муженек пожаловал?

— Думай глубже, мальчик мой.

Какого...

Я всматриваюсь в его глаза и меня шибет током.

Я его не боюсь. Но я его помню.

Это Дикий. Ну или банально Сережа. Это мразь, каких только поискать.

Когда я сбежал из детдома, я попал в его лапы. Он говорил что помогает брошенным с работой и жильем.

Но таскать по городу закладки и продавать наркоту в подворотнях — это не работа. А засранный матрас на полу в каком-то подвале — не жилье.

Нас у него было несколько. И каждого из нас он посадил на наркоту, чтобы не сбежали. Это было просто. Сначала он подмешивал в воду, потом предложил попробовать, а потом, когда нас ломало, с барского плеча выдавал по таблетке, обещая, что это в долг.

У меня был там друг, Саня. Он был на год младше, такой же беженец из детдома и брошенный всеми на произвол судьбы. Саня скололся в пятнадцать. Скопытился прямо на соседнем матрасе. В тот момент я понял, что надо бежать.

Я не знаю, был ли сам Дикий зависим. Тогда я думал, что точно да. Сейчас — сомневаюсь.

Я сбежал от него полуживой, без еды, воды, одежды и денег. Я воровал, пытаюсь выжить. Дох от ломки в подвалах домов, но пообещал себе никогда в жизни не срываться. На самом деле мне повезло — я не кололся, и у меня не было такой сильной зависимости как у Сани. В противном случае я бы не слез.

— Вижу, вспомнил, — улыбается Дикий противно. Я ненавижу его. За всё, через что мне пришлось пройти. За всё, что я видел в том гребанном аду. За то, что я был слабым и поддался. За всё ненавижу.

— Ты ее муж? — меня удивляет этот факт сильнее, чем его появление. — Серьезно?

— Очередная шлюха, за дозу готовая стать кем угодно.

— Она не сидит, я бы заметил, — хмурюсь. Алёна не похожа на наркоманку, это дерьмо какое-то.

— Таблетки по вечерам, чтобы скрыться от депрессии. Её муж бросил, вообще-то. Как хорошо, что в ее жизни так вовремя появился я. И веселье даю, еще и мужика, который ее трахал, нашел. Нравились куколка? Она неплохо отсасывает, правда?

— Ты серьезно? Подложил ее под меня, чтобы следить?

Меня выбивает из колеи этот разговор. Это большее, чем я мог ожидать. В миллионы раз большее.

— Мне же надо было знать, как ты живешь. Я скучал.

— Иди нахер, — выплевываю в его лицо. Я не собираюсь слушать весь этот бред. — Что тебе надо? Бабки? Скажи сколько, я найду, а потом катись так далеко, чтобы я забыл, что ты вообще существуешь.

— Мы оба знаем, что ты не забудешь.

Как бы ни было херово признавать — он прав. Я не забуду.

И это еще одна причина, по которой я исчезну от Ани и не буду больше с ней контактировать. Даже спустя десять лет мое прошлое не дает мне покоя. А Аня слишком светлый человек, чтобы я посмел окружать ее этой темнотой.

— Скажи, сколько, — повторяю. Я не хочу находиться с ним рядом. Мне противно.

— Не нужны мне бабки, посмотри на меня. Я раскрутил империю, от твоих копеек мне легче жить не станет.

— Тогда что? — сжимаю кулаки и говорю сквозь зубы. Я на грани.

— Я хочу, чтобы ты страдал. Мне было мало, — улыбается мразь и я не сдерживаюсь и

бью ему со всей силы и злости, что накопилась во мне.

Под костяшками хрустит челюсть, громко, наверняка больно. Урод падает на землю и мычит от боли. Орать он еще долго не сможет. Жрать тоже.

Наклоняюсь к нему и рычу, не сдерживаясь. Я больше не умею скрывать свои эмоции.

— Я надеюсь, что сдохнешь ты так же мучительно, как все дети, которые умерли от твоих рук. Я бы с удовольствием удавил тебя собственноручно, но на убийство даже такой твари, как ты, я не способен.

Пинаю его под дых и ухожу, пытаюсь собраться. Надо собраться. Взять себя в руки и просто прийти домой.

Выкуриваю сигарету в две затяжки, горло сразу дерет от горького дыма, но я сразу достаю вторую, а потом торможу.

Я почти дошел до дома. Та самая подворотня у двора, где я застал тогда Аню с Русом.

Три амбала. Один напротив, другие стоят под стенами.

Ясно. Этого стоило ожидать.

— Закурить есть? — выдает банальное и я бросаю пачку ему под ноги, закатывая рукава толстовки.

Примерно прикидываю, сколько шагов понадобится каждому из них, чтобы добраться до меня и сколько у меня есть время на то, чтобы отбиться.

Это сложно. Но шансы всегда есть. Три — не десять. Да и я не немощный.

И первого я даже успеваю уложить. Он попадает мне в челюсть, немного дезориентируя, но я делаю захват и ломаю ему запястье, оставляя выть на земле.

Со вторым сложнее. Особенно когда подключается третий.

Я пытаюсь отбиться до последнего, а потом слышу щелчок ножа. Он отрезвляет в этой суматохе, я пытаюсь заметить, у кого в руках он блестит, чтобы остановить удар.

Но я не вижу четвертого.

Я только чувствую острую боль по всему телу и теплую кровь. Она, кажется, льется отовсюду.

Я нихуя не понимаю, очень быстро отъезжаю, падаю на землю.

Кто-то орет, куча шагов.

А потом темнота. Тишина.

И спокойствие.

Глава 22. Аня

Одной дома становится почти невыносимо. Папа в командировке задерживается еще на пару дней, мама звонит с вопросами, как я и что я надумала.

А что я могу надумать?

Хоть я и не отвечала на поцелуй Дамира, но чувствую вину перед Русланом, и никуда это ощущение деть не могу.

Он тоже не подарок, и он часто меня обижает, но... Но он никогда не был замечен в предательстве в отношении меня. Я знаю о его многочисленных девушках, но несмотря ни на что мы вместе уже почти месяц.

И я подумала... Может, месяц, это уже достаточно, чтобы...

Я не знаю. Меня очень волнует эта тема. У меня еще никогда не было мужчины, и переступить через это не так просто, как кажется. Но сейчас мне так странно в душе, что я просто не понимаю, чего хочу.

И несущу чушь, кажется.

Правильно сказала мама, нужно быть готовой, сколько бы ни пришлось ждать. У меня просто такой сумбур в голове... А еще мне очень стыдно перед Русланом, поэтому и лезут всякие мысли.

Он звонит сразу, как только о нем думаю.

— Малых, я соскучился, — произносит, как только поднимаю трубку.

Он правда хороший. Я не могла влюбиться в плохого. Да, у него тяжелый характер и свое видение отношений, но... Но он ведь со мной, а не с кем-то другим.

— И я тоже, — говорю, прикусываю губу. Голос наверняка сонный, я дремала около часа.

— Приезжай, посидим со всеми, — говорит, а у меня кровь в жилах стынет. Со всеми? И Дамир там будет? Я вряд ли смогу находиться рядом с ним после того, что он сделал.

Да он хуже Руслана! Тот ко мне хотя бы на правах официального парня пристаает... А этот что? Что это было вообще, что на него нашло...

— Да я не знаю, вы там мальчиками собираетесь, слушать ваши разговоры...

— Да сеструха Яра обещала подтянуться, подлетай! — уговаривает Руслан. — Потом погулять сходим, если хочешь.

Когда он предлагает провести время вместе, я таю. А еще думаю о том, что все разговоры о нем — глупости. Он внимательный и заботливый. И он скучает по мне.

С другой стороны — я же не буду бегать от Дамира теперь всю жизнь? Пусть сам держится от меня подальше! Это он меня обидел, он полез! А у меня есть парень, который всегда защитит.

Точно решаю для себя и иду собираться, вызываю такси и приезжаю в уже такой знакомый двор. Здесь было столько всего... И даже воспоминания с Дамиром были классные. Тогда он еще не распускал руки.

— Малыха, — встречает меня Руслан и сразу глубоко целует. Так, как еще, кажется, не целовал никогда. Я даже подумать не успеваю ни о чем, как его язык хозяйничает у меня во рту, а руки лезут под свитер, поглаживая спину. — Хочу тебя, — отрывается от моих губ и шепчет.

И я почти оправдываю его, ведь он просто делится своими желаниями, но он буквально

сразу начинает вести меня к подъезду, и я тут же торможу.

Он снова рушит все, что я так трепетно собираю обратно, прощая его каждый раз.

— Руслан, — говорю негромко, надавливая руками на его грудь.

— Снова нет?

— Прости...

— Да лан, порядок, — его улыбка слишком непохожа на “порядок”, но разобраться в этом сейчас я не буду. Я сказала “нет”, я была не готова. Всё. Это самое важное. — Пошли ко всем, — говорит и отворачивается, уходя вперед.

И я снова так глупо чувствую какую-то вину... За то что почти целовалась с Дамиром при живом парне, за то что своего отталкиваю, как чужого.

Но я стараюсь гнать эти мысли прочь, зная, что этих тараканов в голове нужно травить, а не выращивать.

Иду следом за ним и сажусь уже на привычное место. Привычно рядом не хватает только Дамира, но я очень сильно заставляю себя не думать о нем вообще. Он сделал плохо, я долго плакала, и я не должна о нем думать и тем более по нему скучать.

Но признаться самой себе проще простого: я правда скучаю.

Потому что сестра Яра так и не приходит, не знаю причину, а сами парни обсуждают футбол и машины, пока я чувствую себя абсолютно ненужной.

Удивительно, но самый асоциальный Дамир всегда выручал меня от такого состояния. Он соглашался гадать со мной по руке, абсолютно в это не веря, отвечал на странные вопросы и просто был рядом. Он даже пару раз поддавался мне в карты, а потом помогал завалить Руслана почти целой колодой.

Чёрт... я скучаю.

Это ненормально, наверное, после всего. Да и с чувствами своими ненормально скакать из угла в угол. Но я ничего не могу с собой поделать. Я даже сама от себя порой устаю.

— Чё за звуки? — вдруг затихает Ярослав и все, кто за столом, начинают прислушиваться. — С той стороны, слышите?

— Да трахается наверное кто-то как обычно, — смеется, кажется, Саша. Они тут двое близнецов, я не различаю вообще. — Пойди посмотри, порнуху снимешь.

— Да нет, там чёт другое, я серьезно, — отчего-то мне становится беспокойно. Прислушиваюсь к звукам и по спине бегут мурашки. Там точно не секс. Я хоть и неопытная, но там явно что-то другое.

Ярик не выдерживает и встает из-за стола, уходя в сторону той подворотни, а буквально через десять секунд на весь двор громко и даже испуганно орет:

— Али бьют, сука!

Руслан взлетает за секунду, пробегаясь по столу, близнецы и еще один общий друг летят следом, а я сижу, как парализованная еще пару секунд, а потом в страхе бегу за всеми.

Я не понимаю ничего. Они толпятся, кто-то убегает, кому-то помогают убежать.

Близнецы бегут за ними и хватают двоих, кажется, но я точно могу ошибаться.

Здесь темно и не видно почти ни черта.

Но Дамир лежит. И молчит. И... господи, он не двигается.

Кто-то включает фонарики на телефонах и меня бросает в дрожь. Я еще никогда не видела столько крови.

— Скорую и ментов, срочно блядь, быстро! — орет Руслан. Ярослав пытается нащупать пульс, кто-то уже звонит по телефону, я слышу гудки, Руслан осматривает всё тело.

А я... а я умираю, кажется.

Я стою столбом. Меня парализовало. Я не могу сдвинуться с места и сделать хоть что-то, хоть чем-то помочь. Мальчики делают что-то, кто-то кричит, а я просто смотрю. Смотрю на безжизненное тело и закрытые глаза...

И начинаю рыдать.

Это так страшно, господи, как это страшно!

Я словно со стороны слышу свой крик, и чувствую хватку на плечах, только это дает мне понять, что я сижу на коленях у лица Дамира.

— Не смей, слышишь! Не смей умирать, ты еще не научил меня драться, ты помогаешь старушке, тебе еще нужно починить машину, не смей!

— Ань, Ань, отойди от него, Аня! — я плохо понимаю, что несу абсолютную чушь. Я даже не понимаю, кто меня оттаскивает от Дамира, крепко держа за плечи.

Меня накрывает натуральной истерикой, мне так страшно, как никогда до этого.

Я вижу людей в халатах, скорая приезжает очень быстро. Я смотрю как они грузят его на носилки и закрывают двери. А он всё еще не шевелится.

Вместе с ним вызывается ехать Ярослав, и только в ту секунду я понимаю, что держал меня всё это время он.

Ищу глазами Руслана. Он стоит с близнецами и теми двумя, кого им удалось задержать.

Подхожу на негнущихся ногах, глазами провожая скорую.

У меня полное ощущение, что я сплю. Или попала в какой-то фильм ужасов. Я не понимаю, я иду на автопилоте, с трудом сдерживая тошноту от огромной лужи крови.

— Руслан, — зову хрипло. — Давай пожалуйста поедem к нему.

— Малых, сейчас приедут менты, а у нас тут вот, — он кивает на двоих мужчин, смотреть на которых я просто не могу. Не хватает на это сил. — Я наберу Яру, спрошу в какую больничку его укатали, и тогда езжай с Филом, идет?

Я, кажется, киваю. И иду к Филу — это тоже один из компании парень. Наверное, это он вызвал скорую.

Он сгребает меня одной рукой к себе и укачивает как ребенка, когда подхожу к нему.

— Боишься? — спрашивает, отводя меня в сторону машину.

— Очень, — киваю. Мне не просто страшно. Мне жутко от всего, что произошло. И почти холодно от понимания, что Дамир может...

Господи.

Я снова реву. Фил узнает номер больницы и мы едем туда. Тут совсем недалеко.

Тут суeta. Все куда-то бегают и делают что-то. Нам удастся найти Ярослава и это проще, чем спросить что-то у врачей.

— Что с ним? — шепчу не своим голосом, падая на лавку рядом. Мне кажется, у меня отобрали все силы.

Я так сильно по нему скучала, сидя во дворе.

А сейчас я просто молюсь, чтобы он жил.

— У него три ножевых. Под ребра, плечо и в бедро. Там какая-то артерия, что ли, я не разбираюсь ни хуя. Короче крови дохерища потерял. Пульс никакой, давление так же. А еще хер знает, задето ли что-то внутри. И есть ли переломы от ударов тоже пока неизвестно.

— Господи... — закрываю лицо руками и стараюсь глубоко дышать. Это... это невозможно просто. За что ему всё это?

Мы сидим долго. Кажется, целую вечность, молча пялясь в одну точку, пока к нам не

выходит врач.

Я подскакиваю тут же, забывая обо всех правилах приличия. Мне плевать на них сейчас.

— Доктор, как он?

— Жив, — кивает. Уже легче, — но состояние тяжелое. Была повреждена бедренная артерия, мы остановили кровотечение и наложили швы. Также была задета часть кишечника и мягкие ткани. Перелом двух ребер и руки. Но парень потерял очень много крови из-за повреждения артерии. Очень много.

— Возьмите мою, — вскакивает Ярослав.

— Дело в том, что у вашего друга очень редкая группа крови. И хоть она является универсальной, во избежание иммунных реакций следует переливать только группу крови, идентичную той, что у пациента. Он не в том состоянии, чтобы бороться еще и с попаданием другой крови в организм. У нас было немного крови четвертой отрицательной группы, но к сожалению этого очень мало. Если вы найдете доноров, то...

— У меня четвертая отрицательная, — говорю, отмирая. Кровь мне досталась от папы. Самая редкая. Никогда не думала, что может пригодиться. — Сколько нужно, только спасите его...

— Ань? — говорит Яр, но я не отвечаю. Чувствую, как в глазах снова собираются слёзы.

— Подпишите согласие на прямое переливание?

— Что угодно, — шепчу дрожащими губами.

— Тогда пройдемте со мной.

Глава 23. Аня

Я до чёртиков боюсь уколов. С самого детства и по сей день меня колотит при виде иголки от шприца. Я даже мечтала поступить в медицинский, но из-за этого страха отказалась от мечты и пошла на сценариста. Всегда когда в детстве болела до последнего не признавалась маме с папой, что плохо себя чувствую, только мы мне не кололи уколы.

Сейчас я лежу на кушетке рядом с Дамиром, мне вводят огромную иглу в вену, чтобы делать переливание, но я вообще не боюсь.

Мен крупной дрожью бьёт от вида Дамира, и думать о каких-то уколах даже не хочется.

Он такой... Я не знаю. В горле ком, а в глазах слёзы.

Рука синяя и опухшая, на лице ссадины, а губа разбита так сильно, что я прикусываю свою до боли, словно это может чем-то ему помочь.

Плечо перебинтовано — там ножевая рана. Ребра стянуты повязкой, а чуть ниже рана и швы, которые еще не успели закрыть пластырем. Ниже пояса он прикрыт простыней, и я даже боюсь представить, какая рана на бедре, раз была задета артерия и он чуть не истек кровью...

Я немного шурюсь, когда игла протыкает кожу, но взгляд от Дамира не могу оторвать. У меня не получается, словно примагнитили...

Он жутко бледный. Татуировка на руке выглядит ярким пятном на почти прозрачной сейчас коже. Он подключен ко всяким приборам, что-то противно пищит, какие-то провода и трубки...

Меня растили в тепличных условиях. В прямом смысле родители заботились обо мне так, словно я самый редкий и нежный цветок. Даже их развод не стал для меня болезненным ударом, потому что они смогли сохранить дружеские отношения и не втягивать меня в свои проблемы. Мне не приходилось ничего просить, потому что у меня было всё. Меня любили и любят, обо мне заботились и продолжают это делать. Меня всю жизнь огораживали от всего плохого, чтобы я могла дышать полной грудью.

А сейчас я задыхаюсь, глядя на безжизненное тело Дамира, и очень надеюсь, что он сможет выкарабкаться.

— Не волнуйтесь, девушка, — говорит врач. Я даже не слышала, как он вошел в реанимацию. Словно в вакууме каком-то, — ваш жених будет жить. Ваши друзья успели невероятно вовремя, и очень повезло, что у вас так удивительно совпала группа крови. Полная совместимость! Крепкий, молодой, быстро выкарабкается.

И... да. Мне пришлось соврать им, что я его девушка. Или невеста. Я правда не очень помню, что несла им, когда мне устраивали допрос и спрашивали, кем я прихожусь больному и почему решила на переливание крови, ведь процедура непростая. Ну и я сказала, чтобы отвалили. А еще чтобы пускали к нему потом без лишних вопросов... Я же не смогу не приходить. Я ведь уже сотню раз ему простила все, что он натворил сегодня днем.

С того поцелуя прошло часов десять от силы, а у меня такое ощущение, что пару лет. Столько всего случилось, голова кругом идет, я запоминать не успеваю.

— Вы правда ему поможете?

— Он сам себе поможет, крепкий, здоровый, спортсмен. Мы дадим всё необходимое лечение, но даже сейчас могу дать положительные прогнозы несмотря ни на что. Вы его спасли, он пойдет на поправку.

И мне снова хочется плакать. Ну разве можно столько рыдать? Надо радоваться, что всё будет хорошо, но... Но он сейчас такой... я не знаю. Он словно не живой! Это страшно. Очень.

— Как вы себя чувствуете?

— Немного кружится голова, — признаюсь. Мне сразу сказали, что возьмут безопасное для моего здоровья количество крови, но голова может кружиться. Пообещали какие-то капельницы, чтобы вернуть меня в норму. Я вообще не знаю ничего, я согласилась на все даже не раздумывая.

— Я сейчас приглашу медсестру. Она закроет рану Дамира и проследит за вами, хорошо?

Киваю. Не хочу говорить ничего. Корю себя за то, что так поступила с ним днем. Оттолкнула, убежала... Я слышала потом звон стекла и громкие маты. Он разозлился. А вдруг это он в таком состоянии на них нарвался? Вдруг, если бы был спокоен, всё было бы в порядке?

Ну подумаешь, целоваться полез... Да все они одинаковые просто, да и всё. Всем нужен секс, видимо, кроме меня.

Медсестра заходит в палату, улыбается мне и тоже спрашивает о самочувствии. И тоже говорит, что мой жених будет жить.

Мне впервые не стыдно за свою ложь. Ни перед самой собой, ни даже перед Русланом. Это ложь во благо. Я не могла тратить лишние минуты на то, чтобы объяснить, кем прихожусь больному, учитывая, что я прихожусь ему никем.

Переливание заканчивают, я чувствую слабость, меня клонит в сон. Я вижу, как Дамиру обрабатывают раны, немного чувствую укол капельницы в вену, но засыпаю, так ничего и не поняв.

Меня в больнице держат до самого утра. Просыпаюсь я уже в палате, конечно, в реанимации меня никто не оставит...

— Проснулась, красавица? — заходит в палату та же медсестра, что вчера помогала Дамиру. Приятная женщина, я запомнила ее. — Очнется, стребуй с него спасибо. Благодаря крови твоей у него давление повысилось и сердечный ритм почти в норме. Низковато для здорового человека, но для него — сумасшедший прогресс.

Меня так радуюсь эти новости, но я даже немного улыбаюсь. Спасибо требовать... От него действительно только требовать, иначе не дождешься.

Но мне так плевать на это “спасибо”, если честно.

— Ему правда лучше?

— Да скоро бегать будет. Сначала прихрамывая, правда, но будет. Не заметишь, как время пролетит. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — киваю. Я правда чувствую себя отлично. Так, словно спала долго-долго.

— Измеряем давление, и если в норме, отпущу тебя. Забери только вещи жениха своего, в реанимацию их нельзя, а нам хранить негде. Одежду сняли с него, она рваная и в крови, но если надо...

— Нет-нет. Выбросьте, пожалуйста, если можно, — даже если там какие-то нереально дорогие его сердцу вещи — пусть меня простит за решение. Я не смогу смотреть на это, клянусь не смогу.

Поднимаюсь на руках и сажусь в позу лотоса. На тумбочке лежат мой телефон, рюкзак, браслет и часы. А рядом стоит какой-то пакет. Видимо, с вещами Дамира.

Женское любопытство не дает мне оставить его в покое и просто сохранить нетронутым до момента, пока Дамир не очухается и я не смогу его передать ему в руки. Мне немного стыдно, но я лезу туда почти бесцеремонно.

Там... наушники. Я нахожу их сразу, и сразу же узнаю. Я подбирала этот футляр специально для него. Он просто черный, но на крышке такой узор, точно как у него на плече. Он не выбросил их...

Это так глупо греет душу.

Достаю часы. Разбились... А еще они испачканы в кровь, и я бросаю их обратно, чувствуя, как снова начинаю дрожать.

В пакете остается еще телефон, и я достаю, нажимая на кнопку разблокировки.

У него нет пароля, но внутри копать я не собираюсь точно. Но... У него ни одного пропущенного. Мне так больно становится от этого. Никого, кто бы искал его или волновался. Ни единого звонка или сообщения. Вообще ничего.

Блокирую телефон и тянусь к тумбочке, чтобы положить рядом со своим, как тот сразу начинает звонить.

На экране светится “Админ. Кислород”. Кислород — это фитнес клуб, где он работает. А вот и потеряли, видимо...

Я пару секунд думаю, а потом решаюсь ответить. Нужно предупредить, что их сотрудник не просто ушел в самовольные выходные, а вообще-то попал в больницу. Не думаю, что Дамир будет рад, если его уволят. Выглядит он как человек, который до сумасшествия любит свою работу.

— Да?

— Алиев, где тебя носит?! — звучит из динамика женский голос. Мне кажется он знакомым, но я не могу разобрать, какая из девушек, что я встречала за стойкой, говорит со мной. — У тебя клиенты, двадцать минут уже ждет Сергей Юльевич. Ты вообще помнишь, что это vip-клиент?!

— Девушка, не кричите, — морщусь от писклявого и громкого голоса. Я вспомнила, кто это. Она клеила Дамира при мне.

— Вы кто? Где Дамир?

— Дамир попал в больницу, в ближайшее время он точно не сможет проводить тренировки. Вы там запишите себе где-нибудь, что у него больничный, а если не можете, дайте номер директора или кто там у вас главный, я позвоню сама и всё объясню.

— В больницу? — переспрашивает, сразу затихая. — Что-то серьезное?

— Серьезное, но права рассказывать мне не давали. Вы главное не увольняйте его, а он, как сможет, сам всё объяснит. Хорошо?

Ответа я не жду, кладу трубку сразу.

Мне становится грустно еще сильнее. Его ищут только потому что он не вышел на работу. А больше... Никто больше.

Смотрю на время — два часа дня. Чёрт! Я проспала полдня!

Медсестра приходит, меряет мне давление, и отпускает. Собираю свои вещи в рюкзак, туда же кидаю телефон и наушники Дамира. А еще подхватываю его спортивную сумку, которая стояла на полу рядом с кроватью, и выхожу из палаты, замирая...

На лавке сидят Ярик и Фил. Спят, опершись затылками о стену. Они всё это время ждали меня? Или новостей от Дамира?

— Я-яр, — подхожу и тихонько треплю его за плечо. Он тут же открывает глаза и

шумно втягивает воздух носом, фокусируясь.

— О, ты как? — спрашивает жутко смешным голосом. Рядом просыпается Фил.

— Я хорошо. А где все? Где Руслан?

— Они в ментовке до сих пор. Там замес пиздец оказался. Тех, кто бил, заказали тупо. Специально за Али следили. Он одному успел запястье сломать, в больницу мудака этого не пускают, пока не сознаются. Наши все показания дали, но там один из этих сбежать успел, Рус с пацанами вызвались помочь следствию. Короче, пока там. Так что поехали, отвезем тебя домой. Это че за сумка? — кивает на вещи Дамира.

— Это его, врачи отдали.

— Давай возьму, очухается — привезу ему. Всё равно собираюсь навещать его.

— Я передам. И... я тоже собираюсь, вообще-то.

Глава 24. Аня

— Пока он слушал, у него сложилось новое понятие о любви. Рассудок не имеет ничего общего с любовью. Совершенно не важно, правильно рассуждает та, кого любишь, или неправильно. Любовь выше рассудка, — дочитываю строку и закрываю книгу. От долгого чтения вслух немного першит горло.

Сегодня пятый день, как Дамир без сознания. Врачи говорят, это нормально, а я волнуюсь только сильнее.

Руслан и Ярик постоянно в полиции, там все сложно, оказалось, что нападавших было четверо. Но вроде бы они вышли на заказчика и нашли ещё одного из тех, кто бил Дамира. В общем, пока ничего непонятно, но мы все надеемся, что закончится это хорошо.

Я каждый день в больнице. Никуда не хожу больше. Папа приехал из командировки, а я даже не приготовила ему ужин, так спешила сюда.

Потому что в реанимацию вход запрещен, вообще-то, но очень добрая медсестра меня пускает каждый день на один час. Время фиксированное, с часу дня до двух я могу находиться с Дамиром. Они ведь все думают, что я его невеста, и выгораживают мое нахождение в реанимации тем, что «любовь лечит».

Я не знаю, почему так рвусь к нему. Но я честно не представляю, как могу не приходить в больницу.

Отведенный мне для посещения час я трачу на рассказы о следствии и чтение книг. Я читаю ему вслух... Просто помню, что дома он читал книгу, когда я оставалась в его квартире, да и в целом библиотека у него довольно приличных размеров. Глупо надеюсь, что он меня слышит, и что ему нравится Джек Лондон.

А последние пять минут посещения я просто смотрю на Дамира. Каждый раз мне хочется, чтобы он очнулся точно в сериалах. Дёрнул пальцем руки, а потом медленно открыл глаза. Но, к сожалению, этого не происходит. И я, честно, не понимаю, по какой причине... Пять дней ведь много уже, разве нет?!

— Давай на выход, невеста, время, — заглядывает в реанимацию медсестра, и я быстро смываюсь, напоследок ещё задержав взгляд на Дамире секунд на восемь.

Сажусь в коридоре на лавку, и... и не уйду. Я черт знает, чего жду. Но все эти дни просто сфокусировались вокруг Дамира, я не могу думать ни о чем другом вообще.

Вчера мы разговаривали с Русланом. Он отвёз меня в больницу, и это был единственный раз за эти пять дней, когда мы увиделись. Он постоянно в полиции, оказывается, с этим проблем очень много, особенно когда пострадавший не может дать никаких показаний. А я... а я дома и здесь. Руслан признался вчера, что ревнует меня к Дамиру, потому что я бегаю к нему каждый день. Дурак. А кому ещё бегать? Он же совсем один... Пока он в реанимации, в больнице даже не появился никто, кто хотел бы узнать, как у него дела. Мне что, бросить его?

Чушь какая...

Мы немного повздорили на эту нему. Он отказывается верить, что мы просто общались и я волнуюсь только поэтому. А я... а я ничего не хочу доказывать. У него нет причин мне не доверять, а вот у меня... неважно. Не хочу даже думать об этом.

— Красавица, иди домой, до вечера тебя я не пущу, и так все правила нарушили, — подходит ко мне медсестра и говорит с улыбкой. Я ей очень благодарна за то, что она

помогает мне быть с Дамиром. Мне кажется, будь он там совсем один, никогда бы не очухался.

— А вдруг очнётся? А меня нет.

— Диктуй мне свой номер, вдруг очнётся, позвоню.

В очередной раз благодарю её за помощь, оставляю номер и ухожу. Внутри волнение странное, внутренности в узел скручивает, словно может случиться что-то плохое, или... не знаю.

Медленно бреду на остановку, сжимая на плече лямку рюкзака и дёргаюсь от звонка телефона. Руки дрожат, пока достаю его. А вдруг медсестра? Хочет сказать, что Дамир проснулся...

Но это мама. И я вздыхаю, то ли с облегчением, то ли разочарованно.

— Привет, мышка. Ты дома? Папа приехал?

— Папа приехал, дома. А я нет, в центре, около тринадцатой больницы.

— Так ты недалеко! Приходи в гости, устроим девичник, я соскучилась. Если не занята, конечно.

— Сейчас приеду, — говорю, подумав всего несколько секунд, и перехожу дорогу, пересаживаясь на другую остановку.

Звоню папе, чтобы не волновался, где я есть, а потом снова дёргаюсь от звонка телефона.

Руслан...

Смотрю на экран и совсем не знаю, стоит ли брать трубку. В последнее время наши отношения зашли в какой-то непроходимый тупик. Он постоянно намекает на секс, к которому я морально не готова. А он не понимает, что если будет давить и дальше, то вряд ли я буду готова хоть когда-то. А ещё эти глупые претензии по поводу Дамира.

Я очень устала от этого. И хоть мы почти не видимся с ним сейчас, мне нужно от него отдохнуть.

Не решаюсь взять трубку, но точно знаю, что сразу за звонком последует сообщение. И я не ошибаюсь.

Руслан: Малых... Ну поссорились, давай мириться. Вспылил. Ты меня бортуешь постоянно, а у Али каждый день тусуешь. Конечно мне башню срывает! Приезжай, я соскучился.

У меня столько противоречий внутри от всего этого, что я не знаю, какую из мыслей в голове сделать основной, задвинув остальные.

С одной стороны я снова чувствую себя виноватой перед ним. Это состояние перманентно и я не могу от него избавиться. Оно просто есть. Потому что я ведь действительно влюбилась. И мне хочется только лучшего. И он очень профессионально внушает мне, что это я все порчу.

Если бы не моя мама, эта мысль так бы и осталась основной в моей голове. Но я страдательно убираю ее в дальний угол, уговаривая себя, что я не виновата ни в чем. Я просто помогаю другу. Его другу, между прочим. Не могу я бросить человека в такой тяжёлой ситуации, не могу!

С другой стороны мне хочется приехать к нему и просто все забыть. Не держать обиды, не думать, что я виновата. А просто приехать и быть вместе. Если бы я могла быть уверенной, что он снова не будет ко мне приставать...

С третьей стороны мне хочется взять паузу. Отдохнуть. Не отвечать ничего, не писать,

не думать. Последнее время я думаю о том, что Руслан вряд ли будет верен мне, если я не соглашусь на секс в ближайшее время. Или если решусь взять паузу. Пусть это будет какой-то проверкой, все равно уже. Просто все очень сложно.

И последняя мысль: закончить все то, что ничего хорошего не приносит. От одного представления всего этого наворачиваются слезы. Мне уже тяжело, даже когда я просто думаю о расставании.

Все эти мысли и эмоции борются внутри меня, по очереди преобладая моим сознанием. Я пытаюсь понять, как поступить правильно, и решаю выбрать третий вариант. И сразу меня колет вина, потому что они там разбираются с обидчиками Дамира, а я решаю взять паузу. С другой стороны, они ведь помогают своему другу, а не мне, так что... Я в этой цепочке никакой роли не играю.

Я: Я не приеду, Руслан. Давай немного отдохнем друг от друга? Не слишком у нас клеится что-то...

Отправляю сообщение и выхожу из автобуса, направляясь к дому мамы.

От Руслана получаю многословное «ок», и снова пытаюсь заглушить в себе дурацкие чувства.

Я ведь правда ничего плохого не делала, да?

Мама встречает меня с широкой улыбкой на лице, которая спадает сразу же, стоит ей на меня взглянуть.

— Мышка, что случилось?! Синяки под глазами, щеки спали, зрачки как будто потухли... Что произошло?!

Я не рассказывала ни папе, ни маме, о том что моего друга избили и он лежит в реанимации.

Папе и не решусь по разному ряду причин, а вот маме выдаю все на духу на ее кухне за чашкой кофе. Тем более что она почти знакома с Дамиром.

На ее лице ужас и даже немного паника, вижу, что и она волнуется. Но поддерживает меня в каждом моём решении. И в паузе с Русланом, и в том, что не бросаю Дамира и продолжаю к нему ходить.

Но мама говорит, что нельзя запускать себя несмотря ни на что. Она отправляет меня в свою огромную ванную, а потом, когда играю с маленьким Яриком, делает мне красивую прическу и даже макияж. Она дарит мне эти волшебные минуты на себя с самого детства. И я действительно чувствую себя принцессой в эти моменты. Даже настроение немного поднимается и я резко начинаю верить в лучшее... Со всем ведь можно справиться, да?

Я провожу у мамы почти целый день. Мне что-то писали подруги, но я даже не открывала мессенджер, так не хотела отрываться от этого замечательного дня.

Когда собираюсь домой и стою на пороге, натягивая обувь, звонит телефон. Неизвестный...

Сердце сразу стучит сильнее, или замирает вовсе, не могу разобрать. Мне кажется, это из больницы, но они ведь могут что угодно сказать мне?

— Да?

— Танцуй, принцесса, очнулся твой принц пару часов как. Противный, спать не хочет, в стену смотрит и ворчит что-то.

У меня прорывается истерический смешок. Дамир такой Дамир... даже в жутком состоянии в реанимации умудряется оставаться собой.

— Пустите к нему?

- Хоть на всю ночь, выходные завтра, все разъехались, а дежурный врач у нас сегодня добрый и отзывчивый. Только если волновать его не будешь, ему нельзя.
- Обещаю, — уже улыбаюсь открыто, а потом кладу трубку и пересказываю все маме.
- Давай отвезу, и Ярик заодно покатается. Десять минут нам дашь?
- Конечно! Я пока схожу сюда в магазин. Надо же хоть апельсинов ему купить...

Глава 25. Дамир

Абсолютно дерьмовое ощущение во рту, в башке и во всем теле.

Кажется, что язык прилип к небу, я пытаюсь его оторвать, но ни черта не получается. Башка трещит так, словно ее кто-то лупит битой. Как и всё тело.

Что. Блядь. Происходит?!

Я пытаюсь открыть глаза, но это кажется пыткой. По ушам бьёт противный писк, который делает состояние только хуже. Мне хреново так, как будто я вернулся в прошлое и сижу дохну от ломки в подворотне какой-то. Но ощущения немного другие...

Прикладываю титанические усилия, чтобы открыть глаза, и сразу морщусь, потому что прямо в лицо бьёт очень яркий свет. Голова просто лопаётся, мне от этого орать хочется, но из горла вырывается только какой-то жуткий хрип.

Пытаюсь привыкнуть к свету, осматриваюсь, и... Какого черта?!

Я вижу больничную палату, вижу гипс на руке и какие-то присоски на груди. На торсе повязка, рука без гипса отдает острой болью сразу, как пытаюсь ею пошевелить.

Картинки последних воспоминаний врываются в голову. Дикий, подворотня, его щенки, звук ножа, темнота.

Блядь. Ну лучше бы добились.

Как и кто меня нашел-то? Помню крики какие-то, а больше ни черта. Кто-то спас, походу... Знать бы кто.

Ещё один громкий звук бьёт по ушам, я морщусь от очередной порции головной боли, а потом замечаю медсестру.

— Да ты очнулся! — вскрикивает и убегает, опять хлопая этой идиотской дверью. Сука, ну что ж так громко!

— Очнулся... — пытаюсь сказать что-то, кроме хрипов, и в целом почти получается.

Медсестра возвращается через минуту судя по всему с врачом, сраная дверь снова хлопает, раздражая, а я все ещё толком не понимаю ни черта. И это бесит.

— Как зовут тебя? — спрашивает мужик в халате. Светит мне фонарем в глаза, за что мне очень хочется ему втащить, но сука, обе руки нерабочие...

— Дамир. Алиев.

— Возраст?

— В последний раз двадцать пять было.

— В последний раз, это когда? — не перестает задавать вопросы, простукивая мне руки и ноги молотком. Нервы проверяет. Нет их у меня, вообще нет.

— Когда в подворотне от мудаков получал. Я не знаю, сколько провалялся тут.

— Пять дней, почти ничего не пропустил, — хихикает медсестра. Врач что-то говорит ей по поводу лекарств и уходит, а она начинает суетиться надо мной, ставя капельницу.

— Дай что-нибудь от башки, а, я сдохну сейчас как болит.

— Тебе бы поспать, парень, организму силы нужны.

— Пять суток спал, сколько можно?

— Ты без сознания был. Это разные вещи.

— Чё со мной? — перевожу тему. Не хочу я спать. А вот узнать, как покалечили, хочу.

— Три ножевых. Бедро, задета артерия, зашили. Живот, часть кишечника задета, тоже залатали. Правое плечо, мягкие ткани, четыре шва. Рука левая сломана, чуть ниже локтя,

заживёт. Два ребра сломано, два в трещинах. Без угрозы внутренним органам, если вести себя будешь аккуратно. Пару ссадин помимо всего.

Это странно интересно слушать. Несмотря на то, что пиздец больно.

— Бедренная артерия, это ж можно кровью истечь. Так быстро меня нашли?

— Друзья твои быстро тебя нашли, благодаря им успели. А благодаря невесте твоей ты очнулся. Крови она тебе отдала столько, что мы тебе и сердечный ритм и давление восстановили. Полная совместимость, тебе очень повезло, парень.

Стоп. Что?

Если под «друзьями» я ещё могу кого-то представить. Ну примерно понимаю, кто мог меня там найти и представиться так. То невеста... она бредит и перепутала меня с другим пациентом?

— Какая невеста? — спрашиваю тупо.

— А у тебя их что, несколько? Или с памятью всё-таки проблемы? Аня твоя, с глазами такими яркими. Твоя же?

Пялюсь в стену и киваю, ахуевая от происходящего.

Аня. С глазами...

Моя? Вообще-то нет. Киваю только потому что понимаю, о ком речь идёт.

И у меня в голове вообще ни черта не укладывается. Она мне кровь свою отдала? После того как я полез к ней, а она в слезах убежала? Просто взяла и отдала кровь? Блядь.

У меня ощущение, что я на пять лет, а не дней, выпал. Не могу ни черта понять вообще.

Медсестра вводит лекарство в катетер и выходит из палаты, а я продолжаю пялить в стену и пытаться понять что именно произошло.

Меня нашли пацаны, судя по всему. Вызвали скорую. А когда поняли, что сдохну, Аня согласилась дать мне кровь?

И почему медсестра называет ее моей невестой?

Что вообще происходит?!

Я не знаю, сколько так лежу. Я даже не знаю, сколько времени. Противный писк на мониторе раздражает уже каждую клетку, желание оторвать все эти присоски растёт невыносимо.

Я в сотый раз пытаюсь переварить все сказанное этой медсестрой, как дверь снова хлопает и заходит... Она.

Залетает бордо, а потом видит меня и тормозит у двери, прижимая к груди руки.

Как два идиота просто смотрим друг на друга, не зная, с чего начать.

Это у меня последнее воспоминание с ней — как я не сдержался и полез целоваться, а она оттолкнула и убежала в слезах. А вот у нее, кажется, дохера всего произошло.

— Сюда, вроде как, нельзя, — завершаю минуту тишины, потому что она бесит ещё хуже орущего монитора и хлопающей двери.

— А мне можно, — отмирает Аня, задирает подбородок и проходит ко мне. У меня все жилы напрягаются от этого, даже больно сильнее становится. Реакция на неё молниеносная, я вообще не могу быть расслабленным. — Я тут апельсины... но их сюда точно нельзя, я у медсестры оставила, а ещё бананы, я не знаю, что ты любишь...

«Тебя», — вертится на языке, но так и не решаюсь сказать.

Она усаживается рядом, судя по всему, сюда её действительно пускали. Стул стоит в углу реанимации, но она со знанием дела берет его и тащит ближе ко мне. Я не знаю, каким образом она пробила себе проход в реанимацию, но это что-то очень удивительное.

И мы молчим. Неловкое молчание длиною, кажется, в вечность. Хочется, чтобы Аня это чем-то прервала, но она молчит. А что мне сказать, я представления не имею. Объясниться за поцелуй? А стоит сейчас? Вдруг это начнет новую войну? Аня, кажется, сейчас настроена довольно мирно.

— Так... — решаюсь начать. Пусть заговорит, пусть тараторит без остановки часы напролет, я внезапно понял, что жить без этого не могу. — Я теперь тоже инопланетянин?

Она густо краснеет, видимо, не ожидала, что мне поведали историю о прекрасной спасительнице с яркими глазами. А потом немного хихикает. И от этой улыбки я понимаю, что точно выберусь отсюда в скором времени. Заживёт все, только пусть она улыбается.

Чувствую себя каким-то ванильным идиотом, но оно все так непроизвольно происходит, что даже смешно.

— Не на сто процентов, — снова хихикает.

— И давно мы обручились? — добиваю вопросом, и она краснеет сильнее прежнего, резко опуская глаза. — Она сказала что кровью со мной невеста поделилась. Я не знаю, что случилось, пока я был без сознания, но вроде раньше невесты не было у меня.

— Мне пришлось немного приврать, чтобы меня к тебе пускали. Тут медсестра очень хорошая, вот я и...

Соврала медперсоналу, чтобы попасть ко мне? С ума сойти...

Мы снова молчим. Разговор вообще не клеится. Головная боль проходит, видимо, лекарство начинает действовать, и от этого мне ещё сильнее хочется Аню разговорить.

Собраться с духом сейчас как никогда просто. Кажется, дух — это единственное, что мне не отбили.

— Спасибо, Аня, — говорю негромко, и Аня застывает так, словно на нее ведро воды вылили. И наконец-то смотрит мне в глаза.

— За что?

За что? Ты знаешь, за что. За то, что простила мне тот поцелуй. За то, что спасла. За то что приходила ко мне, смогла прорваться в реанимацию. За то, что сейчас пришла и не даёшь мне чувствовать уже привычную пустоту. Даже за апельсины.

Вслух не говорю, но Аня сама все понимает. Она кивает мне с улыбкой, а потом кладет ладонь на мою руку, сжимая пальцы.

Ровно в этот момент дверь снова жутко хлопает. Мы оборачиваемся на звук, но руку Аня не убирает. Мои же руки к резким движениям пока не готовы.

— Какие вы милые, — говорит сходу та же медсестра. — На свадьбу пригласите?

Аня теряет сразу, видимо, при мне врать на эту тему ей не очень комфортно. Но раз начали, надо до конца бить, иначе правда вскроется.

— Конечно, — отвечаю, успокаивая мелкую. Она наверняка думала что раскрою все карты. — Придем с приглашением лично сюда. Только немного очухаюсь.

— Ниче-ниче, с такой заботливой быстро очухаешься. Анечка, оставишь нас минут на двадцать? перевязки сделать надо.

— Конечно! — она кивает и убегает сразу же, бормоча, что будет ждать в коридоре. Мне пиздец как хочется схватить ее пальцы и не отпускать, но повреждённая рука сделать этого не даёт. Бля, обеих рук лишился...

— С ней хоть ожил, — хмыкает медсестра, начиная с плеча, — сразу видно, любишь.

— Сильно видно? — спрашиваю, как идиот. Эти больничные стены доламывают и мои почти разрушенные.

— Не видно разве что слепому.

Я не решаюсь проматериться вслух, потому что негодовать из-за того, что видно любовь к своей невесте — странно. Но внутри ураган бушует. Я настолько разучился скрываться?

Минут двадцать, как и говорила, она делает мне перевязки, попутно что-то рассказывая, что я вообще не слушаю. Все мои мысли, как и весь я там, за дверью, где сидит Аня. Она обещала ждать, и я уверен, что ждёт.

— Невеста, заходи, — уходит и зовёт ее из коридора. Это пиздец как неловко для нас обоих. Думаю, пока я трупом валялся, ей было проще легенду поддерживать. Но спалить я ее сейчас не могу. Хотя и понимаю, что никто уже не выгонит её и выговор не выпишет. Ну просто... не могу. — Ему пить надо, по глотку раз в две минуты. Справитесь?

Киваю. С водой чё не справитесь?

А потому что руки, блядь, не рабочие! Сука, я в пятый раз забываю об этом. Одна в гипс закована, вторая порезана и не поднимается даже. Чувствую себя немощным. Еще и подняться не могу...

Мы остановились с Аней на «спасибо». После него и слов медсестры опять неловкое молчание. Оно меня раздражает, что удивляет даже самого себя.

— Расскажи, — прошу её, — чё было?

— Сначала воды, — тянется к стакану, поднимает мне голову одной рукой и даёт отпить глоток. Блядь... С одной стороны меня током от её касаний и заботы шибет, с другой же меня раздражает эта слабость. Я не хочу быть слабым. Тем более перед ней. Да и вообще... — Что тебе рассказать?

— Всё. Вообще всё.

И она реально все рассказывает. Как сидели во дворе и Яр услышал, как пацаны все спасать меня побежали, потом больницу, ментовку, о том что кровь свою отдала. И что ходила ко мне каждый день, книжки читала. Даже рассказала, как была у мамы, когда ей позвонили и рассказали, что я очнулся. Сказала, что вещи мои у неё и что из клуба звонили, а эта храбрая мелочь отбила мне место работы, рассказав, что я в больнице.

И я ровно в эту секунду понимаю, что у меня не было ни единого шанса в нее не влюбиться.

А ещё понимаю, что я, походу, больше не один.

Глава 26. Аня

Неделю спустя

Все меняется очень быстро. Я практически не успеваю за всем происходящим, мне приходится бежать, чтобы ничего не пропустить.

Дамира перевели в обычную палату и теперь посещение не ограничено одним часом, хотя и целый день я у него торчать не могу. Как минимум, это странно...

Он очень быстро идёт на поправку, врачи дают хорошие прогнозы. Быстрее всего заживают рёбра и рана на плече, но даже несмотря на то, насколько рана на бедре серьезная — Дамир уже встаёт. На костылях ему никак — обе руки повреждённые, поэтому он хромает, но упорно идёт до уборной самостоятельно, уверяя меня, что ему вообще не больно.

Мальчики привезли ему одежду — он вручил им ключи от квартиры, которые до этого отдала ему я, а я так и таскаю апельсины, которые, оказывается, он очень сильно любит.

С Дамиром сложно. Каждую помощь он воспринимает в штыки, потому что решает, что это показатель его слабости. Дурак. Я на самом деле не знаю никого, кто был бы сильнее него. Во всех смыслах...

В полиции все ещё лучше, чем в больнице. Того, кто заказал убийство Дамира, нашли. И да, это должно было быть убийство, просто Ярослав вовремя услышал шум и все ринулись помогать. А иначе... да я даже думать не хочу, что было бы иначе.

В общем, нападавших задержали, потому что под долгими уговорами правоохранительных органов они сдали друг друга. А главного найти было просто — ему пришлось обратиться за помощью в больницу, потому что Дамир сломал ему челюсть и зубы. В домашних условиях с личным врачом это исправить нереально.

Так что... мальчики помогли следствию, осталось провести суд и закрыть дело.

А с Русланом... мы не общаемся. Пару раз мы виделись здесь, в больнице. Они толпой приходили к Дамиру, а я как раз была в палате. Руслан странно смотрел на меня, а я тоже не могла оторвать от него взгляд. И мне хотелось бы сказать что-то, но выяснять отношения в больнице — затея слишком глупая.

Наша пауза затянулась, превратившись в красный «стоп». Это не просто «давай отдохнем друг от друга», это буквально «давай расстанемся».

Но мне банально некогда грустить. И ещё пока я не услышала этих слов официально, плакать не буду. Но у меня папа дома, скучающая по мне мама, Дамир, которому я таскаю обеды, а ещё учеба и куча домашних дел — мне правда некогда сесть и плакать над тем, что все рушится. Это выглядит так, словно мне все равно, хотя это неправда. Просто время летит слишком быстро и голова постоянно забита чем-то.

Залетаю в палату к Дамиру уже как к себе домой. В руках привычные апельсины, а еще уже неприятно, но тоже привычно, что-то тянет в пояснице. Это старость? Не думала, что она наступает так быстро.

Чуть морщусь, открывая дверь, потому что как-то не так наклоняюсь к странно низкой ручке, и застываю на месте, всё с тем же выражением лица и чуть согнувшись.

Потому что Дамир сидит на кровати в одних трусах. Из “одежды” на нем только повязки и гипс. Чувствую, как краснею. Мне уже приходилось его в таком виде застать, но тогда это было еще более неловко.

— Что ты кривишься, всё так плохо? Заплыл без тренировок, — говорит он так легко,

что я тут же выравниваюсь и без тени смущения (по крайней мере я стараюсь выглядеть именно так) прохожу в палату.

Ну, честности ради, он вообще не заплыл. Я вообще не представляю, сколько этому каменному торсу надо не тренироваться, чтобы заплыть. После того как на него даже мама моя пялилась, я запретила себе считать это чем-то постыдным, поэтому пока прохожу в палату и ставлю апельсины на тумбочку — краем глаза поглядываю.

Мы начали немного общаться. Дамир на удивление стал даже разговорчивым. Ну. По сравнению с тем, каким он был раньше. Я не знаю, что на него так действует, но есть ощущение, что мы. Я, мальчики, даже заботливые доктора. Потому что кроме нас к нему не приходит никто. Вообще ни единого раза. Мне очень хочется спросить у него, а где родители, или хотя бы кто-то, но не решаюсь. Почему-то мне кажется, что этот разговор не будет для Дамира долгожданным.

— Тебе жарко? — задаю резонный вопрос, ну потому что что за вид вообще? Мне неловко.

— Нет, я пролил на себя чай, разделся, а одеться не успел — ты пришла.

— Тебе нужна помощь? — спрашиваю, потому что понимаю, что в его состоянии одеться самостоятельно почти нереально.

— Нет, — отрезает громким рыком. Он нервничает, каждая моя помощь сопровождается тихими нервами, а потом еще более тихим смирением. Никогда бы не подумала, что Дамир такая истеричка.

— Как знаешь, — пожимаю плечами и усаживаюсь на стул позади него, хватая одну апельсинку. Спина снова ноет, но я стараюсь не обращать на нее внимание, заинтересованно глядя на упрямого Дамира.

— Что? — он оборачивается и смотрит на меня. Качаю головой и усмехаюсь. Я уже выучила его. Сейчас он повыведывается, а потом согласится, чтобы я помогла. При этом будет пыхтеть как паровоз, называя себя немощным. — Это тебе не стриптиз-клуб.

— Ну и ты не танцуешь, — хохочу, когда вижу, как он сжимает челюсти.

Пыхтит, но спортивные штаны умудряется надеть сам, чему я почти готова поаплодировать. Правда. С момента, как он пришел в себя, прошла всего неделя. А он уже делает такие успехи. Мне кажется любой другой лежал бы пластом еще очень и очень долго.

— Хорошо, — говорит, но дальше не продолжает. Это я в своей голове уже понимаю, что там еще молчаливое “помоги мне надеть эту чертову футболку, потому что пока я справиться с этим не могу”.

Подхожу к нему и беру в руки чистую вещь, выворачивая ее на лицевую сторону. Дамир на меня не смотрит, а я стараюсь на него не смотреть. Пока это немного неловко, если честно... Я во многом ему помогала здесь: выпить воды, поест, даже встать с кровати или сделать первые пару шагов из упрямости. Но одевать... Нет.

Продеваю руку с гипсом в короткий рукав и аккуратно проделываю все то же самое со второй, стараясь не задеть рану на плече. Надеваю футболку на голову и медленно спускаю ткань по спине, задевая голую кожу. Чёрт... Он такой горячий, как будто у него температура, и я буквально чувствую, как он вздрагивает от моих ледяных пальцев.

Если бы был прибор, измеряющий неловкость, он бы пищал сейчас от того, что отметка залетела бы за самый высокий предел. Мне дышать тяжело становится, когда я наклоняюсь, чтобы поправить одежду до конца, но я тут же вскрикиваю от боли в спине, в такой же позе и оставшись.

— Чёрт!

— Инопланетянка, ты чё?

— Да спина, третий день ноет и хватает, а сейчас очень сильно, — хнычу и стараюсь выровняться, и неожиданно мне на помощь приходит Дамир. Он встает сразу же и аккуратно меня выпрямляет, как будто у него уже ничего не болит. Действует быстро и профессионально.

— Развернись, — командует.

— Что?

— Спиной сказал повернись ко мне, — говорит чуть громче, и я подчиняюсь, разворачиваясь на сто восемьдесят. — Вот тут болит? — спрашивает и надавливает пальцем мне куда-то, отчего я громко стону от боли и чуть не валюсь с ног. — Понял, не отвечай. Расслабься.

— Что ты делать собрался?

— Я сказал — расслабься. У тебя защемление, сейчас вправим.

— У тебя рука болит! — говорю очевидные вещи, даже не додумываясь, что если бы он не смог — он бы не полез.

— А у тебя спина, еще будем очевидными фактами обмениваться? Расслабься, сказал.

— Не командуй мной, — ворчу и краснею, мне снова неловко и это уже начинает бесить.

— Аня! — он рывкает так громко, что я не только рот закрываю, я даже думать перестаю. Напрягаюсь на две секунды, а потом расслабляюсь, как он и просил. Дамир немного задирает мою майку, я устаю вспыхивать в сотый раз, что-то трет, куда-то давит, а потом...

— Ай!

— Всё, — отходит от меня, и я понимаю, что секундная резкая боль прошла, и поясницу больше не тянет.

— Офигеть, ты волшебник? — поворачиваюсь к нему. Судя по его выражению лица, эта процедура ему далась гораздо больше чем мне. Но он всё равно помог, несмотря ни на что...

— Инопланетянин, — добивает меня Дамир практически незаметной улыбкой. — На какую-то часть.

Глава 27. Аня

Я сижу и слушаю, как Ярослав рассказывает Дамиру всякий пацанский бред. Точнее... я присутствую при этом разговоре, но в суть его не вникаю. Потому что мне пишет Руслан.

Мы не общались уже десять дней, виделись, но кроме банального “привет” ничего не говорили друг другу, а теперь он вдруг пишет. Судя по опечаткам в словах, он либо куда-то идет и пишет мне на ходу, либо просто не очень трезвый.

Руслан: Бортуешь мння, а я вообщето с тобой не как со всеми, ты мне правла нрвишься.

Прикусываю губу. Так себе признание, конечно, но из уст, скорее всего не трезвого бабника, это почти даже мило. Руслан часто говорил громкие слова для того чтобы получить от меня что-то, но от них никогда правдой не веяло. А тут веет. Даже теплотой немного.

Аня: Ты пьяный?

Руслан: Да. Но я правду говрю, сам себя раздржаю что обижаю тебя. Малых, прости, а.

Ох, черт... Это всё гораздо сложнее, чем я могла себе представить.

Не общаться с ним десять дней казалось слишком просто. Я не вспоминала и не плакала, я была вся в заботах и не могла найти время на душевные терзания. А сейчас отчего-то ёкает внутри. Его слова не кажутся пустым звуком, я всем нутром чувствую, что в этих корявых сообщениях он настоящий. Извиняется...

Откладываю телефон, так и не ответив, и долго-долго думаю. О том, что было, какими были наши отношения до паузы и о том, что могло бы нас ждать впереди. У меня нет никаких надежд, но просто как-то ноет внутри, как будто очень много недосказанного осталось.

— Ау, куколка, ты тут? — дергаюсь от голоса Ярослава и от его пальцев, которыми он щелкает у меня перед глазами.

— А?

— Говорю ты домой едешь, тебя подвезти?

— А, да, если тебе не сложно, — улыбаюсь и пытаюсь прийти в себя. Слишком я ушла в свои мысли, сидела тут для мебели.

— Яр, — зовет его Дамир, — просьба есть. У меня в доме на третьем этаже старушка живет.

— Баба Валя? — вставляю свои пять копеек.

— Она, — кивает Дамир. — Я ей за продуктами хожу, помогаю иногда. Короче, надо проведать. И сказать что я жив, она наверное там уже весь двор на уши подняла. Сделаешь?

— Да без вопросов, — кивает Ярик, даже не думая сопротивляться. Он прекрасный друг, и я рада, что Дамиру есть на кого положиться.

— И тогда загляни ко мне, — он тянется к тумбочке и достает ключи от квартиры, — ну просто чтобы там все норм было. Мало ли.

— Цветок полить? — смеется Ярослав.

— Они засохли все в первый месяц моей жизни в этой квартире.

— Подарю тебе на выписку фикус, — говорит со мешком и пожимает руку Дамиру, а потом быстро выходит из палаты.

— Эй, а я?

— Жду в коридоре.

Дверь закрывается и мы снова остаемся вдвоем. Каждый раз это очень неловко,

несмотря на то, что я почти с уверенностью могу сказать, что мы подружились. Просто... Мы не обсуждали ни разу то, что произошло утром того страшного дня, но я уверена, он точно так же каждый раз вспоминает сцену у фитнес-клуба.

Я до сих пор не понимаю, зачем ему потребовалось меня целовать. Он даже извинился перед самым поцелуем. Зачем? Что это было? Я не могу забыть и не думать, хотя я давно перестала обижаться и отпустила. Ну просто... это так странно! Этот момент словно к нам из параллельной вселенной прилип, он был абсолютно “не наш”.

— Я пойду, — разрываю громкое молчание, впервые в жизни осознавая, что оно действительно может быть громким. — До завтра? — спрашиваю, а не утверждаю. Я каждый раз боюсь, что он попросит не приходить, но он каждый раз тихонько кивает, успокаивая меня.

Выхожу к Ярославу и мы молча идем к его машине. Никогда не видела его за рулем, кстати...

— Куда тебе, мелкая?

— А можно с тобой к соседке Дамира? Мы с ней знакомы, я к ней за мукой забегала, она очень милая женщина!

— Можно, — усмехается Ярик, заводя машину. — И я даже не буду спрашивать, при каких обстоятельствах ты забегала к ней за мукой, — говорит многозначительно, а я мысленно бью себя по лбу. А еще жутко краснею, зеленею и бледнею. Господи, почему такая дура? Ярик — друг Руслана, он сейчас что-то не так подумает, расскажет тому, и будет скандал. Несмотря на нашу паузу это можно выставить в таком грязном свете, что я до конца жизни не отмоюсь.

— Просто Дамир вовремя оказался рядом и не дал мне ночевать на улице, когда Руслан обидел, — пытаюсь найти самое нормальное описание того вечера.

— Я не спрашивал, — но он снова усмехается, несмотря на слова.

— Но тебе интересно, — закатываю глаза, когда он кивает. А еще говорят девчонки сплетницы. — Не говори Руслану, я боюсь что он поймет неправильно. У нас правда ничего не было, я просто оказалась ночью на улице, а потом спала на диване Дамира.

— И сейчас постоянно носишь ему обеды и сидишь у него целыми днями из чувства благодарности, да?

Я бы могла подумать, что он меня осуждает, если бы на его лице не было улыбки и очень хитрого взгляда. Хотя я не слишком хорошо знаю Ярослава, возможно, он очень профессионально маскирует все свои эмоции.

— Ты осуждаешь меня из-за друга? — спрашиваю.

— Я вообще никого никогда не осуждаю, Ань. Даже если ты скажешь что любишь Дамира, а Руслан был ошибкой. Жизнь — херня сплошная, сам не знаешь, что завтра случится и в кого доведется влюбиться.

— Говоришь так, словно влюбился в того, в кого влюбляться нельзя.

— Ты телепат, мелкая, — и больше его улыбка не такая лёгкая, как была до этого...

Дальше мы едем в тишине, каждый ныряет в свои мысли. Я еще раз перечитываю сообщения от Руслана и вспоминаю все моменты, из-за которых я и настояла на перерыве в отношениях.

— Какой там этаж? — спрашивает, паркуясь у дома.

— Идем за мной.

Мы поднимаемся на нужный этаж и я по памяти нахожу квартиру. Бабуля открывает с

третьего раза. На руках у нее рыжий котенок, а в глазах видно волнение.

Она узнает меня сразу, улыбается, а потом испуганно спрашивает, что с Дамиром. Он был прав, она очень волнуется.

Нам не удастся отказаться от чая с вареньем, и минут сорок мы навещаем бабушку, рассказывая ей выдуманную историю о том, что Дамир заболел и лежит в больнице. Конечно, она нам не верит, потому что только глухой не слышал в огромном дворе об избииении их соседа, тем более что многих опрашивала полиция.

Но успокоить нам ее всё-таки удается, она вздыхает с облегчением, когда узнает, что с Дамиром все и правда в порядке. Ну... насколько это возможно.

Мы уходим, когда я начинаю активно чихать от присутствия кота в квартире — аллергия никогда не давала мне жить. Обещаем заглянуть к ней еще раз, чтобы она не скучала, а еще передать Дамиру большой привет и такой же большой кусок домашнего пирога.

— В квартиру к нему заглянем, — Ярик крутит ключи на пальцах, — и тогда тебя отвезу.

— Слушай... Ты иди, а я... А я наверное пойду поговорю с Русланом, хорошо?

Ярослава явно удивляет мое желание, но говорить он мне ничего не решается. Обещает только всё-таки дождаться, ну или подождать меня хотя бы какое-то время.

Выбегаю на улицу и нахожу глазами окна Руслана в соседнем доме: свет говорит, значит, он действительно тут.

По рукам какая-то дрожь бежит, от предвкушения, наверное.

Я, если честно, не знаю, что буду ему говорить. Наверное, хочу послушать его. О том, что он написал мне в смс. Вдруг у нас выйдет всё наладить? Мы поговорим, он объяснит, почему вел себя со мной так, а я признаюсь ему в чувствах. Мы будем долго целоваться и потом у нас будет все в разы лучше, чем было раньше.

Я целых десять дней о нем почти даже не думала, а сейчас, когда у меня на это появилось время, меня трясет от предвкушения и волнения. Казалось бы, разлука совсем не страшная, но нет! Страшно! Особенно после его сообщений.

Пока поднимаюсь по ступенькам, сердце то замирает, то стучит с бешеной скоростью, предвкушая встречу.

А потом леденеет и разбивается на мелкие осколки, когда дверь квартиры Руслана оказывается не заперта и я по глупости решаю туда войти.

Он не один. Мне видно только его голую задницу и женские стройные ноги в туфлях, обернутые вокруг его талии, пока он двигается быстро, тяжело дыша.

Меня никто не замечает, а я в мгновение вылетаю из квартиры, оглушенная громким стоном той девушки и собственным неожиданным всхлипом.

Ярослав, как и обещал, ждет меня у подъезда. А еще он не задает лишних вопросов, а просто обнимает меня за плечи и спрашивает, куда меня отвезти.

— Там папа, я не хочу сейчас, — говорю сквозь боль. Чёрт... я правда не думала, что это настолько тяжело. — Можешь мне дать ключи от квартиры Дамира? Сейчас для меня это лучший вариант.

Глава 28. Дамир

Я замахался валяться здесь. У меня ни сил, ни желания продолжать лежать в больнице. Ну нахера? Пластырь на плечо я сам себе прилепить могу, на ногу — тоже, и на живот. Рёбрам почти норма, с гипсом на руке я и дома могу походить. Раны затянулись, швы мне сняли, ну чё делать-то тут ещё?

Ночь ещё какая-то дурацкая была, я не спал почти, вертелся туда сюда, хер пойми о чём думал. Яр с Аней уехали, а я так до утра и смотрел в потолок считай. И вот сейчас жду утренний обход и спрошу, когда меня отсюда отпустят. Потому что я уже не могу.

Утром заходит медсестра с уже привычным градусником и противно хорошим настроением, как будто не она работала всю ночь.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает сразу.

— Как пациент, готовый уйти домой.

— Раз готов, значит уйдешь. Врача дождись, он, кажется, думал о твоей выписке.

Никогда не думал, что такие слова могут поднять настроение, но реально могут. Я домой хочу так, как никогда не хотел. Мне не хватает идиотской каши из пакетиков, трахающейся на балконе соседской парочки, нормального душа и даже бабы Вали с миллионом странных вопросов.

Доктор приходит только через три часа, осматривает, опрашивает, я уже всё, что он сделает, наизусть знаю.

— Динамика положительная, у нас все отлично! Дня три полежим и, я думаю, можно будет домой.

— А раньше трёх дней никак? — спрашиваю, потому что даже три дня уже перебор. Я тут сколько валяюсь-то? По ощущениям год.

— Лучше ещё побыть под наблюдением, — говорит с издевательской улыбкой и выходит из палаты.

Да нахер! Я не могу тут больше валяться, какие к черту три дня? Максимум — пару часов. Потому что в это время врачи уезжают, а медсестры приходят только если зовёшь.

Это время почти смиренно нахожусь в палате, аккуратно складывая вещи в сумку. У меня не много всего, шорты и футболка помимо того, что на мне, телефон, зарядка, кружка, запасные ключи, книга и ещё немного апельсинов от Ани. Плечо и ребра ещё болят, но донести смогу.

Ближе к обеду становится тихо, меняю больничные тапки на нормальную обувь и стараюсь быть как можно тише. Сумка в руке неприятно тянет повреждённое плечо, а из-за пореза в ноге не могу не хромать, но упорно иду дальше, потому что я не собираюсь лежать тут до нового года.

— Алиев, далеко? — звучит сзади голос медсестры. Та самая, которая за мной в реанимации ухаживала и Аню ко мне пускала. Бля ну чё глазастая-то такая...

— Воздухом подышать, — говорю, не оборачиваясь.

В спину пару секунд тишины, потом громкий вздох, а потом тихое:

— Невесте привет передавай.

Невесте...

— Передам.

Я чувствую себя пиздец слабым, когда даже один лестничный пролет оказывается для

меня испытанием. Приходится идти к лифту, которыми я вообще не пользуюсь. Докатился. Или допинали, если точнее сказать.

Выхожу на улицу и так хорошо... как будто реально пару лет в палате валялся. Всегда бесила фраза «всё познается в сравнении», но сейчас понимаю что в ней огромный смысл заложен.

Прохожу от силы метров десять, как сбоку слышу голос Яра:

— Я не понял, ты далеко собрался?! Я ему тут бананы везу, а он пиздует куда-то. Али, разворот на сто восемьдесят, братва подъехала.

Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Я лет триста не улыбался, повода не было, а тут губы сами тянутся. Разворачиваюсь к Яру и вижу его рядом с тачкой.

— До дома подбросишь?

— Тебя выписали или ты в самоволку? Прыгай. Ну или ковыляй.

— Мудак, — говорю с усмешкой, но реально ковыляю в сторону тачки. Неожиданно он тут появился, но очень вовремя. Сумка всё-таки тяжеловатая для меня сейчас, а до остановки идти не очень близко.

— У тебя ключи запасные есть? Я не знаю, ушла Анька от тебя или нет. Ключи мне не отдавала, а тебе? — говорит мне, когда уже едем, а я зависаю.

— Куда ушла? Точнее, откуда ушла? Какая Анька? Бля, чего?!

— А, ага, — говорит, подкуривая, пока у меня мозг взрывается. — Не с того начал. К тебе Аня приезжала сегодня?

— Нет.

— Мы вчера от тебя уехали, она вызвалась со мной прокатиться, домой не захотела. Мы зашли к твоей соседке, кстати, бабуля прелесть. Накормила нас, чаем напоила, мы еле смылись. Потом надо было идти твою квартиру проверить, но Аня захотела к Русу сходить. У них там чет траблы какие-то последнее время, Рус рассказывал, я не вникал. Ну короче она ушла к нему...

На словах о том, что она пошла к Русу, невольно сжимаются кулаки и челюсть. У меня нет никакого морального права ревновать, но сука, меня буквально от ревности разрывает на части.

— И?

— Ну и выбежала оттуда в слезах минут через шесть, я ее на улице ждал. Не стал спрашивать че случилось, но сильно вряд ли это были слезы радости. Я ее хотел домой отвезти, а она сказала там папа, она не хочет, попросила твои ключи, я ее до квартиры проводил ну и всё. Не думаю, что ты был бы против, тем более что она уже у тебя оставалась.

Последнюю фразу он говорит с хитрой улыбкой. Смысла нет так улыбаться, Яр, я в тот раз от напряжения чуть не сдох.

— Ничего не было.

— Да насрать мне, — выбрасывает окурок в окно. — Короче я не знаю, че там у них случилось, но сегодня из подъезда Руса утром какая-то красотка сбегала. Вероятность, конечно, не стопроцентная, что она уходила от него, но что-то мне подсказывает, что именно эти длинные ножки стали причиной слёз нашей принцессы.

— Сука... — стараюсь дышать. В драке я сейчас даже сильно злой вряд ли смогу что-то путное сделать, а Руса прям размотать хочется. Вот бля, я так и знал, что исход именно таким будет. Что он бросит ее, как и всех других, а она дура потом страдать и плакать будет.

Вот и че мне делать? Если она до сих пор у меня, как вести себя? Я поддерживать не

умею, максимум, что я могу сказать, что это всё было ожидаемо и она не первая, но сильно вряд ли это то, чего ждет активистка.

Бля... Вот не было печали мне. Резко захотелось вернуться назад в больницу.

— Так ключи-то запасные есть у тебя? — спрашивает, и я только в этот момент понимаю, что стоим мы уже возле моего подъезда.

— А? А, да, есть. Спасибо, что подбросил.

— Кровь принцессы подействовала на противного принца и он стал благодарным? Вау, Али, свершилось чудо!

— Сходи нахер, Яр.

— А не, не свершилось.

Не отвечаю ему больше, слышу сдавленный смешок и иду к дому. У меня внутри странные чувства, я не знаю, чего хочу больше, чтобы Аня осталась там, или чтобы даже не было заметно, что она была в моей квартире.

Одновременно хочется и того и другого, я снова терпеть себя не могу за эти качели и чересчур сильные эмоции, но реально кровь принцессы меня ломает, как и сама принцесса. Это как быть зомби, а потом превратится обратно в человека, которым последний раз был много-много лет назад.

Я никогда, кажется, не был в лифте нашего дома, и оказывается тут очень тесно. Кидаю сумку на пол, пока он тарыхтит до нужного этажа, трачу лишние секунды, чтобы сумку поднять, и медленно иду к двери, хотя состояние позволяет ходить чуть быстрее.

Я просто ссу, как школьник сопливый, вот и все.

Потому что я понятия не имею, что буду делать, если она всё-таки внутри. А особенно если плачет.

Она рыдала при мне однажды, и тоже из-за Руса, но в тот раз я оказался рядом случайно и она вцепилась в меня как в единственного кто был рядом. А сейчас что?

Открываю дверь вторым ключом и тихо прохожу в квартиру.

Тут почти гробовая тишина, признаков жизни не обнаружено, и я кидаю сумку на пол и снимаю обувь, полной грудью вдыхая запах дома.

И торможу сразу же, потому что запах противных духов инопланетянки ударяет в нос нещадно и резко. Она точно здесь была, и теперь я даже не обнаружив тут ее хер заставляю себя думать о том, что ее не было.

Прохожу сразу в комнату, хочу скинуть вещи и срочно попасть в душ, потому что мне кажется я провонялся больницей буквально насквозь.

Подхожу к шкафу, достаю чистую футболку, шорты, и только собираюсь выйти в душ, слышу позади себя какое-то тихое шуршание.

Поворачиваюсь. Лежит. Свернувшись калачиком на самом краю кровати спит и сопит в подушку так тихо, что я даже не заметил ее сразу. Даже отсюда видно красные припухшие веки и нос. Всю ночь редела, поэтому в обед дрыхнет?

Рядом лежит телефон, он без звука, но разрывается от звонков. Подхожу, беру тот в руки, стараясь не разбудить мелкую, и выхожу на кухню.

Там “мама”, и меня от этого окатывает какой-то странное волной.

О ней заботятся, ее любят, волнуются, а она отключила телефон из-за какого-то мудака и заставляет родных переживать. Вот же...

— Да? — сам не понимаю, как уговариваю себя, но беру трубку.

— Боже, мышка! Ты в порядке? — начинает тараторить по ту сторону точно голосом

Ани. Даже все интонации те же. — Папа сказал ты не ночевала дома, я волнуюсь, звоню с самого утра! Я обзвонила всех твоих подруг, уже собралась ехать в больницу к этому мальчику, которого ты навещаешь! Почему ты не брала трубку?

— Эм... — это пиздец как неловко, — это не Аня.

— Господи... что с ней?

— Да нормально всё, она просто спит. Короче она наверняка потом сама все объяснит, но сейчас просто дрыхнет. Жива, здорова.

— А вы... ее парень, Руслан, — спрашивает та самая мама и я слышу в ее голосе напруг.

— Я Дамир.

— Ах, Дамир! Боже, у меня голова взрывается... Вас выписали, или мышка спит в больнице?

— Выписали, — вру безбожно, но рассказывать тут истории и затевать полноценный телефонный разговор я не собираюсь. — Аня у меня дома. Она в порядке.

— Я верю вам, — странно для меня отвечает мама Ани, потому что как можно верить тому, кого не знаешь? — Аня доверяет вам, а значит и я доверяю. Спасибо. Как проснется, пусть позвонит, хорошо?

— Передам, — говорю и бросаю трубку, опуская голову и упираясь одной ладонью в подоконник.

Ну и что мне делать с тобой, спящая красавица?

Глава 29. Дамир

Мне жутко хочется на нормальную кровать после жуткой больницы, но я лежу на крайне неудобном для своих ребер сейчас диване, потому что в спальне спит Аня.

Это уже похоже на идиотизм, или еще пока нет?

Я краем глаза заметил, что она снова в моей футболке, у меня мозг сразу от этого вскипел.

Лежу с книгой в руках, но всё, что читаю, не откладывается вообще. Я слишком далеко от этой истории мыслями, даже перечитывание каждой из строчек не спасает.

Слышу шуршание в спальне, тихое покашливание и смешно громкий зевок. А потом шлепанье босых ног по голому полу и замираю, как какой-то вор, пробравшийся в чужую квартиру, не желающий, чтобы его заметили.

Бля, я ж могу ее напугать...

Она уходит в ванную, а я встаю с дивана, чуть морщась, потому что и ребра, и ножевое на животе всё еще отдают неприятными ощущениями, и иду к двери, банально открывая ее и хлопая ею. Как идиот, который делает вид, что только пришел.

Я не успеваю решить, что совсем рехнулся, потому что она мгновенно вылетает из ванной комнаты, и замирает и открытым ртом и широко распахнутыми глазами.

— А что ты... что ты тут делаешь? — задает смешной вопрос.

— Живу.

— Нет, я в смысле... Почему не в больнице? Я вчера говорила с твоим врачом, он сказал, что о выписке пока рано говорить!

Она говорила с моим врачом?

— Ты говорила с моим врачом?

— Конечно я говорила, раз в два дня стабильно! Что за самодеятельность? — она вдруг переходит в нападение, да так резко, что я не успеваю отбиваться. Мне бы пожрать да поспать нормально, а не скандалить. Нет сил на это, да и желания тоже.

— Самодеятельность? — переспрашиваю, глядя прямо в глаза, и она тут же прикрывает рот ладонью и густо краснеет. Она снова в моей футболке, в моей квартире, только что вставшая с моей кровати. Видимо, до нее доходит, кто из нас тут развел большую самодеятельность.

— Боже, мне так стыдно. Я тебе сейчас всё объясню, — у нее глаза тут же тухнут, ей слишком больно, и это очень видно. Догадки по поводу того, что та девчонка, что видел Яр, выходила от Руса, походу всё-таки верные. Она хочет начать рассказывать историю своего возникновения в моей квартире, но для этого ей приходится вспоминать вчерашний день. Яр говорил, что она очень плакала. Я повторения не хочу.

— Да забей, Ань. Оставайся сколько надо, — я почти не верю, что говорю это, и мысленно даю себе со всей силы по сломанным ребрам. Катастрофический идиот. Когда так вышло, что говорить я стал быстрее, чем думать? Когда, черт возьми, это случилось? — Ты случайно снова сырники не готовила? — спрашиваю нагло и с надеждой, потому что я реально жрать хочу безбожно.

— Нет. Но я сейчас быстро! Полчаса и всё готово, правда!

Она уносится на кухню метеором, начинает греметь посудой, а я понимаю, что готовить ей не из чего, потому что те пару продуктов что могли быть в холодильнике, наверняка за

время моего отсутствия покрылись плесенью.

— Мелкая, — иду за ней на кухню, — тебе звонила мама, мне пришлось взять трубку, чтобы она не волновалась. Позвони ей. А я пока доставку закажу, не парься с готовкой.

Следующие полчаса я лежу на уже удобной кровати, думаю о том, что духи Ани с постели я точно никогда не смогу выстирать и делаю заказ готового обеда и продуктов. А еще слушаю разговор Ани с мамой, и в его процессе пару раз таки порываюсь зайти в гости к Русу и сломать ему всё, что ломается.

Потому что она снова плачет. Тихо и явно сдерживаясь, но когда шепчет маме, я слышу всхлипы. И это пиздец как выводит из себя. Что я помочь ей ничем не могу. Потому что я не знаю, как успокаивать людей. А как успокаивать девушек, которые пережили предательство, не знаю вдвойне.

И я банально гуглю, потому что наличие ревущей навзрыд инопланетянки в моей квартире немного пугает.

Там куча советов по психологии и умных терминов, которые я пролистываю за ненадобностью, потому что я и читать их не буду, и выполнять точно. Там советы, как правильно с ней говорить, в моем же случае нужно что-то, чтобы говорить и вовсе не пришлось.

“Купите ей цветы”, — предлагают на одном из сайтов, ссылаясь на то, что все девушки любят цветы, это поднимет настроение и ей больше не захочется плакать.

Как по мне — херня, но в этом совете разговаривать не надо, поэтому я захожу на сайт цветочного и выбираю первый букет, который сразу вызывает ассоциацию с Аней. Хер знает, что там за цветы, но там что-то светлое с фиолетовым, а это точно Аня. Сама она как лучик, и глаза эти яркие.

Короче, чувствую себя абсолютным влюбленным идиотом, но если от этого она реально не будет плакать, то мне подходит.

В дверь звонят очень быстро, пока встаю с кровати и ковыляю, чтобы открыть, Аня уже принимает обед и продукты у курьера.

Еще один огромный пиздец в копилку моих странностей: мне до жжения в груди нравится, как она хозяйничает в моей квартире. Этот домашний вид и её нахождение на моей территории заставляют думать о том, о чем думать не стоило бы.

— Если хочешь, я могу приготовить суп и ещё что-нибудь, чтобы тебе было что есть в ближайшие дни... — говорит Аня, выставляя заказанный обед на кухонный стол.

Она нереальная. Я каждый день грызу себя за то, что посмел в нее влюбиться, но каждый день убеждаюсь, что иначе было просто невозможно. В нее нельзя не влюбиться, правда. Она точно не с нашей планеты, слишком прекрасная, слишком не такая, как все. Она иногда ведёт себя как маленький ребенок, а иногда убивает взрослыми поступками и размышлениями.

И когда-нибудь я ей признаюсь.

Наверное.

— Я справлюсь, — говорю ей, а продолжить не успеваю, потому что в дверь снова звонят, и в этот раз я точно знаю кто там.

И переживаю как идиот, и сто раз уже успеваю пожалеть, что решил заказать эти цветы, пока иду к двери.

Я никогда никому не дарил цветы, как это делается вообще? А что она подумает? А если решит, что снова намеки какие-то и по морде мне опять заедет?

Бля... но отказываться уже поздно, походу. Поэтому забираю букет и возвращаюсь на кухню к Ане, которая уже накрывает на стол.

Она замирает, и я как дибил в проходе стою, потому что понятия не имею, что говорить. Как там было на сайте? Цветы поднимут ей настроение и бла-бла-бла. Ну ладно.

— Эм... тебе прислали цветы? — спрашивает Аня, глядя на меня.

— Скорее тебе.

— Мне прислали?

— Да. Точнее, я заказал. Тебе, короче, — протягиваю ей букет, неловкость чувствую кожей, она вязкая, но удивительно не противная.

Аня подходит ко мне, забирая букет, а потом закрывает глаза и зарывается в цветы всем лицом, шумно вдыхая запах.

И бля, это так красиво... что мне даже плевать на то, что я выгляжу как идиот. Её довольная моська и этот шумный вдох затмили все сомнения.

— Спасибо, — шепчет и краснеет, а потом... бля, начинает реветь! Чё за подстава? Я цветы заказал, чтобы слез не было, где прокололся-то?

— Мелкая, ты чё? Не нравится?

— Наоборот, — всхлипывает, кладет букет на стол и подходит ко мне, обнимая. Еле касается, видать боится больно сделать рёбрам и ране, но лбом в грудь упирается и ревет тихонько, на спине цепляясь за футболку.

Ну приехали!

— Да ладно тебе... — я не знаю, что говорить, я в этом не то что ноль, я минус тридцать по пятибалльной системе. Кладу руку ей на спину, то ли похлопываю, то ли поглаживаю. — Мелкая, ну, завязывай. Пошли сядем, — иду с ней на диван, сажусь, а она не отцепляется. И плачет как будто только сильнее. Способ поднять настроение с цветами просто супер, блять!

— Обними меня, пожалуйста...

В сознание врывается тихий хриплый шепот, перемешанный со всхлипами. До меня даже не сразу доходит смысл её просьбы, так непривычно всё это звучит.

Не знаю, куда деть руки, но Аня как-то так удобно рядом устраивается, что само собой всё выходит. Через пару секунд она лежит на моём относительно здоровом плече, закинув одну ногу на мои две, а я обнимаю её рукой с гипсом, а другую сам не помню как, кладу на колено. Мне немного тянет в ребрах, но так плевать, если честно...

Аня плачет, а я обнимаю её, как она и просила. Обед станет, но есть уже тоже не хочется. Точнее... хочется, конечно, но на него как-то тоже пока насрать.

Проходит минут пять тихой истерики как она начинает говорить, и клянусь, лучше бы она молчала.

— Изменил мне, представляешь? Я пошла к нему, думала мы поговорим, а он там с другой, прямо в прихожей, как будто меня и не было никогда...

Мне хочется убить Руса, а ещё хочется наорать на Аню. Все, блять, все вокруг знали, какой он, но она все равно на него повелась, а теперь сидит плачет.

— Рус никогда верностью не отличался, — это мало похоже на жалость, конечно...

— Я знаю, — всхлипывает, — но я верила ему. Он вчера мне смс-ки днём писал с признаниями, а потом...

Мне катастрофически не нравится этот разговор. До тошноты не нравится. И хоть я не имею права на эти чувства, я чувствую.

— Забудь о нем, он вряд ли когда-то изменится. Рус нормальный мужик, но для отношений — дерьмо собачье.

Она что-то ещё бубнит мне в грудь, но быстро замолкает. И плакать перестает, что немного даже удивительно.

Но мы никуда не уходим. Так и сидим на диване, обнимаясь и много думая.

Глава 30. Аня

На его плече очень тепло и уютно. Он гладит меня по спине пальцами, а я даже двигаться не хочу, настолько мне хорошо. Но Дамир ничего не ел, а ещё наверняка ему в такой позе неудобно, но мне эгоистично хочется побыть вот так ещё хотя бы пару минут.

Заставляю себя отлипнуть от него и чувствую, как нервничаю. Обнимаясь и не глядя в глаза друг другу было сильно проще. А теперь он смотрит так проницательно, что у меня во рту пересыхает.

— Разогрею еду, — говорю и быстро сбегаяю на кухню.

На столе лежит красивый букет, который и стал катализатором моих слез. Мне так давно не дарили цветы... особенно парни. А тут Дамир. Холодный как айсберг и непробиваемый как скала с этим букетом невероятным. Он подарил его ровно в тот момент, когда мне как никогда нужна была поддержка.

Почему так? Тот, в которого влюблена, ноги вытер, а тут...

Ищу в квартире Дамира что-то похожее на вазу, но в конце концов отрезаю верхушку у пластиковой бутылки, как делала ещё моя ба, и ставлю букет туда.

Разогреваю обед, который плавно перетекает в ужин и дрожащими руками нарезаю овощи для салата. Мне бы уходить от него, оставить в покое, дать отдохнуть, а не хозяйничать на его кухне, но... Но с ним просто так удивительно спокойно, что мне даже страшно от этого.

Меня многое тревожит, и мне всё ещё тяжело от поступка Руслана, ни боль, ни мои чувства, не могут пройти так скоро.

Внутри ураган из эмоций и удивительно Дамир каким-то чудом умудряется его успокаивать. Хотя он практически ничего не делает. Не говорит каких-то успокаивающих речей или что-то вроде. Он... обнимает. Говорит фактами. И, чёрт возьми, дарит цветы, я уверена, этим шагом переступая через многие принципы.

Я разговаривала с мамой, она снова сказала, что Дамир наверняка в меня влюблен. Точно как после того несчастного поцелуя у спортивного клуба. Она так уверенно стоит на своем, что мне даже страшно. А ещё я неосознанно пытаюсь увидеть это в каждом движении Дамира. Слежу за ним теперь как ненормальная, пытаюсь то ли подтвердить, то ли опровергнуть слова мамы.

— Всё готово, — кричу из кухни, а сама подхожу к окну. У него тут очень "интересный" вид на соседний дом. Кто вообще проектировал это?

Открываю окно и опираюсь локтями на подоконник, вдыхая теплый воздух. Небо затянуло тучами, но погода все равно прекрасная, пахнет свежестью и практически нет ветра.

Слышу шорох сзади, но не оборачиваюсь, почему-то теперь мне общаться с Дамиром ещё более неловко, чем до этого. Даже все дни в больнице было проще, чем сейчас. Что происходит?

В доме напротив на балконе появляется парочка. Очень близко. Кажется, руку протяни, и можно будет стрельнуть у них сигарету.

Я почти бесстыдно наблюдаю за ними, но они так увлечены друг другом, что им плевать. Буквально все равно, что в пяти метрах на них кто-то смотрит. Они выглядят такими счастливыми... Парень убирает сигарету в сторону, чтобы поцеловать свою девушку,

но она отвечает с таким напором, что он роняет все, что было в руках до этого, и вцепляется ими в бедра девушки.

Это выглядит так откровенно, что я отвожу взгляд и решаю вернуться к Дамиру, потому что краснею так сильно, что становиться даже жарко.

Выпрямляюсь, закрываю окно, поворачиваюсь и вскрикиваю от неожиданности, потому что Дамир стоит почти вплотную ко мне. Очень близко. Слишком.

— У тебя бесстыдные соседи, — решаюсь объяснить ему причину своих алеющих щек. Опускаю взгляд, пялясь куда-то в район груди Дамира, и уже сама себе не верю, что щеки краснеют именно от соседей.

— Они частенько трахаются с открытым окном или даже прямо на балконе, так что сегодня они почти приличные.

— Это ужасно, — говорю как старушка ворчунья.

— Они не стесняются демонстрировать свои чувства. Разве ужасно?

Мне крайне неожиданно слышать эти слова от Дамира. А после разговора с мамой я почти слышу в них какой-то странный намек. Чёрт... глупости!

— Мне кажется, что эти моменты нужно прятать от окружающих. Всё-таки это слишком интимно, — я практически плаю, говоря эти слова. Чёрт возьми, это неловко! — Ты так не думаешь? — добиваю сама себя вопросом.

Поднимаю взгляд на Дамира и замираю с приоткрытым ртом, так и не успев закончить предложение.

Боже...

Он смотрит на меня, бегая глазами по лицу, и так сильно сжимает зубы, что желваки на скулах становятся раз в десять выразительнее чем обычно.

Клянусь, если опущу взгляд, увижу сжатые кулаки. Но не опускаю. Сама не знаю зачем, но продолжаю смотреть ему в глаза, видя в них пламя и огромное количество эмоций. В нем так много нерастраченного, что становится больно. Ему некому отдавать свои чувства.

Мы так и стоим у подоконника, почти впритык друг к другу. Смотрим в глаза и молчим. Клянусь, у меня в груди острое чувство того, что он сейчас наклонится и поцелует меня. Я почти жду этого, как бы странно это ни звучало.

И он наклоняется. Медленно, очень, как будто даёт мне время подумать. Чуть сильнее прижимает меня к подоконнику, нависает сверху. Дыхание сбивается, становятся шумным и быстрым, пульс стучит в глотке. Я не понимаю себя, почему я не делаю ничего, чтобы этого не случилось? Я же не хочу, я...

Я дёргаюсь от звонка телефона и закрываю глаза. Дамир негромко матерится и отходит за стол, а мне становится почти холодно.

Это был какой-то гипноз. Невозможно так сильно отключаться от всего мира и видеть перед собой только глаза. Такого не бывает, я... Мне нужно срочно научиться заново дышать.

Беру телефон и стараюсь не смотреть на Дамира, как чуть не падаю, видя на экране фото и имя Руслана. У меня подкашиваются ноги и я сажусь на ближайший стул, взвешивая, отвечать мне ему, или не стоит.

Но израненное, влюблённое, а ещё стыдливо краснеющее сердце заставляет ответить на звонок.

— Алло?

— Малых, как дела? — он старается звучать как всегда беззаботно, но я слышу, что с

ним что-то не так. — Где ты? Давай по городу покатаемся? Поболтаем.

У меня очень громкий динамик. И я понимаю, что Дамир все слышит.

Поднимаю на него взгляд: сидит чернее тучи за столом, наколов на вилку огурец, но так и не съев его. Он злой. Это видно, это чувствуется. Ещё пару мгновений и ему нужна будет новая вилка, потому что та сломается, так сильно он сжимает ее в руке.

Дамир смотрит на меня. Он не качает головой и не говорит ни слова, но я вижу в его глазах не то что просьбу отказаться... Я вижу в них молчаливый приказ.

— Руслан, я... — не успеваю отказать ему, как он перебивает.

— Малых, нам очень надо поговорить.

Я надеюсь, ему не придёт в голову извиняться. Но разговор наверное и правда нужен? Меня охватывает паникой и начинают дрожать руки от понимания, что он наверное хочет признаться мне в измене. Это так... ужасно.

— Хорошо. Я буду у твоего дома минут через сорок, — говорю и бросаю трубку.

— Не ходи, — говорит Дамир тут же.

— Почему вдруг? — мне настолько больно сейчас, что я буду закрываться нападением даже неосознанно. Несмотря на то, что больно мне от Руслана, а нападать придется на Дамира.

— Ты серьезно?! Мало дерьма он тебе принес?

— Он всё ещё мой парень, ну или по крайней мере официально мы не расстались, несмотря ни на что.

— Сойдитесь ещё, — кивает он зло. — Подумаешь, трахнул другую, херня какая.

— Не говори так со мной! — когда наша взаимная поддержка и объятия переросли в это?

— А как с тобой говорить, Аня?! — Дамир бросает вилку на стол и встаёт на ноги. Меня охватывает паника. — Ты серьезно собралась к нему сейчас?!

— Да! Это проблема?

— Никаких проблем, Ань. Всё ахуенно просто.

Он выходит из кухни и через минуту я слышу хлопок двери спальни. Стираю слезы со щек и иду в зал, чтобы переодеться в свои вещи и уйти отсюда. Мне хватает на сборы минут семь. А ужин наш так и остаётся нетронутым, когда я выхожу, оставляя ключи на полке и захлопывая за собой дверь.

Глава 31. Аня

Мне обидно и больно от того, как Дамир говорил со мной. Я вообще не видела никогда, чтобы он кричал, а тут сорвался. А за что? Я не понимаю! Что я плохого-то сделала? Согласилась поговорить с Русланом? Конечно я согласилась. И искренне считаю что этот разговор после всего случившегося нам необходим.

Мне сложно понять реакцию Дамира, правда, ведь я ничего плохого ему не сделала, чтобы он так себя со мной вел. Ушла так быстро, как только могла, оставила его ключи и практически убежала, несмотря на то, что с Русланом договорилась встретиться только через сорок минут. Ладно. Посижу на лавке у его дома, не проблема.

С трудом сдерживаю слёзы и выхожу из подъезда Дамира, тут же натыкаясь на когда-то любимый, а сейчас только делающий больно взгляд Руслана. Его дом совсем недалеко от дома Дамира. Он сидит на капоте своей машины и курит, и смотрит точно на меня. А потом поднимает взгляд и я почти уверена, что смотрит он в окна Алиева.

Делаю глубокий вдох и подхожу к нему. Мне приходится собрать все силы в кулак, чтобы сделать эти несколько шагов.

— Ну привет, малыха, — говорит Руслан, продолжая курить.

— Ты хотел о чем-то поговорить. Говори.

Он молчит недолго, делает ещё пару затяжек и смотрит на свои кроссовки. Бросает окуроч, тушит его парой рваных движений и неожиданно поднимает взгляд, спрашивая:

— У тебя есть что-то с Дамиром?

Меня ледяной волной окатывает. В нем, кажется, нет претензии, но я в таком состоянии что мне тяжело разобрать.

— Что, прости?

— С Али. Ты так часто у него, и даже сейчас вышла отсюда, а Яр как раз говорил что его отпустили домой. С ним была?

Я начинаю злиться. Не для такого разговора я сюда пришла. Точно нет.

— Да, я ночевала у него, — говорю, наплевав на то, как это будет звучать. — Застукала тебя вчера с какой-то бабой в прихожей, выпросила ключи у Ярослава и ушла спать туда.

— Так ты видела...

— К сожалению, — во мне столько злости, что даже плакать не хочется. А еще храбрости, откуда только она взялась? — Так себе зрелище, если честно.

— Прости, малых. Тебе явно нужен кто-то получше, чем я. Я не буду говорить что ошибся или еще какое дерьмо. Сделал что сделал. Был вменяем и знал, что делаю.

— Не очень приятно звучит, ты знаешь, — в эту секунду во мне смешивается всё. И злость, и обида, и всё-таки новая порция слёз.

Над нами неожиданно гроыхает и начинает капать дождь. Как в дурацкой мелодраме. Он холодный и жутко противный, усиливается и неприятно бьет по щекам.

— Садись в машину, — говорит Руслан, порываясь открыть мне дверь.

— Я не сяду к тебе.

— Я не трону, клянусь.

— Я верю. Мне просто неприятно. Мы же... ну мы ведь даже не расстались толком, а ты вот так. Мог бы просто предупредить, что у тебя другие отношения, ну или что там у тебя.

— Ты классная, правда. Это я мудака. Мне даже стыдно перед тобой, хотя никогда

раньше стыдно не было. Малых, я не знаю, чё говорить. Шел сюда признаться, а ты оказалось в курсе всего.

— А я думала ты шел сюда в очередной раз высказать мне за Дамира, — шурусь то ли от злости, то ли от уже сильного ливня. Дождь усиливается очень быстро, я вымокла вся, мне противно и холодно.

— Да он втрескался в тебя, я чё, не вижу? Но я без наезда. Ну типа. Если у вас всё получится, я только рад буду.

— И что ты добрый вдруг такой стал?

— Не издевайся. Я по-доброму хочу. Ты первая девчонка перед которой мне стыдно. И первая, кому не хочу делать больно. Хотя походу уже сделал... Бля.

— Всё нормально, Руслан, — я очень надеюсь что из-за дождя не видно, что у меня глаза на мокром месте. — Я рада, что ты сразу же решил признаться. Да и в последнее время у нас правда не клеилось ничего. Всё к лучшему. Я и правда достойна кого-то чуть более ответственного, чем ты.

— Засранка, — он посмеивается, а мне всё-таки становится легче. Ну всё действительно катилось ко дну. Закончилось дерьмово очень, да и в целом отношения оставляли желать лучшего... Просто я дура слепая была. А сейчас отчего-то озарение по голове постучало, что оказывается никакой любви-то и не было. — Обнять-то тебя можно? Не чужие же люди.

— Если только как друг, — в груди всё еще щемит от этого, но я старательно убиваю грусть внутри на корню. Не стоит страдать. Я достаточно выплакала за эти сутки, чтобы сейчас принять это всё с улыбкой.

Ливень сумасшедший, но мы всё-таки обнимаемся, таким способом прощаясь друг с другом и говоря спасибо за все хорошие моменты, а они были, несмотря ни на что.

— Он сейчас из окна на меня прыгнет, — говорит Руслан на ухо, и я отстраняюсь, замечая, что смотрит он точно на окна Дамира.

— Какие вы оба придурки, а, — закатываю глаза, но становится странно весело. Наверное, это истерика. Не знаю. Но мне больше не стыдно ни за что перед Русланом. Я корила себя за ту ночевку у Дамира или за тот несостоявшийся поцелуй... Сейчас — нет.

— Тебя домой отвезти, или ты... — не договаривает, но тонко намекает, спрашивая, пойду ли я обратно к Дамиру.

— На такси доберусь. Мне всё еще больно, Руслан, — говорю ему правду, потому что я не могу вот так по щелчку пальцев стать ему просто лучшей подругой. Это странно. По крайней мере странно делать это так скоро.

Я легко прощаю людей, стараюсь не держать зла, не думать о ком-то плохо. Все имеют право на второй шанс, и пусть второй шанс для нас с Русланом будет дружеским. Возможно, у нас получится. А если нет... Ну, значит нет.

— Ладно, — кивает, — я тогда поеду.

Он садится и уезжает быстро, а я так и стою под дождем. Поднимаю голову вверх и морщусь. Ливень заливает лицо, я вся промокла насквозь, можно вывешивать на балкон сушиться минимум дня на три...

Я думаю о многом. Но больше всего в голове крутятся слова Руслана о чувствах Дамира... Почему они все говорят, что он в меня влюблен? Как они могут замечать что-то, если он ледяной как айсберг и безэмоциональный, как кусок скалы? С чего они вообще все это взяли? Мама, Ярослав, теперь Руслан вот... Такое ощущение что все меня пытаются убедить в том, чего нет. Ну либо я просто слепая.

Все эти мысли просто не дают развернуться мне и пойти ловить такси до дома. Я просто не могу. У меня каша в голове и ураган в душе. Мне больно, обидно, грустно, и невероятно сильно хочется чувствовать себя нужной.

Папа на работе постоянно, у мамы другая семья. Я не виню их ни в коем случае, и знаю что все равно для них самая любимая, как и они для меня. Но мне так мало этой теплоты... И очень одиноко от этого. Друзей у меня не так много, близких и вовсе единицы, а с парнем вообще не заладилось. А я просто хочу любви. Банальной заботы и нежности.

И я так глупо иду туда, откуда только что сбегала, хлопая дверью.

Потому что этот человек, несмотря на свою холодность и безэмоциональность каким-то чудом помогает забыть мне об одиночестве. Я поэтому не вылезала из больницы, поэтому общалась с ним в компании больше всех. Потому что с ним удивительно спокойно и легко.

А может, это и есть то, о чем говорят все?

Мне так по-женски хочется узнать. А с другой стороны это так некрасиво.

Дамир — замечательный. Правда. Несмотря ни на что он добрый и чуткий. Он лучше, чем кажется ему самому, и я не хочу делать ему больно. Что я чувствую к нему? Тепло. Мне тепло с ним. Комфорт. Уют. А еще я знаю что Дамир очень привлекательный молодой человек. Ещё несколько дней назад я пыталась это отрицать чтобы не быть ужасной, то сейчас я могу признаться себе в этом.

Боже, почему так сложно!

Забегаю в подъезд и вмиг ощущаю, как холодно от дождя. Бегу по лестнице, минуя медленный лифт, и замираю перед той самой дверью.

А что я ему скажу? Мы поссорились прежде чем я ушла, хотя я и не считаю себя виноватой. Он вспылал, даже не захотев меня выслушать.

Тихонько стучу в дверь. Так тихо, что сама едва слышу. В голове вертится дурацкое, что если судьба, то он каким-то чудом услышит и откроет. А если нет...

Я жду секунд десять, за дверью тишина. Не судьба?

— Да ты стучи сильнее, не слышно ведь ничего, — звучит сзади каким-то женским голосом. Какая-то женщина, видимо, соседка. А и правда ведь.

Стучу сильнее. Заметно громче. Это такая правдивая и правильная фраза... И она касается точно не только стука в дверь.

И Дамир открывает!

В первые секунды пока крутится замок, у меня замирает внутри всё. Сердце падает к полу, ноги становятся ватными. Сейчас всё по-другому. Иначе чем полчаса назад.

Сейчас я почти уверена, что все слова о влюбленности его в меня — правда. А еще моё сердце свободно, хоть еще и немного болит. И я... и мне нравится Дамир. Походу уже давно. Плохие отношения с Русланом не оставили мне шанса не смотреть на других парней, но я слишком дорожила тем, что было между нами, чтобы позволить себе думать о том, что мне может нравиться кто-то другой.

— Забыла что-то? — спрашивает сразу, как появляется на пороге. Злой. Эмоциональный. Такой, от которого даже мурашки. Чёрт... Кажется, он нравится мне куда сильнее, чем я даже могла подумать.

— Угу, — киваю, и Дамир отходит в сторону, пропуская меня внутрь.

Мне дико холодно, но у меня всё кипит внутри. Я так волнуюсь, словно... да я не помню даже, когда последний раз так волновалась!

Стою напротив Дамира и не знаю, что говорить и как себя вести. Я ведь ничего не

забыла. Всё-всё собрала, когда убегала.

— Помирились? — начинает он. Челюсти сжимает так сильно, что мне слышен скрежет зубов.

— Расстались, — отвечаю негромко, пожимая плечами. — Никто из нас не собирался мириться. Он уехал наверное к новой девушке, а я... А я пришла к тебе.

— Почему?

— Что?..

— Почему ты ко мне пришла, Аня? — он режет меня взглядом и добивает словами. И сейчас я вижу то, о чем все говорили. Боже... Я должна ему сказать! Сказать все, что чувствую, даже если этого пока ничтожно мало.

— Потому что я очень замерзла. А мне только с тобой тепло.

Глава 32. Дамир, Аня

Меня передергивает от злости, когда я вижу их в окно. Не могу не смотреть. Может это новая форма мазохизма — не знаю. Но я стою и смотрю. Как они разговаривают, а потом обнимаются, словно самая крепкая пара в мире. Как будто и не было ничего. Как будто он не трахал другую у нее на глазах, а она не рыдала всю ночь из-за этого.

Я всегда говорю, что предательство, это одно из худшего, что может быть в жизни. Его нельзя простить, оно ломает изнутри всё, превращая в крошево. И я, блядь, не понимаю, как Аня может прощать Руса. Я не понимаю! Она так слепо его любит? Да не верю! Ну не совсем же дура она, в конце концов.

В голове нихера не укладывается, внутри пожарище, который не потушить. Аня мне ничего не должна, но сука, что ж так больно? Ухожу от окна, потому что невыносимо. Нахер. Я зря не зарыл все это в себе в самом начале, знал же, чем всё обернется.

Я слышу какой-то тихий стук, сначала думаю, что кажется, но потом он становится громче. Открываю дверь и застываю. Я ожидал увидеть кого угодно, но не ее.

Мы о чем-то говорим. Я херово понимаю, если честно, больше ради приличия поддерживаю диалог, а сам сдерживаюсь с трудом, чтобы не натворить глупостей.

До края сознания долетает громкое слово “расстались”, а потом какое-то странное инопланетянское признание, которое в тусклом свете лампочки в моей прихожей звучит круче всего в мире.

Я не могу себя контролировать. Всё, нахер, разучился. Всё, чему учился долгие годы, рухнуло под легкой улыбкой одной странной активистки.

И в этот раз я не собираюсь извиняться. Я сразу целую. Потому что пошло оно всё...

Аня

Я совершенно не понимаю, что происходит, но меня словно ураганом каким-то сметает и прибивает к стене. Я не успеваю вскрикнуть от неожиданности, я даже подумать не успеваю, как сильное и горячее тело прижимается катастрофически близко, а теплые губы накрывают мои.

Это совершенно иначе, чем в тот раз у фитнес-клуба, странно, но я успеваю сравнить. Это абсолютно другие эмоции. Я не берусь утверждать, что было внутри у Дамира в прошлый раз, но сейчас это точно что-то другое. Здесь... облегчение. Правда. Я слышу его выдох прежде чем он набрасывается на мои губы.

А еще здесь какой-то трепет. Несмотря на то, что он напирает ураганом и заставляет забывать обо всем одним только поцелуем, он довольно нежный. Рукой сжимает мою шею сзади, и я успеваю подумать о том, что ему всё еще может приносить это боль... Но он не отпускает и не говорит ничего, не отстраняется несмотря ни на что...

Он очень теплый, и я, вся мокрая от дождя, неосознанно прижимаюсь к нему ближе в отчаянных попытках согреться.

Этот поцелуй существенно отличается от того около фитнес-клуба, потому что... Потому что сегодня я Дамира не отталкиваю. Я не собираюсь кричать и плакать, не хочу обвинять его ни в чем и бросаться на него с кулаками. Я... я хочу целоваться.

Глупо, наверное, что так всё скоро, но мне так правильно. Мне хорошо именно здесь и сейчас, и я больше не хочу отказываться от этого и пытаться уговорить себя, что мои чувства к Дамиру только лишь дружеские.

Он целует меня очень страстно, меня окатывает волнами его эмоций сильно, от этого тяжело дышать. Поднимаюсь на носочки, чтобы обнять его за шею крепче, на секунду отстраняюсь, чтобы перевести дух, но Дамир не продолжает поцелуй. Что...

— Чёрт... — говорит он громко, и меня охватывает паникой. Только не говори, что ты передумал. Не разрушай всё, как сделала в прошлый раз я. Я же только поверила, я же... — Рано я, да? — вдруг он задает вопрос, от которого улыбка тянется по лицу.

Качаю головой, отвечая отрицательно. Он настолько по-настоящему обеспокоен, что мне летать хочется. Почему он каждый раз говорит, что плохой человек? Он один из лучших, кого я вообще встречала.

— И не будешь кричать и убегать сломя голову? — спрашивает еще раз, и я улыбаюсь еще шире. Он тянется снова, но в этот раз отстраняюсь я, хотя делать этого до ломоты в пальцах не хочется. Дамир смотрит на меня с долей испуга, и я спешу его успокоить, дрожащими губами произнося:

— Я действительно очень замерзла.

У меня стучат зубы, а вещи всё еще мокрые насквозь. С волос стекают ручейки прямо на пол прихожей, а в обуви целое озеро — хоть лягушек запускай.

— Чёрт, точно, — он так смешно реагирует на всё, что мне мигом становится плевать на весь холод. Мне, но не Дамиру. — Я принесу тебе что-то надеть, иди пока в душ.

Немного прихрамывая он идет в спальню и приносит мне свою толстовку и спортивные штаны. Наверняка я буду выглядеть в этом супер-смешно, потому что Дамир выше меня на голову и шире в плечах раза в три точно. Честности ради, мне хватило бы одной толстовки, но его забота о моем тепле кажется невероятно милой.

Я убегаю в душ под горячую воду и думаю обо всём, но для меня самой странно, что в мыслях нет места боли от расставания или грусти по Руслану. Скорее всего это эндорфины и эмоции от всего произошедшего, но честности ради, я совсем не хочу страдать. Я пережила уже очень много плохих эмоций. Во время болезненных наших моментов в отношениях, в наш перерыв, а потом когда застала его с другой. Мне хватило этого с головой и теперь я хочу наслаждаться настоящим.

Натягиваю на себя всё, что принес Дамир, а вещи развешиваю на сушилке для полотенец в ванной. Мокрые трусики прячу под низ вещей, чтобы не смущать никого из нас двоих, и в сотый раз хвалю себя за то, что всегда ношу запасные. Без белья было бы очень уж некомфортно...

Выхожу из ванной и ищу Дамира по квартире, а потом замираю, когда нахожу его на кухне. Потому что он стоит у коробки с лекарствами, опираясь рукой на столешницу и зажмурив глаза. Рядом открытая баночка обезболивающего, чёрт...

Ну почему он такой упрямый? Ну почему нельзя было остаться в больнице еще немного? Его раны и переломы — совершенно не шутка!

— Эй, ты как? — подхожу к нему и касаюсь рукой плеча, а он тут же “оживает” и делает вид, что в полном порядке. Ясно. Не слышал, как я вышла из душа и не успел войти в образ.

— Да порядок, мелкая, не парься. Зуб ноет.

— Совесть твоя ноет, что ты без разрешения из больницы ушел, — меня злит эта самодетельность. Разве можно так относиться к своему здоровью?! Это не шутки! если врач еще говорил, что рано уходить, значит рано! Господи...

— Ань, не нагнетай, я в порядке.

— Ага, если ты в порядке, то я не утонула в твоих штанах, — привожу самое странное в мире сравнение, но я правда утонула! Могла бы спокойно влезть в одну штанину. Пришлось шнурки затянуть так, что штаны в поясе сложились почти пополам. — Пошли, — беру его за руку и осторожно веду в спальню. Ему нужно больше отдыхать, лежать, не напрягаться и не нервничать.

— Аня, я в норме.

— Слушай, — поворачиваюсь к нему лицом, когда останавливаемся в коридоре, — я тебе кровь свою отдавала, чтобы ты поправился, а не чтобы угробил себя, ясно? Ляжешь и будешь лежать.

— Ты командуешь? — спрашивает, удивляясь, сбивая меня с толк. Я командую?..

— Да, я командую! Раз ты сам позаботиться о себе не можешь, отныне этим буду заниматься я.

Глава 33. Дамир

Оу, фак, она не шутила, когда абсолютно командирским тоном говорила мне, что отныне будет заботиться обо мне. С одной стороны приятно до странного: обо мне вообще никто никогда не заботился. Буквально никто и никогда, за свои двадцать пять я ни разу не сталкивался с проявлением хоть каких-то нежных чувств в мою сторону. С другой стороны я свалил из больницы чтобы дышать свободнее, а активистка в моей квартире лазарет устроила, забыв спросить мое мнение по этому поводу.

Она то как ребенок маленький неуклюжий, то командирша, которой и слова поперек не скажешь. Уложила в кровать, лекцию прочитала. Я бы и рад сопротивляться, и потом обязательно так и сделаю, но сегодня мне чёт особенно хреново. В больничке-то каждый день обезбол и витаминчики, я и был огурцом. А тут все, ни одного, ни другого.

В очередной раз Аня заходит в команду с боевым настроем, это видно невооруженным взглядом, ей разве что ножа на бедре не хватает и двух полосок на щеке. В руках аптечка и ножницы, которые я даже понятия не имею где она достала, потому что в моей квартире я их последний раз видел около полугода назад.

— Что снова? — спрашиваю. На сегодня уже было измерение температуры, горсть витамин, бульон, чай, мокрая тряпка на лоб и массаж шеи, чтобы прошла головная боль. Последнее мне особенно в кайф было, ее пальцы точно волшебные, я чуть не кончил от прикосновений, с трудом сдержался чтобы не опозориться. У меня давно не было секса, и несмотря на то, что сейчас я не в лучшем состоянии и вряд ли осилю потрахаться, желание от этого никуда не девается. А тут еще и Аня. Ее нельзя не хотеть. Дохну ровно с того момента как запал на нее.

— перевязки, тебе нужно обработать раны, забыл? Или зажило всё уже? — этот мнимый образ командирши меня до колик радует, несмотря на то что немного всё-таки бесит. Я ей позволю поиграть в больничку, раз ей так хочется, чем бы дитя не тешилось. Не знаю, на сколько моего терпения хватит, но пока держусь.

Аня садится рядом со мной на кровати, показательно двигая меня чуть дальше к центру бедрами. Достает из коробки заживляющую подру, пластырь, что-то еще. Не смотрю толком, что она там колдует, залипаю на ней. Бля, какая она красивая...

— Ты чего? — ловит меня за разглядыванием и тут же краснеет... Порываюсь сказать ей, почему палился, но замолкаю сразу же. Блять. Надо поработать над выражением своих чувств, девчонка явно расстроилась из-за моего молчания, а расстраивать ее я не хочу. — Давай плечо.

Образ медсестры ей странно подходит, не хватает только халатика и будет копия. Жалею о спонтанной фантазии сразу же, потому что картинки в голове остановить уже невозможно. Бля-я-я-я... да я сдохну так! Раньше спортом отвлекался, убивался там и проще было, а сейчас мне что делать? Думать о дохлых крысах, чтобы отпустило?

Аня колдует над моими ранами со знанием дела, я даже спрашиваю, не в меде ли она учится, но оказывается, что учится активистка на сценариста. Талантливая инопланетянка, не удивлен даже.

С плечом разбирается быстро, с раной на боку тоже, только немного смущается, когда пальчиками касается мышц пресса, над которыми теперь надо пахать и пахать, чтобы вернуть нормальный рельеф.

— Так, закончили, — говорит, наклеивая пластырь на рану под ребрами, — теперь бе... бедро, — застывает и сразу краснеет. Бля, ну ангел, как такое в наше время вообще возможно? Она краснеет от слова член?

Я понимаю, что ей неудобно и не буду заставлять ее чувствовать дискомфорт. У меня в голове до сих пор та картина, когда ее Рус зажимал, а она отпиралась в подворотне. Тема всякой близости для нее явно болезненная, а я, повторюсь, больно делать ей не хочу.

— Забей, мелкая, заживет само.

— Да сейчас же! — говорит, глядя на меня как на идиота. Пальцем у виска разве что не крутит. — Снимай штаны.

— Так сразу? — пытаюсь увильнуть от этого как-то. Неудобство Ани не единственная проблема. Есть вторая: я схожу от стояка если она меня там потрогает. — До свадьбы?

— Дамир, я не шучу! Раны нужно обработать, это серьезно. Давай, — сама же краснеет, но не отступает. Нереальная вообще.

Стягиваю штаны до колена и в следующие несколько минут, что она надо мной издевается, сдыхаю.

У нее либо хреновое зрение, либо она от сосредоточенности так делает, но она наклоняется очень близко во время процесса. Я заметил это еще когда она сырники готовила, но значения не придавал. И если с плечом мне было почти нормально, с животом чуть хуже, но в целом терпимо, то тут... Это ахуеть можно. У меня нет других слов. Мне кажется что пульс под триста шкалит во время этой пытки, просто адской пытки!

Уверен, она видит мой стояк, уверен, это смущает ее до предела. В какой-то момент мне по-идиотски хочется за него оправдаться, но молчу, чтобы не акцентировать на этом внимание, раз она сама молчит.

Хер знает, как я продержусь с ней... Хорошо что в гипсе только одна рука, походу, мне частенько придется представлять Аню в душе.

— Вот теперь готово, одевайся, — говорит она с напряженной улыбкой и встает, чтобы сложить лекарства обратно в коробку Что такое? Почему напряжена? Я опять сделал что-то не так и всё испортил?

У Ани падает из рук пластырь, она очень странно себя ведет, а когда наклоняется за упавшей вещью хер пойми вообще каким чудом ударяется об стол запястьем. Я даже не успеваю уследить этот момент как она уже скулит и оставляет на своей руке крошечные поцелуи.

— Ты что делаешь?

— Мама всегда целовало, чтобы прошло, привычка осталась, — говорит она чуть не плача. Походу, больно ударилась.

И вот я мозгом-то понимаю что поцелуи точно никак боль не излечат, а тело опять мои мысли не слушает и делает все как ему вздумается.

Через секунду я целую запястье у Ани, осторожно и медленно, ловя себя на мысли, что никогда и ни для кого такого не делал. Она ломает меня, или наоборот исцеляет, я уже сам не понимаю, как это назвать правильно.

Спустя минуту она сидит около меня на кровати и мы целуемся еще жарче чем утром в прихожей.

Я всё еще не натянул штаны обратно, а Аня так и не собрала все лекарства в коробку.

Бля, как я её хочу. Это невыносимо. Сделать всё, что умею и научиться новому вместе с ней. Меня никогда так не крыло, я принял эти чувства с трудом, а теперь не знаю куда их

дети, их слишком много, а вылить на Аню все сразу не могу: это будет перебор для нее пока.

— Дамир... — тихо скулит красавица мне в рот и я жмурюсь сильнее, стараясь не сдохнуть.

Сам не понимаю как, и кто из нас выступает инициатором, но в следующую секунду я возвращаюсь в сознание когда мы оба лежим на кровати и я немного нависаю над Аней, опираясь на локоть той руки, что в гипсе. Очень удобно, кстати.

Мне хочется сорвать с неё все тряпки, что сам ей и дал, хочется облизать всю с ног до головы, сделать столько всего... Но торможу, позволяя себе только бешеные поцелуи, но даже от них моя девочка задыхается.

— Жарко, хочу снять... — слышу я сквозь пелену возбуждения и в следующую секунду Аня скидывает мою толстовку, оставаясь... — Господи, я забыла, что я без майки! — она краснеет и бледнеет и хочет сбежать от неловкости, но я ее не пускаю. Она прикрывается руками, вся дрожит, но страха в ее глазах нет. Маленькая тоже возбудилась, раз настолько потеряла голову?

— Убери руки, — хриплю я в полубреду, то ли умоляя, то ли приказывая. — Я не сделаю ничего без твоего согласия.

— Я знаю... — шепчет доверчиво и, зажмурившись, опускает руки...

Глава 34. Дамир, Аня

У меня никогда такого не было. Чтобы прям вот так жестко. Когда и губы дрожат, и руки не слушаются, и сердце на разрыв просто из грудной клетки.

Я никогда и никого не чувствовал так остро. Я еще никогда никого не хотел настолько сильно.

Аня руки убирает, доверяет мне, а ядохну, глохну, слепну сразу. Только чувствую. Чувствую ее мурашки по животу и рукам, тяжелое дыхание и бешеный пульс. Оба сердца сейчас к чертям просто вылетят.

Аня не закрывается, отчего я еще сильнее схожу с ума. Лежит подо мной, дышит с трудом и смотрит из-под опущенных ресниц. Ждет, что я буду делать, но при этом ничего не запрещает. Не останавливает, хотя я уверен, дискомфорт или страх она бы не стала терпеть.

Опускаю голову и касаюсь губами ключицы. Аня вдыхает резко от прикосновения и замирает, всё еще не отталкивая.

Я сдохну от возбуждения, но не трону ее и пальцем, если она не захочет и не позволит. Но пока она позволяет, и я целую дальше, нагло продолжая прощупывать границы.

Аня

Мне кажется, что я умерла. Ну или точно умру в эту самую секунду. Я с трудом соображаю что происходит, только чувствую, как меня колотит и как оставляет отметины на моих ключицах и шее Дамир.

Я лежу под ним с оголенным верхом, тяжесть его тела немного перекрывает кислород, в голове пустота, а внизу живота бушует настоящий ураган. Дамир касается кожи губами очень медленно и аккуратно, но я вздрагиваю от каждого контакта, словно он бьет меня током, так остро всё чувствую.

Перед каждым движением он притормаживает и бросает на меня секундный взгляд, прощупывая границы. А я не могу его останавливать. Я не... я не хочу этого делать. Я позволяю себе пару секунд подумать о том, что мне странно не страшно. Сколько раз Руслан просто намекал на близость и я убегала в панике от него, то тут, я ближе чем с кем-либо, но мне не страшно.

Мне, чёрт возьми, так хорошо, что с губ срываются тихие вздохи.

— Бля, как ты стонешь, — хрипло шепчет Дамир, прикусывая кожу на груди. Дрожу, забываю нормально дышать и схожу с ума от количества чувств и эмоций, бушующих внутри.

Снова отключаюсь, умирая от горячих губ, не протестую против движений Дамира, только отзываюсь тихими стонами и тяжелым дыханием.

А потом резко прихожу в себя, когда его губы смыкаются у меня на груди.

Боже! Это слишком остро, я не выживу в этой гонке, я не...

Дамир

Она не сопротивляется и так сладко стонет, что у меня срывает все стоп-краны. Накрываю ртом один сосок, облизываю и чуть не кончаю от вкуса и наслаждения.

Аня стонет громче, срывает мне башню окончательно, но всё еще не тормозит. Кладет ладошку на затылок, пытаюсь схватиться за короткие волосы, пока я жадно целую, облизываю и кусаю манящую грудь.

Не могу оторваться. Это какое-то безумие. Губы словно приклеило к ее коже, скользну ниже к ребрам и возвращаюсь к шее, снова впечатываясь в губы.

Аня отвечает с еще большим рвением, отчего мне окончательно срывает башню. Малышка возбуждена, обнимает меня руками за спину, шею, гладит по затылку и сжимает мне ногу своими бедрами, вряд ли вообще отдавая отчет этому действию.

Она целует сладко, кусает губы и награждает очередной порцией стонов, которые я жадно сжираю, обещая себе что никто кроме меня эти звуки слышать не будет.

Наглею и свободной рукой накрываю грудь Ани, сжимаю аккуратно, боясь от возбуждения причинить боль, играюсь с соском, слыша тихое шипение.

Шипит, точно кошка, и выгибается ко мне навстречу также.

И всё еще не тормозит.

Мне сложно сдерживаться и я немного спускаю сам себе поводок. Она дает зеленый свет, а я слишком в ней утонул, чтобы давать заднюю.

Снова спускаюсь губами по телу: шея, ключицы, грудь, ребра, плоский подрагивающий живот...

Дохожу до резинки трусиков — мои слишком огромные для нее штаны чуть сползли вниз — и прохожусь губами по кромке, ходя по самому лезвию ножа.

Я слышу ее запах, вижу как она выгибается и чувствую, как сжимает бедра. Это, блядь, адский аттракцион для моей выдержки, хуже самых стрёмных американских горок.

Решаюсь пойти ва-банк. Всё или ничего. Только сейчас.

Поддеваю руками резинку штанов, начиная стягивать их вниз, и Аня тут же замирает...

Аня

Внезапно в голове целый рой мыслей. Когда лежу на спине в полубреду и смотрю на черные как ночь глаза, что сияют на уровне моего живота.

Он остановится, как только я замерла и посмотрела на него. Резинка штанов все еще сжата в его кулаке, но он не двигается и не продолжает свою затею.

Хочу ли я этого? Не пожалею ли я? Могу ли доверять Дамиру сейчас? Доверяю ли я ему в эту секунду?

И черт, да! Что бы ни было дальше — я доверяю. И я хочу.

Внутри совершенно нет страха, в груди не щемит и голова не болит. Мне свободно, тепло и комфортно так, как никогда до этого.

Я бросаю голову на подушку, окончательно сдаваясь и слышу облегченный вздох. Он боялся?.. Что могу остановить его? Господи... Я сейчас мигом в него влюблюсь.

А дальше всё как в тумане. Потому что когда Дамир стягивает с меня штаны и целует мои бедра — я не в силах мыслить здраво и понимать, что вообще происходит.

Это очень остро. Каждое его касание, что близко, на грани, катастрофически близко. Каждое его движение, каждый поцелуй, каждый вздох и громкий рык.

Дамир клеймит поцелуями всё мое тело, живот, бедра, колени... Он осторожно раздвигает их руками, целует внутреннюю поверхность бедра, заставляя меня в сотый раз потерять голову, а потом...

— Дамир!

Мир сужается до размеров этой кровати, всё вокруг перестает существовать. И я перестаю, совершенно точно перестаю. Умираю и попадаю в рай, улетаю куда-то за облака, где нет боли, предательства и совершенно несправедливого мира. Туда, где есть только его сильные руки, сладкие губы и сумасшедшее наслаждение.

Дамир целует меня там через ткань трусиков, но и этого мне хватает, чтобы потерять голову. Я словно со стороны слышу свои стоны и всхлипы, совершенно не могу это

контролировать и прикусываю свой палец, чтобы не стонать так громко. Но иначе не получается!

Он не дает мне молчать, потому что сжимает рукой то бедра, то грудь, а потом отодвигает трусики в сторону и я окончательно теряю связь с реальностью.

Я чувствую его язык, который касается то медленно, то набирает темп и делает всё гораздо быстрее. Я чувствую как он проходит по клитору, вызывая приступы дрожи, или осторожно гладит половые губы, словно успокаивая меня.

Я мечусь по подушке из стороны в сторону, пытаюсь, честно пытаюсь не стонать на весь дом, но это невозможно.

Руки тянутся к Дамиру, я снова пытаюсь ухватиться за волосы, которых почти нет, и царапаю ногтями кожу на его затылке в порыве эмоций.

Чувства раскаляются до предела, это так остро, что почти больно. Я испытывала оргазм раньше, мне девятнадцать, конечно я мастурбировала, но то, что происходит сейчас... Это нельзя сравнить.

Я чувствую удовольствие, оно накрывает меня волнами, подводя к краю всё ближе и ближе.

Не могу больше думать, не могу стонать, не могу дышать. Все чувства замирают на короткий миг, я напрягаюсь неосознанно, а потом взрываюсь, выкрикивая имя этого невероятного мужчины.

Меня колотит так, словно я стою без одежды на морозе, руки не слушаются, а пальцы и губы немеют. Я чувствую пульсацию внизу, чувствую губы Дамира, которые оставляют еще несколько поцелуев, а потом крошечной дорожкой поднимаются вверх по моему уже расслабленному, но всё еще очень чувствительному телу.

Он накрывает мои губы своими, делится моим вкусом, но удивительно это не противно. Наоборот... Это оказывается очень возбуждающе, и я ловлю себя на мысли, что если бы Дамир продолжил — я зашла бы дальше почти не раздумывая.

Но он явно не собирается, с каждой секундой притормаживая только сильнее.

— Вам противопоказаны такие нагрузки, больной, — удивляю сама себя, когда вдруг решаю заговорить. Наверное, если бы не решилась, сгорела бы от смущения потом в тишине.

— Твой оргазм — лучшее лекарство, — он всё-таки заставляет меня гореть одной короткой фразой, даже не смущаясь. Он абсолютно серьезен, и я вижу в его глазах что-то, что никогда еще ни у кого не видела. Это... надежда? Но на что?

— Ладно, — отвечаю, смущаясь. Неловкость зашкаливает. А как вести себя теперь с ним? Господи, я всё еще голая... — И всё-таки, тебе действительно лучше соблюдать постельный режим.

— Мы были в постели, — добивает меня засранет. — Скажешь, когда снимут запрет? Я бы с удовольствием оближу тебя в душе и на кухонном столе.

Глава 35. Аня

Весь оставшийся день мы просто лежим в кровати. Перекидываемся какими-то дежурными фразами и много целуемся. Это так... я не знаю, какие подобрать слова. Это так по-настоящему, что даже не верится, что происходит со мной.

Дамир, оказывается, очень нежный. Нежность — последнее, что приходит на ум при виде него, но он действительно нежный. Даже ласковый. Не знаю, ради меня держится, или на самом деле такой — но приятно до ужаса.

Мы почти не разговариваем, но удивительно и без этого хорошо. А потом Дамир засыпает, а я... А я сбегая домой.

Выбираюсь из кровати, на цыпочках крадусь в ванную, одеваю все ещё влажную одежду, ежась от неприятных ощущений. А потом снова крадусь в комнату Дамира и таки забираю у него футболку, завязывая ее в узел на животе, потому что так мне будет гораздо теплее и комфортнее. А ещё она пахнет приятно.

Пару минут смотрю на спящего Дамира и мысленно извиняюсь за то, что после всего вот так позорно ухожу. Но будить его в не буду: ему действительно нужно отдыхать и много спать, а ждать до утра я больше не могу.

Меня не было дома слишком долго, я от папы не отмажусь. А ещё у меня куча заданий из универа зависли в воздухе, потому что я все дни проводила у Дамира в больнице, а не готовилась к новому учебному году.

Забираю с комода ключи, которые мне давал Ярослав, судя по всему запасные, потому что рядом лежит ещё связка, закрываю за собой дверь и ускоряю шаг, сбегая по ступенькам. Заставляю себя убегать и думать о том, что за пределами этой квартиры у меня есть еще примерно миллион дел, чтобы не было желания вернуться.

Боже, как всё быстро... Это на самом деле так странно. И очень на меня не похоже! Я не могу сравнивать, не имею права, и не должна так делать, но мысли в голову идут сами. Я ведь действительно не могла позволить Руслану ничего больше поцелуев несмотря на то, что мы встречались и мои чувства к нему были более чем чистыми. Я боялась, когда он трогал откровеннее чем стоило или намекал на близость. Меня в ужас бросало, когда он пытался перейти от слов к действиям и я облегченно вздохнула, когда мне удалось убедить его или банально сбежать.

А тут... мы ведь даже не встречаемся. По крайней мере никаких официальных заявлений по этому поводу не было и предложений не поступало. Я толком еще не отошла от предательства, потому что это гораздо большее, чем может показаться. Внутри меня рана, и она кровоточит, и когда я сейчас прохожу мимо дома Руслана — мне неприятно. Я конечно не собираюсь прощать его, страдать и плакать ночами — не после всего. Да и одной ночи слез мне в целом почти хватило. Но сама суть. Я не знаю, хорошо ли повела себя, позволив Дамиру всё то, что он делал... Боже! От одних воспоминаний меня бросает в жар, а кожа покрывается мурашками.

Это как будто была не я. Я ведь всегда побаивалась близости, я думала что смогу переступить черту чуть ли не после свадьбы с тем, в ком буду уверена на триста процентов. А тут... Мне не было страшно совсем, меня словно подменили. Я практически согласилась на полноценный секс! Просто он не стал заходить дальше, но я ловлю себя на мысли, что не отказала бы.

Мыслей в голове огромное количество, одна выбивает другую и все между собой путаются. Знаю одно: я сделала это только по своей воле, и воспоминания заставляют кусать губы, чтобы не застонать вслух прямо на улице.

В автобусе еду и чувствую странное волнение. А что дальше-то? Как мне вести себя с Дамиром, и главное, как он будет себя со мной вести? Это был какой-то формат для того, чтобы сбросить стресс, или он всем тем, что творил со мной, заявлял о чем-то? Просто о его чувствах ко мне я слышала уже ото всех, кроме него самого. И я не могу утверждать, что нравлюсь ему, пока он сам не скажет.

Всё так странно... Кошмар! Я сама себя не понимаю, мне то хорошо, то странно, то волнительно и страшно. Просто это первый раз, когда я позволила зайти парню так далеко, а теперь сама не понимаю, правильно ли поступила.

Хотя... ощущения внизу моего живота при одних воспоминаниях говорят о том, что правильно. В конце концов, я взрослый человек. Наверное.

Поднимаюсь по ступенькам домой с еще большим волнением. От папы было пару пропущенных и смс и я написала ему, что была у подруги, как только вышла от Дамира. Не смогу признаться ему, что была у парня, потому что в его идеальном мире мне всё еще шесть и дружить я могу только с Машкой из садика, а спать с огромным плюшевым зайцем. Не хочу травмировать его психику, пусть так и думает.

Хотя мне кажется, что у меня на лбу написано: “люди, я сегодня чуть не переспала с парнем, у меня была первая близость, поздравьте меня”. И если вдруг папа спросит что-то подобное, я даже не представляю, что буду отвечать и придумывать.

Папу нахожу на кухне, он сидит за столом с нашей соседкой Юлей и о чем-то мило беседует. Они давно встречаются, но папа правда думает, что об этом никто не знает. После развода с мамой он не приводил домой никого, я никогда не видела тут женщин, но с Юлей они пару раз спалились, хотя вида я не подала. Да и ее квартира через стену, а они у нас ну о-о-очень тонкие... Короче, давным-давно я в курсе того, что они вместе, но папа все еще как школьник скрывается. Я думаю, он волнуется, что я буду ревновать, но на самом деле я буду только рада за него. Как радуюсь за маму, что она нашла свое счастье.

— Папуль, привет, — подхожу со спины и целую его у щёку, — Юля, привет!

С Юлей я на ты потому что она не то чтобы сильно старше меня. Ну... Ей где-то тридцать, наверное. Короче, она на десять лет старше меня и на десять лет младше папы. Вроде бы.

— Я не буду спрашивать, где ты ночевала, — ехидничает папа и я тут же краснею, потому что по его голосу понятно сразу, что у меня и правда на лбу написано! — Просто скажи: всё в порядке?

Порядка нет, пап, на одиннадцать из десяти. Всё запутано так, что по полочкам даже клининг на расставит, точно тебе говорю.

— Я в порядке, — отвечаю почти правду. Внутри меня каша из топора, но я-то в порядке. Отлично себя чувствую.

— Футболка классная, — говорит папа, и я застываю каменной статуей. Потому что... Боже! Я ведь стащила футболку Дамира, потому что моя была насквозь мокрая. божебожебожебоже, это всё. Он сейчас точно всё поймет и буду я слушать лекцию о том, как нужно быть аккуратной с парнями и прочее прочее. А он точно прочитает! Папа полицейский, это вам не шутки, тут по стойке смирно стоять надо и ходить как на плацу, несмотря на то, что я чуть ли не единственный человек, который сам может над ним

командовать. — Великовата немного, да? — он снова посмеивается.

— Немного, да.

Хочу срочно сбежать в комнату и смыть со лба все надписи, которые выдают меня с потрохами. Надеюсь, папа отвлечется на Юлю и забудет обо всех нравоучениях.

— Дочь, уделишь нам пару минут?

Да блин!

— Конечно, — стараюсь улыбаться и сажусь с ними за стол. Боже... Это ужасно неловко. Мне кажется, от меня пахнет Дамиром. Еще его футболка. И всё еще фантомные ощущения его пальцев на коже, губ, язы...

— В общем, нам нужно с тобой серьезно поговорить, — начинает папа и я вижу как он волнуется. Решили признаться в том, что она его “зая” называет, когда не видит никто? Это даже мило. — Мы с Юлей вместе.

— Года четыре как в курсе, товарищ полковник, — смеюсь, а потом и вовсе хохочу вслух с выражения лица папы. — Ну что? Я же твоя дочь. Раскрыла дело в два счета.

— Да, дочь генерала это не шутки... — говорит вдруг папа и я замолкаю. Что?!

— Папа! — бросаюсь к нему на шею и целую колючую щеку. Я знаю, как давно он стремился к этому званию, и тут вдруг так просто мне об этом сообщает. Плевать уже и на то, что я в футболке Дамира, и что папа меня раскусил так же, как и я их с Юлей. Гордость берет! Что это мой папа.

— Но и это не все новости, — говорит уже Юля, и мне становится немного страшно. Они беременны?

— У меня будет брат или сестра?

— Когда-нибудь, но сейчас нет, — смущается папа. Вы когда-нибудь видели, как генералы смущаются? А я вот видела. — В общем, мы купили дом. Мы давно вместе и жить в разных квартирах не лучший вариант, и мы решили расширить жилплощадь. Дом прилично больше, чем наша квартира, места там хватит всем, чтобы даже не видеться целый день.

— А квартиру что? — спрашиваю волнуящийся вопрос. Я просто так люблю свою комнату... — Продаете?

— Нет, мышонок, это твоя квартира. Была и будет. Мы, конечно, будем рады, если ты согласишься переехать с нами, и надеемся, что так и будет, но в любом случае эта квартира будет твоей, что бы ты не решила.

И...вау. У меня слов не хватает, чтобы высказать всё, что я чувствую. Это... ну, во-первых неожиданно. Правда. Одно дело официально услышать об их отношениях, а другое услышать о покупке совместного жилья и желании переезда. Нет, я всё еще безумно рада за папу! Но просто очень неожиданно. Слишком много потрясений за день, у меня немного едет крыша.

— А когда переезд?

— Хоть сейчас. В доме всё закончено, твоя комната тоже готова — твои любимые цвета и мебель под заказ. Только вещи перевезти. Ну а если захочешь остаться здесь — там всегда будет комната для тебя и мы будем рады тебя видеть.

— Ты так просто позволишь мне жить одной? — спрашиваю папу, потому что на него это не похоже. Ну вообще не похоже. Он скорее бы не дал мне права выбора и просто притащил бы в новый дом.

— Желание не спрашивать тебя во мне жутко сильное, но Юля очень долго пыталась меня убедить, что ты уже взрослая и считаешься с твоим мнением — это правильною

Ох... взрослая. Знал бы ты, пап, насколько!

— Раз я совсем взрослая, может... Я смогу попробовать жить здесь одна?

Во-первых я и так большую часть времени живу одна, потому что в погоне за звездой генерала папа пропадал в командировках почти весь год. Во-вторых мне не хочется мешать их отношениям. Ну в плане... Я знаю, что папа будет стесняться проявлять при мне какие-то чувства и всякие нежности, а это очень важно ведь для отношений, касаться друг друга, говорить милые слова. Он не станет при мне, я точно знаю. В-третьих, я безумно сильно люблю эту квартиру и свою комнату. Невыносимо сильно. И даже не представляю как могу уйти отсюда, даже если там будет лучший дом во Вселенной. Ну и в-четвертых мне действительно пора становиться совсем взрослой и жить самостоятельно.

— Да, пап, я правда хочу остаться здесь. Но я буду часто приезжать! И оставаться у вас.

Я вижу, что папа расстраивается, но старается держать лицо. Давай, товарищ генерал, пора смириться, что твоя дочь стала взрослой.

Мы обсуждаем дом, оказывается, он будет недалеко от дома, в котором живет моя мама, и это даже немного смешно. Буду по очереди к ним ходить, рядом же.

Я допиваю вторую кружку чая и хохочу над какой-то дурацкой шуткой про полицию, когда на телефон приходит сообщение. На автомате хватаю его и открываю мессенджер, а потом замираю в секунду, почувствовав по спине мурашки.

Дамир: Я напугал тебя?

О боже... Он думает я ушла от него, потому что испугалась?

Аня: Ушла, потому что куча домашки:(

Дамир: То есть, не напугал?

Аня: Нет, мне не было страшно.

Пишу правду, хотя сама краснею как вареный рак. Извиняюсь перед папой и Юлей и сбегая в комнату, потому что у меня снова немного подрагивают руки. Как после...

Дамир: А как было?

Что происходит! Это почти интим переписка, боже, да я сгорю сейчас на месте.

Аня: Приятно:)

Прячу смущение за смайликами, хотя мне кажется, его можно ощутить сквозь километры. И пока Дамир не написал снова что-то, что введет меня в ступор, кидаю ему еще одно смс.

Аня: Утащила у тебя футболку. Постираю и верну.

Дамир: Если она не будет пахнуть теми жуткими духами, а просто тобой — не стирай.

Господи... Как он делает это? И главное: почему в жизни он не говорит так много и откровенно, как пишет?

Это ведь почти признание. То, что он говорит о запахе.

Жуткие духи... Смотрю на полочку — стоят. Подарок Руслана. Они ведь и правда жуткие, хотя я никогда не слышала их на себе, что удивительно. Но запах действительно совсем не мой.

Решительно встаю, беру их с полки и бросаю в мусорное ведро. К чёрту их. Я и пользовалась ими-то только ради Руслана.

Аня: Я приеду завтра... можно?

Спрашиваю, чтобы понять, ждет ли он меня. Ну, мало ли, что у него в голове и какие планы вообще после всего произошедшего.

Дамир: Хочешь, приеду я? Мне не нравится что из-за меня ты катаешься туда-сюда. Или

приезжай и оставайся.

Аня: Надолго?)

Дамир: Да хоть навсегда.

Глава 36. Дамир

Мне всегда казалось, что жизнь — дерьмовая штука. Настолько, что когда несколько раз я был на грани жизни и смерти, то надеялся, что не выживу. Сводить счета с жизнью самостоятельно я не собирался, конечно, но вот когда выкарабкивался после очередного пиздеца — жалел, что спасли.

Так было с самого детства: я возненавидел жизнь слишком рано. Мне никогда не было хорошо, я ни дня в своей жизни не был счастлив. Что это вообще? Быть счастливым? На что похожи эмоции?

Я ненавидел жизнь, наверное, с самого рождения, и она каждый день добивала меня, напоминая, за что я ее так не люблю.

А потом всё в целом устаканилось, я просто жил, работал, переводил немного денег в детский дом, где рос сам, надеясь, что это поможет хотя бы немного детям, которым пришлось выживать там. Помогал старушке соседке, потому что ей тяжело в магазин ходить, поддерживал общение с пацанами со двора, трахал безотказную девчонку и в целом чувствовал себя... ну, нормально.

А потом я влюбился. И всё пошло наперекосяк. В один момент перевернулось не то что с ног на голову, а просто перепуталось и перемешалось.

Во-первых я никогда не знал, что умею любить. Меня любви не научили, я никогда не испытывал и всегда был уверен, что не способен на это чувство. Но Аня меня сломала.

И с тех пор и я идиот влюбленный, и пацаны со двора оказалось больше, чем знакомые. Спасли меня, землю носом рыли, чтобы найти Дикого и его подельников. Ради меня. До сих пор не укладывается... И у старушки вот первый раз сажу ем пирожки, от которых всегда отказывался, и вообще хрен знает что со мной происходит.

Я, походу, от крови Ани реально тоже инопланетянином стал. Seriously. Пишу ей бред какой-то сопливый, веду себя так же. Вот о бабе Вале забеспокоился — спустился к ней на этаж, а та счастливая разобнимала меня, и я не сопротивлялся даже.

Как будто мне не кровь ее перелили, а сердце пересадили.

Проснулся с мыслью, что она рядом — даже почти улыбнулся, вовремя заметил, что Ани и след простыл, только запах остался.

Она перестала пользоваться теми вонючими духами, к которым я так и не смог привыкнуть, и теперь от нее еле уловимо пахнет фруктами и ягодами. Это запах просто снос крыши, от этого ее еще сильнее сожрать хочется.

Я снова ей пишу, перед сном. Хочется посмотреть на нее, но звонить по видео не хочу — при личном разговоре мне слова выдавать сильно сложнее. Несмотря на инопланетянскую кровь внутри меня, я всё еще тот человек, который долгие годы учился молчать и не рассказывать ничего лишнего, поэтому напечатать что-то мне сильно проще, чем сказать. Просто потому что это можно сформировать через силу и нажать “отправить” быстрее, чем захочется треснуть себе за этот детский сад с переписками.

Но Аня вроде не против, наоборот, отвечает бодро, смайлики шлет. Делится тем как день прошел, рассказывает про папу-генерала, о том что у него любовь там, а потом упоминает, что с завтрашнего дня будет жить совсем одна. “Как взрослая” — добавляет смешно, а у меня мысли сразу не туда, куда надо лезут.

Аня сотню раз напоминает мне за лекарства перед сном, и я закидываюсь таблетками и

отключаюсь.

Выныриваю из какого-то идиотского сна, чувствуя, как кто-то ползает по спине. Кошек у меня нет, собак, хомяков тоже, змея не пробралась бы, а если паук или еще херь какая-то, то пусть ползает, всё равно ни одной из рук я до спины сейчас не дотянусь, как немощный, бля.

— Дамир, уже одиннадцать часов, — слышу тихий довольный шепот и, забыв про все раны и травмы, разворачиваюсь и сажусь на постели, сразу попадая в плен нереальных фиолетовых глаз.

Она, кстати, перестала носить линзы. Хер знает, мои слова на нее подействовали, или сама решила так — но красиво пиздец просто. Я и так в нее уже по самые уши, а она глазами своими еще глубже затягивает меня, лишая остатков воздуха.

— Привет, — говорю хрипло, прокашливаюсь. — Ты как тут?

— Я вчера утром, когда уходила, взяла запасной комплект ключей, чтобы дверь закрыть. Прости, я положила на комод в прихожей.

— Оставь себе, — отвечаю, и встаю с кровати. Надо пойти умыться и проснуться нормально, а еще одеться не мешало бы, потому что я опять в одних трусах перед Аней, а она снова смущается моего стояка. Вчера она не смущалась.

Почти говорю ей это, но решаю заткнуться, потому что наверное она может обидеться. А расстраивать девчонку — последнее, чего мне хочется.

Ухожу в ванную, а через десять минут как слепой просто бреду на запах. Эта девушка вносит не только в меня краски и новые эмоции, она еще и в дом мой вносит только хорошее. Ароматы, как минимум. Я за то, что она готовит, душу готов продать, хотя сама она каждый раз говорит, что готовит не очень.

У нее даже овсянка с фруктами получается божественная. Вспоминаю свою из пакетов, которой давился на завтрак, и никогда к ней возвращаться не хочется.

Сегодня Аня снова готовит что-то сладкое, по запаху похоже на оладьи.

Захожу на кухню и млею опять, потому что это чудо со смешным колтуном на голове и в коротком летнем платице стоит у плиты с лопаткой и усердно там что-то переворачивает. Каждый раз когда она разводит в моей квартире бурную деятельность, мне кажется, что я начинаю любить эту сраную жизнь. Каждый чертов раз это дарит какую-то слепую веру в то, что я тоже могу быть нормальным. Завести семью и по утрам вот так кайфовать от ее вида на кухне.

Подхожу со спины и сразу обнимаю за талию, прижимая к себе. Рядом с ней не контролирую себя, опять как подросток себя веду, но иначе не получается.

— Как вкусно пахнет, — говорю на ухо, целуя его и спускаясь к шее. Она вкусная, к ней тянет перманентно и оторваться невозможно.

— Панкейки... — говорит тихонько, голос дрожит, заводится от одних только поцелуев, идеальная.

— Ты вкуснее, — продолжаю целовать шею, Аня подставляется, забывает про завтрак, прижимается ближе и откидывает голову мне на грудь, расслабляясь.

Хочу исполнить свои слова и облизать ее всю на кухонном столе, не могу отказывать себе в удовольствии, особенно, когда девчонка явно не против.

Разворачиваю к себе лицом и целую, сразу глубоко, сражаюсь с ее языком и крепко держа за шею сзади. Я не могу насытиться, я без шуток готов сожрать ее — так хочу.

— Боже, они же сгорят... — волнуется, всхлипывая. Выключает плиту, с трудом

нашупывая, что именно надо крутить, и сдаётся окончательно, тая в моих руках.

Моя.

Моя, блядь, никому не отдам и не позволю больше делать ей больно. Никакой мудака не заставит ее страдать.

Мы целуемся, Аня мычит и тихо стонет мне в рот, пока я разгоняюсь только сильнее, приподнимая и сажая ее на стол.

— Боже, осторожно, у тебя ведь руки, — успевает волноваться обо мне, окончательно срывая крышу.

Развязываю пояс платья, сопротивления снова нет, Аня наоборот подается вперед и расслабляется с каждой секундой только сильнее.

Раскрываю полы сарафана и млею на несколько секунд. На ней белье одного цвета, красивый черный комплект, а, бля, знаю, что значит это для девушек.

Мне башню моментально срывает. Я целую ее везде: грудь, соски прямо через кружево, ребра, живот, бедра, колени. Меня ломает от желания, накрываю большим пальцем клитор через тонкую сетку белья и дохну от первого громкого стога. Блядь... Я люблю эту жизнь, клянусь.

Вырывает из омута ее голос, когда я целую них живота, а пальцами активно пробираюсь под поясок трусиков.

— Дамир, Дамир, стой, погоди...

— Что такое? Я напугал? Переборщил? — выпрямляюсь и смотрю в глаза, но страха в них нет. Смущение, да, но страха или неуверенности точно нет. Тогда что?

— Нет-нет, всё в порядке, там просто... Кто-то в дверь стучит, — кусает губы и кивает в сторону двери, и я наконец-то тоже слышу стук.

— Плевать, веришь?

— Верю, но мне теперь неловко, прости, — поджимает губы и закрывается, запахивает сарафан, завязывая пояс, а мне скулить хочется, чтобы забила на всё и вернула назад.

Кого там, блядь, принесло?

Целую Аню еще раз, надеясь, что она передумает, но проще стену уговорить сдвинуться с места, чем Аню передумать.

Иду к двери намереваясь послать к черту всех, кого притащило ко мне в эту минуту.

Открываю дверь и слышу за спиной дрожащий выдох Ани.

Потому что за дверью, чтоб ее, стоит Алёна...

Глава 37. Дамир

Мне пиздецки не нравится происходящее. Хотя бы потому что мне пришлось оторваться от Ани в такой момент... А еще потому что видеть Алёну нет никакого желания. Я слишком хренового о ней мнения, чтобы радоваться ее присутствию.

— Что тебе нужно? — спрашиваю сразу и ёжусь, когда вижу, как Алёна меня рассматривает. Я без футболки, а под тканью штанов виднеется каменный стояк, его наверняка слишком заметно. Она смотрит пристально, на гипс, на еще очень яркие шрамы, и стоит, не отходит. В квартиру не приглашаю, тут ей делать точно нечего.

— Я пришла поговорить, — оживает Алёна. — Впустишь?

— Нет.

Бля, нет конечно! Хотя бы по той причине, что за спиной стоит Аня, и ей как минимум неприятно происходящее, я уверен.

— Мне тут с тобой разговаривать? — хмурится и осматривает подъезд с пренебрежением. Как я вообще мог повестись на нее когда-то?

— Тебе лучше вообще не разговаривать со мной.

— А кто там? — она нагло заглядывает мне за спину. — Девушка твоя? Не верю, что с этой серой мышью ты вытворяешь всё то, что делал со мной.

Я слышу громкий выдох Ани. Она всё слышала и она злится. А у меня непроизвольно кулаки сжимаются. И хоть я не бью девушек, какими бы они ни были, кулаки всё равно чешутся. Она обидела мою девочку. За это я готов глотку перегрызть.

— Алёна, что тебе надо? Бабки кончились, таблетки? Не по адресу, — тяну на себя дверь, чтобы прекратить этот тупой диалог и пойти к Ане, как она хватает ручку и говорит громко:

— Я беременна.

— О боже... — слышу тихое и на мгновение встречаюсь глазами с испуганными Ани через зеркало, а потом она убегает на кухню, но я уверен — подслушивает.

— Залететь, когда употребляешь — не лучший вариант. Я причем?

— Так я от тебя беременна. У меня больше не было никого и мы с тобой без резинок трахались, если ты забыл. Готов стать папочкой? — несет откровенную чушь Алёна, пытаюсь до меня дотронуться. Меня снова тошнит. Это до боли в горле противно, правда. Всё происходящее.

Больше всего меня волнует реакция Ани. Меньше всего я бы хотел, чтобы она слышала весь этот пиздец.

— Готов послать тебя нахер. С чего я должен верить тебе? После всего ты реально думаешь, что поверю? Проваливай.

— Ах так? — она на нервах. Сейчас я замечаю следы употребления колес. Руки дрожат, цвет лица серый, глаза потухли, погрызаны ногти. Нет больше той Алёны, на которую все мужики оборачивались. — Вот тебе доказательство! — она лезет в сумку, около минуты что-то там активно ищет, а потом швыряет в меня тестом на беременность, где отчетливо видно две ярко-фиолетовые полоски. — Убедился?

— Я не собираюсь верить тебе и куску не самого качественного пластика. Проваливай.

— И что, бросишь ребенка? — спрашивает с вызовом. — Оставишь его в детском доме и заставишь расти в таких условиях, как и сам рос? Или ты думаешь я не знаю ничего о тебе? Я

знаю всё. Как твоя мать умерла от наркоты, а папа сразу сдал в детский дом, как ты сбегал оттуда и сам сидел на нар...

— Закрой рот, Алёна! — бью кулаком в стену в миллиметре от ее головы. Мне тошно слышать это, я не хочу чтобы это слышала Аня. — Тут стой.

Закрываю двери перед ее носом и лечу на кухню. Аня стоит у плиты и продолжает делать свои эти панкейки, делая вид, что всё в порядке. Но я-то вижу, что это не так. У нее слишком напряжена спина, плечи, от нее веет самыми дерьмовыми чувствами. Ей неприятно. Я не думаю что Аня позволила бы мне касаться ее без чувств, значит у нее ко мне что-то есть. Это и радует и пиздец как напрягает одновременно, потому что то, что она сейчас услышала... Блядь! Ну почему всё так не вовремя, сука, я только почувствовал вкус нормальной жизни, как всё пошло по пизде.

— Ань, — кладу руки ей на плечи, но она выворачивается. Неприятно? Это край. — Ань, пожалуйста, послушай меня, — разворачиваю ее к себе, смотрю в глаза. Сейчас я, кажется, открытая книга перед ней, всё готов выдать, только бы она успокоилась. Взгляд прячет, не смотрит на меня, губы кусает. — Я поеду с ней в больницу, чтобы убедиться в том, что она врёт, а потом вернусь к тебе и мы поговорим, ладно?

— А если не врёт? — хрипло шепчет. Поднимает взгляд — в глазах слёзы. Сука, сука, сука! — Если она не врёт, Дамир?

Может ли она говорить правду? В теории — да. Мы реально трахались без резинок, я как кретин слепо верил в то, что она принимает таблетки. Благо она чистая была, в этом-то я сразу убедился: все посетители зала приносят свою мед. карту врачу клуба, там и подсмотрел, с чем дело имею.

— Она врёт, — говорю уверенно и наклоняюсь, оставляя на губах короткий поцелуй.

Быстро одеваюсь и выхожу в подъезд: сидит на ступеньках, дура набитая. Беременная? На холодном бетоне? Ну-ну.

— Дами-и-ирчик, — тянет противно и встает, пошатываясь на высоких каблуках. А мне снова тошно. Я давно не испытывал этого чувства. Мне вообще в последнее время было хорошо, но, видимо, долго хорошо мне не суждено себя чувствовать.

— Поехали, — не трогаю ее и иду к лифту. Параллельно вызываю такси, потому что колеса на тачке я всё еще не заменил, да и не выведу за руль сейчас, ни морально, ни физически.

Мне неприятно рядом с ней. Она постоянно пытается завести разговор, а я молчу и только надеюсь, чтобы Аня поверила мне и всё правильно поняла.

Странно, но меня даже не парит, что Алёна правда может быть беременна. Я просто не верю ей, вот и всё.

В такси сажусь вперед, только бы с ней не пересекаться. На середине пути Алёна начинает спрашивать, куда мы едем, а таксист странно косится, но я молчу. Я заставлю ее пройти осмотр, чего бы мне это не стоило.

— Это что, больница?! — начинает нервничать. Сразу все становится ясно, но мне нужно сраное подтверждение. — Зачем мы сюда приехали, эй? Я не пойду туда!

— Пойдешь как миленькая, — вытаскиваю ее за руку из тачки и веду по дорожке ко входу. Она пытается вырваться, но сил у нее нет: последствия колес, которые она принимает.

— Зачем мы туда идем?

— Ну как же? Убедиться, что малыш развивается без отклонений. Мы же хотим здорового ребенка, правда? — меня колотит от злости, я хочу вернуться к Ане, но бля, мне

надо быстро закончить это дерьмо и не давать Алёне даже надежды на какой-то шантаж или еще что-то.

— Ладно, — внезапно успокаивается. — Я схожу ко врачу и докажу тебе, что у нас будет ребенок.

Записывают на УЗИ нас быстро, и когда перед кабинетом Алёна ухмыляется, глядя на меня, я понимаю, что она что-то задумала. И поэтому вхожу в кабинет следом не церемонясь.

— Посторонним запрещено, — сразу говорит медсестра.

— Я не посторонний, я муж, — сочиняю на ходу, вспоминая, как Аня прикинулась моей невестой, чтобы навещать меня. Моя девочка... Ты только дождись меня и дай всё объяснить! — Осматривай, доктор, скажи что с нашим ребенком всё в порядке и я пойду, — несмотря на то, что вид у меня всё еще не очень, стараюсь говорить максимально угрожающе. В целом, я реально готов сломать сейчас кого-нибудь, потому что злости внутри хватит на пару десятков человек.

— Ложитесь, — смиряется медсестра. Алёна в панике, по глазам вижу. Она хочет сказать что-то, но я взглядом заставляю ее закрыть рот. Мне надо убедиться, просто убедиться, что Алёна врет.

— А предположения о беременности в связи с чем были? — спрашивает медсестра, водя аппаратом по низу живота Алёны.

— Две полоски и задержка.

— Нужно будет сдать анализы. Так, Сергей Викторович, запишите, что увеличен яичник, но беременности у пациентки точно нет, — я даже не дослушиваю, сразу ухожу. Поднимаюсь и хлопаю тяжелой дверью.

Вот нахера? Нахера было снова портить мне жизнь? Её достаточно испортили за все мои двадцать пять, и когда я реально захотел жить так, как у меня получается, произошел очередной пиздец.

Выхожу на улицу и подкуриваю сигарету, меня колбасит от злости. Набираю Аню — не берет. Сука! Всё наперекосяк, всё через одно место.

Докуриваю сигарету и выходит Алёна. Бежит за мной, спотыкаясь, и хватается на гипс на руке, когда приближается.

— Вот нахера, а? — поворачиваюсь к ней и кричу в лицо. Меня рвет от эмоций на части, я давно не испытывал так много всего. — Объясни просто, блядь, зачем? Мало ты мне душу вытрепала? Мало стучала обо мне? Мало Дикому докладывала, да? Решила и дальше мне жизнь испортить? У меня только, сука, все наладилось, я только вкус жизни почувствовал, когда из больницы вычухался. Я влюбился впервые в жизни, а ты опять приперлась и все разрушила одним сраным днем! Зачем, ты можешь мне объяснить? Потому что я хоть убей не понимаю, нахера было разыгрывать весь этот спектакль.

— Дамир... — она снова трогает меня за руку, но я делаю шаг назад. Мне неприятно. — Его посадили, — ноет она за Диким. Бля, еще бы его не посадили. — Он подключил все связи, чтобы вылезти оттуда, но он слишком важная персона, там за него кучу людей на повышение пошли, сидеть ему так долго, что я даже произносить этого не хочу.

— Я причем? От его рук чуть не подох — жалеть не буду.

— А я одна осталась, понимаешь? Совсем одна. Я думала ты согласишься мне, мы вместе жить будем, и ребеночка бы сделали. Я буду хорошей женой, ты только не бросай меня, пожалуйста...

— Тебе лечиться надо, Алён. И от зависимости, и головой. Не лезь в мою жизнь никогда больше, поняла?

Ухожу, выбрасывая сигарету. Мне не стыдно, и жалости у меня к Алёне нет. Дерьмовый путь каждый сам выбирает и надо уметь с него сойти тоже самому.

Вызываю такси к ближайшему дому, дожидаясь его во дворе и еду к Ане. Звоню ещё трижды — не берет. У меня до ужаса плохое предчувствие, а может просто страх — не знаю. Но я пиздецки боюсь, что она ушла.

Залетаю по ступенькам, забывая и про лифт, и про ноющую боль в ноге. Плевать. Вот сейчас — на все плевать.

Дверь заперта, хотя я уходил и не закрывал на ключ.

Открываю и встречаю противную тишину. Слишком тихо. Противно тихо. Так, как всегда тут было раньше, до появления Ани. Так, как мне уже давно, оказывается, не нравится.

Захожу на кухню — стоят панкейки. Красивые, пахнут, полная тарелка.

В гостиной пусто. На балконе — никого. В спальне тоже Ани не нахожу.

Сажусь на кровать и роняю голову на руки. Это пиздец. Если она ушла, то вряд ли захочет даже слушать хоть какие-то оправдания.

Рычу. Ненавижу сам себя и жизнь эту снова всей душой ненавижу.

Встаю и бью стену, разбивая кулак в кровь. Эмоций снова с перебором, меня колотит от всего этого, я не умею больше с этим справляться.

Решаю найти Аню во что бы то ни стало. Поговорить, рассказать ей всё, как было. Надо будет — пойду к Русу узнавать ее адрес, а не скажет — весь город обойду, но найду точно.

Иду в прихожую, но посередине коридора зависаю. Потому что я слышу звук стекающей в ванной воды.

Дверь оказывается незапертой, а я снова люблю эту жизнь.

Потому что она не ушла. А это до ужаса многое значит.

Глава 38. Аня

За ним закрывается дверь, а я прикладываю все имеющиеся внутри силы, чтобы держать себя в руках. Мне хочется плакать, но я терплю и не разрешаю себе позволить эту слабость. Почему мне вообще хочется плакать?

Потому что я слышала слишком многое. Половину из этого я наверняка не должна была слышать, а вторую половину совершенно точно слышать и не хотела.

Трахались без резинок... Беременна... Эти слова стояк в горле противным комом, я пытаюсь отвлечь себя готовкой, переворачивая панкейки слишком агрессивно, но помогает, если честно, довольно плохо.

Мне ведь только стало казаться, что всё хорошо... Я очень быстро и довольно легко пережила предательство и расставание с Русланом благодаря Дамиру, я же, блин, и правда увидела в его глазах то, о чем говорили мне все поголовно. Я увидела в его глазах сумасшедшие чувства и очень быстро прониклась ими сама, потому что невозможно было иначе... Эта теплота и забота после холода и безразличия покорила за минимальный срок, и я... Боже, я влюбилась. Вот так быстро, едва ли порвав с парнем, влюбилась в другого. И ни капли не жалела об этом, потому что Дамир он другой. Я никогда таких людей не встречала. Он выглядит устрашающе, а порой ведет себя еще хуже. Сначала мне казалось, что он жестокий, а потом я увидела его совершенно другим. Таким, которым он мне и понравился.

Таким, в которого я и влюбилась.

Я почти отдалась ему, хотя до этого боялась близости как огня. Подпустила его так, как никого до этого, не сомневаясь и секунды в правильности своих действий.

Я разрешила себе ощущать все то, что есть внутри, и при этом не грызть себя, а потом... А потом случилась эта девица. И сказала все те слова.

Я слышала все, что она говорила, подслушивала, поступая некрасиво. Но она говорила такие вещи... Она сказала что он рос в детском доме в жутких условиях, что его мама умерла от наркотиков, а папа сразу же бросил. От этих слов у меня рухнуло что-то внутри, и до сих пор колет под ребрами. Это так больно. Осознавать, что это правда могло быть с ним. Я в секунду поняла его холодность, он наверняка никогда не чувствовал себя нужным. Его предали самые близкие люди, о какой вере в человечество может вообще идти речь?

Отсюда сразу страх: если она беременна, он ведь и правда наверное не бросит ребенка. Потому что его бросили, а он не такой, он совершенно точно не такой. С другой стороны... Не бросить ребенка ведь не означает жить с его матерью?

Боже, мне так плохо от всего этого, голова кругом и скручивает желудок. Я не понимаю, о чем мне думать и в какую сторону уводить мысли. Из каждого услышанного слово выливается страх того, что я больше никогда не смогу поцеловать Дамира, потому что по какой-то из причин он всё же решит остаться с ней. С ней и их, черт возьми, ребенком.

Не замечаю, как тесто заканчивается, убираюсь на кухне после готовки и невозможно сильно хочу уйти. Правда хочу. Я от слов этой дамы словно грязная, хотя по сравнению с тем, что она наговорила, слова в мой адрес — капля в море. Но даже тут она упомянула, что было между ними с Дамиром, и тупой, не имеющий на жизнь права, но всё-таки укол ревности, больно пырнул под сердце.

Я хочу уйти. Я очень хочу уйти и не участвовать больше в этом спектакле. Я боюсь, что он вернется с ней или... Или вообще не вернется. Мне страшно, что придется отпустить

Дамира, а я ведь не смогу без него больше. Он за три дня показал мне, что такое любовь, а за все время нашего знакомства неосознанно научил столькому, что даже подумать страшно! А как без него теперь? Ну как?

Борюсь с собой, не разрешаю сдать позиции и снова стать слабой. Нельзя. Слабой я только рядом с ним быть могу, прячась за его сильной спиной, а сейчас нельзя. Нужно собрать всю волю в кулак.

Я дождусь его, боже, конечно. И не буду думать о том, что они вдвоем сейчас. Я буду только волноваться о состоянии Дамира, о его ребрах и уже заживших ранах. О его переломе и ноге, которая всё еще ноет.

А еще я пойду в душ, чтобы смыть с себя весь этот идиотский день и все те слова, что я не хотела бы слышать.

Конечно, я его дождусь. Как минимум — нам о многом нужно поговорить. Как максимум... да кого я обманываю? Я просто не хочу уходить.

Замыкаю входную дверь и захожу в душ, очень долго просто сижу на стиральной машине. Мне всё еще сложно переварить всё услышанное, а еще ожидание больно бьет по черепушке, где самые глупые мысли медленно отравляют организм.

Я не думаю, конечно, что Дамир с ней чем-то занимается или что он резко понял, что влюблен в нее, нет. Но просто если она и правда беременна... Это сильно усложнит всё.

Заставляю снять с себя одежду и залезть в душ, а потом слышу хлопок двери, так и не открыв воду. Молчу. Стою тихо и прислушиваюсь к каждому шороху, не специально, но делаю вид, что меня не существует.

Я словно пытаюсь понять, сколько человек только что вошло в квартиру, и путем недолгих подслушиваний понимаю, что Дамир один. Это облегчает жизнь немного и я выдыхаю, а потом замираю снова, когда слышу громкий рык, отборный мат, и глухой удар. Чёрт...

Он злится, потому что не нашел меня? Он думает, что я ушла?

Открываю воду, хотя логичнее было бы просто позвать Дамира по имени, чтобы он понял, что я не ушла. Но отчего-то логика покидает меня в этот момент, и я просто стою лицом к стене и смотрю на ровные швы плитки на стене, ожидая чего-то, чего я и сама знать не знаю.

Меня накрывает цунами из мурашек сразу, как только я слышу тихий щелчок дверной ручкой. Он услышал... И он здесь.

Не двигаюсь и не говорю ни слова. Мне страшно и хорошо одновременно, я не знаю, что мне делать, поэтому просто стою каменным изваянием.

Я чувствую, как Дамир приближается. Горячие струи стекают по телу, обжигая кожу, но мне настолько плевать, что я совсем не чувствую дискомфорта. Мне даже немного холодно. Он толпы мурашек и пронзительного взгляда.

Я не вижу, но чувствую, как он смотрит. Как всегда — пристально, не отводя взгляда ни на секунду.

Все еще не шевелюсь, словно боюсь спугнуть мгновение. Как будто если двину хоть рукой — всё рассыпется как песок.

Я слышу шуршание одежды. Меня накрывает необъяснимой волной жара от этих звуков. Слышу тихие шаги, открытие створки душевой кабины и легкий холод по спине. А потом горячее крепкое тело, прижимающееся ко мне со спины.

И так хорошо сразу становится... Я чувствую всё. Я слышу то, о чем он думает. Она не

беременна и он точно не вернется к ней, я знаю это. Вот в эту секунду — точно знаю. Мне даже спрашивать не нужно, чтобы убедиться в этом. Он сам мне рассказывает, только не словами — прикосновениями.

Он наклоняет голову и упирается лбом в мой затылок, и в этом движении чувств и слов больше, чем в любом откровенном разговоре. А потом обнимает меня руками поперек живота, прижимая к себе близко-близко, и становится еще лучше...

До меня не сразу доходит, что на его руке нет гипса. Провожу кончиками пальцев по запястью и выше к локтю, словно спрашивая, где дел. По назначению врача носить надо было еще минимум пару недель.

— Снял, — отвечает на мой немой вопрос. — Мешал мне, рука не болит давно.

— Это может аукнуться, — наконец-то говорю, но так тихо, что за шумом воды сама едва слышу.

— Плевать.

— А мне нет, — разворачиваюсь в кольцо его рук и поднимаю голову, заглядываю прямо в глаза. — Давай завтра сходим на рентген? И тебе скажут, можно ли уже снимать гипс. Хорошо?

— Вместе? — он спрашивает, а мне от надежды в его глазах выть от боли хочется. Сколько пережил этот мальчик внутри него, чтобы стать таким сильным мужчиной? Он правда боится, что я уйду. И предам, как все близкие люди.

Киваю. Просто осторожно киваю, отвечая на вопрос. Вместе, конечно. Я не готова жертвовать счастьем из-за какой-то наглой куклы. Пусть это будет слишком эгоистично. Я готова быть эгоисткой ради любви.

— Ты расскажешь мне? — он понимает, что я не о той девушке спрашиваю. Я о другой части его жизни, которая внезапно вскрылась при этом не самом приятном разговоре.

Он думает. Не привык открываться, не привык делиться болью. Скрытный, молчаливый, под маской холодности и безразличия, скрывающий в себе в сотни раз больше тепла и душевности, чем многие фальшивые люди.

А я целую. До губ не дотягиваюсь, потому что он стоит, задрав голову. Покрываю поцелуями ключицы и грудь. Крепкие мускулы давно манят попробовать их на вкус и я не отказываю себе в удовольствии распробовать кожу и горячие капли воды.

Дамир шумно выдыхает, а я не могу остановиться. Никогда не думала, что могу опьянеть от одного только вкуса кожи, но я и правда пьянею, потому что голова кружится и перед глазами плывет всё хлеще, чем от самого крепкого алкоголя.

— Ань... — слышу над головой, но не торможу. Во мне было столько эмоций и плохих мыслей, что сейчас срочно нужно их перекрыть чем-то хорошим. И поцелуи замечательно с этим справляются.

И они становятся только ниже, я не узнаю себя, и Дамир дышит только тяжелее. Я слышу надрывное: “Что ты делаешь?”, но ответить на вопрос не могу. Я сама не знаю, что. Делаю, что чувствую. И пусть сейчас эти чувства будут именно такими.

Даже в этом Дамир открывает меня! Даже в этом раскрывает другие грани привычной всем, и даже мне, Ани.

Руки опускаются вниз и я обхватываю ладошкой большой и твердый... черт. Я и правда не понимаю, что творю, но остановиться у меня уже не получается.

— Аня, Аня, стоп! — сильные руки обхватывают мою шею и щеки и поднимают наверх, и только тогда я понимаю, что практически стояла на коленях перед ним... — Остановись,

что ты делаешь?

— То, что хочу...

— Хочешь? — он хмурится. Словно не верит, такой глупый...

— Очень. Я только, ну... Не особо умею, я никогда не...

— Бля, Ань, я сейчас только от этих слов кончу, — говорит Дамир надрывно и в шутку одновременно, и... Он улыбается. Улыбается! Это так сильно отзывается внутри меня, потому что я впервые вижу такую искреннюю и широкую улыбку от него. Это так ценно... Я очень хочу, чтобы он улыбался и дальше, правда, всегда.

Я не сдерживаюсь и целую его в губы, со всеми чувствами целую, со всеми эмоциями. Со всем, что внутри меня к этому человеку расцвело со скоростью света и продолжает цвести только ярче и ярче. Со всем отчаянием, что росло внутри меня, когда он уехал. Со всей болью, что я испытала, пока он лежал в больнице. Со всей радостью, что гремела в душе, когда он очнулся. Со всем ужасом, что я пережила, сидя на коленях возле его окровавленного тела.

Целую так, как никого никогда не целовала, потому что... Потому что целую с любовью. Настоящей и искренней, и понимаю, что внутри меня это чувство горит уже намного дольше, чем я даже могла себе представить.

Глава 39. Дамир, Аня

Меня кроет. Отключаюсь и забываю где нахожусь сразу, как только попадаю в плен ее губ.

Мне вкусно, жарко, и катастрофически мало.

Мне всегда мало Ани. В любой момент жизни. Когда она болтает, казалось бы, слишком много — мне мало. Мало смеха и дурацких вопросов, мало поцелуев, взглядов, касаний, и в целом Ани.

Я всю жизнь наслаждался одиночеством и тишиной, никогда не мог подумать, что буду хотеть, чтобы рядом была жужжащая на ухо девушка, но... Я хочу. Это, кажется, уже совсем диагноз. Но что есть, то есть.

Она меня убивает своей инициативностью, мне выть хочется и орать в потолок. Хорошо что гипс снял, могу нормально Аню пощупать и к себе прижать без всяких оков.

Она руками меня везде гладит, целует, шепчет ерунду какую-то, и вроде инициативу проявляет, а всё равно смущается, краснеет. Нереальная. Никогда таких, как она, не встречал. Да и не бывает таких больше... Она одна такая, моя инопланетянка.

Аня постанывает от поцелуев и шумно выдыхает, когда прижимаю ее близко к себе. Я знаю, что чувствует, как сильно я ее хочу. А я не скрываю. Какой смысл уже? Все грани давно перешли, все запреты послали к черту. Она — моя. И я ее никому не отдам.

— Дамир, — шепчет надрывно, прикусывая мой подбородок, когда совсем наглею и начинаю распускать руки.

А у нее коленки подкашиваются. Чувствую, что с трудом стоит, цепляется за мои плечи с силой и закатывает глаза от удовольствия.

Выключаю воду, поднимаю Аню на руки и выношу из душевой кабинки. Она дрожит от прохладного воздуха, покрывается мурашками и жметя близко-близко, когда ставлю на пол и хватаю с крючка полотенце, чтобы накинуть ей на плечи.

Мы стираем капли воды с тел наспех, касаясь руками и каждую секунду целуясь. Невозможно оторваться, фитиль давно подпален, осталось только дожидаться, когда рванет. А рванет точно скоро, потому что всё раскалено до предела.

Хватаю полотенцу и отбрасываю его в сторону, не могу ждать больше, срочно нужно что-то делать, иначе сдохну. И Аня не отстраняется, не закрывается, не стесняется. Добивает меня, хотя я и так при смерти уже давно...

Мы снова целуемся, Аня прижимается близко, грудью касается моего торса, руками обнимает за плечи и встает на носочки, чтобы разницу в росте сократить.

Хватаю ее на руки, она машинально руками и ногами цепляется, а потом бубнит что-то в поцелуй, что у меня рука и ребра... А мне плевать, вообще на всё, что когда-то там болело. Не болит давно, с ней рядом вообще все проблемы исчезают, остается только какой-то странный свет, о котором раньше я и знать не знал. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Бросаю ее на кровать, слышу тихий вскрик, наполненный миллионом эмоций и нависаю сверху, снова целую.

Я не могу ее не целовать, это за гранью что-то, помешательство.

Аня сжимает меня ногами и царапает плечи руками, целуется отчаянно, всхлипывает и стонет, возбуждена до предела. Я и сам на грани, надо срочно с этим делать что-то, иначе взорвусь.

Опускаюсь губами по телу, останавливаюсь на груди, вырывая из Ани громкие стоны, а руками спускаюсь к низу живота. И еще ниже, и еще ниже, и еще...

— Дамир! — вскрикивает моя девочка громко и пытается сжать бедра. Мокрая до невозможности, чувствительная до отвала башки, возбужденная, покрасневшая.

Моя.

— Т-ш-ш-ш... — шепчу, успокаивая, и ввожу внутрь палец, не встречая и доли сопротивления. Наоборот. Она двигается активнее, стонет, дышит надрывно и убийственно шепчет “еще”.

— Если будет больно, останови меня, — рычу на ухо и подключаю второй палец, но боли в этом движении для Ани явно нет. Она настолько влажная, что вторжение приносит ей только удовольствие, а от громких стонов и хриплого шепота мне только сильнее срывает башню.

Пытка длится около минуты. Я размеренно двигаю пальцами внутри моей девочки, целую грудь, шею, губы, пока она извивается подо мной, выгибается навстречу и жмурится, кусая губы.

— Да-Дамир... Я... я хочу тебя...

Я торможу. В ту же секунду останавливаюсь и смотрю точно в глаза, ища в них подвох, но его там нет. Там — желание и разочарование от прекращения моих движений, а страха, подвоха или чего-то другого, что могло бы меня остановить — нет.

Дышу. Стараюсь дышать. Крышу рвет, хочу ее безумно, но бля, девчонки же зациклены на своем первом разе обычно, мне казалось, я буду как минимум до свадьбы ждать. И я готов был ждать!

Аня

— Пути назад больше не будет, мелкая, — говорит мне шепотом, глядя прямо в глаза.

— Его давно уже нет...

Отвечаю правду. Давно этого пути нет, очень давно. Всё вело к этому с первой нашей встречи, только Дамир не хотел инициировать, а я признавать.

Но в итоге мы оказались там, где должны были.

Я так сильно влюбилась... Я так безумно ему доверяю, что даже не знала, что такое возможно. Мне абсолютно не страшно, ни доли сомнения в голове. Я хочу его. По-настоящему. Чтобы ближе просто невозможно было, чтобы...

— А-ах...

Он творит со мной что-то невероятное. Его пальцы и губы — моя погибель. Я взлетаю и падаю, кричу и кусаю губы, а потом стараюсь дышать, когда Дамир на пару секунд отстраняется, чтобы надеть презерватив.

Это выглядит так... возбуждающе, сексуально. Его мускулы, даже шрамы — всё выглядит восхитительно. У меня буквально текут слюни и дрожат пальцы от одного только вида.

А потом он снова опускается на меня, и у меня тут же перехватывает дух.

Мне всё еще не страшно, но немного волнительно от предвкушения. Как это будет? Черт, мой первый раз, от которого я так бегала в страхе...

— Мелкая, посмотри на меня, — звучит над ухом и я поднимаю глаза. Он так близко... Такой красивый и уже безумно любимый. Волнуется сильнее, чем я, гладит пальцем по щеке, целует в уголок губ. — Расслабься.

Выдыхаю и киваю. Расслабляюсь, как и просит, а затем...

— О боже!

Я задыхаюсь. Мне не хватает воздуха, срочно нужен аппарат искусственной вентиляции легких, потому что я на грани, кислород на исходе.

Дамир медленно отстраняется и снова заполняет меня, а я снова задыхаюсь. Потому что это невозможно хорошо.

Я многое слышала о первом сексе, о крови, режущей боли и слезах, но...

Но с ним такого не происходит. И я уверена, что дело именно в Дамире.

Потому что мне до невозможности хорошо даже просто от понимания, что он рядом. Дискомфорта почти нет, ни о какой боли и речи быть не может. Мне хорошо. От каждого осторожного толчка и сладкого касания губ.

Напряжение нарастает. Дамир двигается чуть быстрее, а стоны становятся только громче. Мне так хорошо... Что даже страшно, что так бывает!

Цепляюсь ногтями за плечи Дамира, стою в поцелуи и даже сама не замечаю, когда начинаю двигать бедрами навстречу.

Дискомфорт уходит совсем, остается только удовольствие, которым Дамир осыпает меня с ног до головы. Толкается и целует, сжимает руками и шепчет на ухо что-то, что я совершенно не могу разобрать.

— Какая ты нереальная, — хрипит на ухо и вздрагивает всем телом, на пару секунд придавливая меня всем своим весом. Но даже эта тяжесть ощущается до ужаса приятной. Я не знаю, что со мной, но никаких претензий к этому состоянию у меня нет. — Я не сделал больно? — заботится невероятный, всё еще тяжело дыша.

Отрицательно качаю головой.

— Это было очень приятно, — говорю правду и Дамир снова улыбается.

Мне так нравится его улыбка. Он так редко показывает ее, или у него очень мало поводов для этого... Но я очень рада, что уже второй раз этим поводом для улыбки стала я.

Глава 40. Дамир

Малышка стонет мне на ухо, и я слетаю с катушек, ускоряя темп и усиливая толчки.

С каждым сексом Аня становится только горячее и раскрепощеннее, тот милый ангелочек прячется под маску чертёнка, стоит ей только оказаться в моей постели.

Две недели прошло с того момента, как мы с Аней окунулись в омут с головой. Как она сдалась мне, а я не стал противиться и забрал свое.

Две недели как мы точно вместе, и я до сих пор в шоке, что мой мир реально перевернулся настолько сильно.

Я бежал от отношений, обещал себе не привязываться к людям и вообще в любовь не верил, а сейчас как идиот улыбаюсь каждый раз, когда Аню вижу.

Она целует сладко и царапает спину, на которой уже места живого нет за последнюю неделю, но эти увечья я готов терпеть и носить с гордостью долгие-долгие годы. Стонет громче, извивается, задерживает дыхание, и... о да! Как же красиво она кончает, каждый раз просто мёд на душу.

После секса Аня любит поговорить. Я заметил уже и почти привык. Она лежит на моей груди и рассказывает всякие истории из жизни, болтает даже больше, чем обычно, а я просто слушаю. Уже охренеть сколько о ней узнал от этих разговоров. О родителях много говорит, о детстве.

А сегодня молчит. Странно. Лежит на мне, пальцами по коже водит, но молчит.

— Чего затихла? — спрашиваю, потому что молчаливая Аня — это проблема.

— А ты? — привстает на локте и поднимает голову, глядя прямо мне в глаза.

— А я и не разговаривал.

— А вот именно! — неожиданно говорит громко и эмоционально и садится еще выше. Одеяло падает вниз и оголяет грудь, я тут же не слышу, что она говорит, залипаю как в первый раз, каждый раз потому что дохну. Я в целом от Ани дохну, а когда она голая, то это всё, тушите свет. — Дамир!

Рычит смешно и одеялом закрывается. Разочарованно вздыхаю, ну что за невозможная такая?

— Что не так, Аня?

— Я вот кучу всего тебе о себе рассказываю. А ты мне — ничего.

Ох бля... Она частенько намекает мне, что хотела бы больше узнать обо мне и моей жизни. Всё, что она знает обо мне — мое настоящее. Ну и тот кусок информации из прошлого, что тогда услышала от Алёны, когда та приперлась якобы беременная.

Аня просила рассказать ей, но я не смог. И потом еще несколько раз заводила разговор, но каждый раз я съезжаю с темы, потому что для меня это сильно хуже, чем кто либо может себе вообще представить.

Я не хочу вспоминать это и кому-то рассказывать, это, блядь, то, что я пытался всю жизнь забыть.

Зачем ей знать правду о моем прошлом? Оно настолько дерьмовое и гнилое, что она легко может развернуться и уйти от меня. Потому что это тоже часть жизни, и всё дает отпечаток и на настоящем тоже.

— Ань, ты же знаешь...

— Ничего я не знаю! — вдруг перебивает меня. Я не узнаю ее, хотя то, что у нее есть

зубки, я всегда знал. Просто мне она их пока не показывала. Ну, точнее, давно не показывала. — Я ничего не знаю, потому что ты мне ничего не рассказываешь. Я вот тебе всё как на духу, а ты мне — нет. Ты не доверяешь мне?

— Да причем здесь...

— При всем! Я не имею права знать о тебе больше, чем то, что ты живешь в этой квартире и работаешь тренером?

— Ты имеешь право на всё, Аня.

— Почему тогда ты молчишь?

— Потому что моё прошлое слишком хреновое. Там нечем хвастаться. Было и было.

— Я не прошу хвастаться. Я прошу просто поделиться. Мы же... ну, мы ведь вместе, я бы очень хотела знать о тебе всё, но ты всегда молчишь и не говоришь почти ничего. Как мне узнать тебя лучше? Я даже не знаю твой любимый цвет!

— Чёрный.

— Да, нетрудно было догадаться... — говорит Аня, опуская голову, и резко встает с кровати. Бросает одеяло, я снова залипаю и отключаюсь от мира, но потом Аня натягивает одежду и я отмираю.

— Зачем ты одеваешься? — что происходит? Обычно мы часа два валяемся. Аня, кстати, последние четыре дня не уезжает от меня. Она теперь девочка самостоятельная, но чтобы каталась из-за меня туда-сюда, не хочу. Хоть и починил тачку и вожу ее везде, где нужно. Просто как вандал не отпускаю. Когда она со мной, мне сильно хорошо.

— Пойду прогуляюсь, — она расстроена, вижу. Ее сильно парит тема разговоров и открытости друг к другу. Но это Аня легко может выдать любой факт из моей жизни. А я — нет. Не могу и... да больше не хочу. Не хочу разочаровывать Аню. Я реально парюсь, что она может уйти от меня, когда узнает факты из моего прошлого.

Пока перевариваю мысли, Аня уже одевается полностью и уходит. Очухиваюсь только когда хлопает входная дверь. Бля... Не остановил даже. Это косяк каких поискать только.

Пытаюсь привести мысли в порядок. На улице уже темнеет, от этого за Аню стремно. Наш район не самый лучший для жизни, а для хождения по темноте — тем более. Три шрама от ножевых отличное тому подтверждение.

Встаю и одеваюсь, я не дам ей по темноте одной гулять, тем более в нашем дворе.

Быстро выглядываю с балкона, чтобы посмотреть, не ушла ли она далеко, и замечаю ее за столом с нашими. Яр там, сестрица его, даже Рус, еще девчонка какая-то, близнецы. Ладно. К Русу почти не ревную, но точно знаю что никто из них в обиду ее не даст. Уже спокойнее.

Мы давно не сидели с той компанией, Аня не хотела. Я понимаю, почему, не осуждаю. Не хотела — не ходили. А тут сама пошла. Ну и к лучшему, что не шастает где-то.

Натягиваю худак и хватаю джинсовку для Ани. Холодно, она выскочила в одной рубашке. Ненормальная моя.

Чёрт... Меня очень парит, что она так обижается на меня за то, что не рассказываю ей о себе. И парит не то, что она обижается, а за то, что я реально не могу открыться ей. Как слабак. Я ж ради нее реально на все готов... И если ей так надо разворошить мое прошлое — пусть. Главное взять с нее слово, что она не испугается и не сбежит от меня. А иначе хрен я расскажу ей.

Иду к двери и слышу стук в дверь. Кто там? Аня не могла так быстро вернуться, она только-только на улице сидела.

Открываю — стоит сосед. Нормальный мужик, на пару этажей ниже живет, здороваётся даже.

— Здорова, мужик, слушай, помоги, — говорит сходу, запыхавшийся. Что случилось-то? — У нас соседке плохо, скорую хрен дождешься, такси вызвать не могу, а ты на машине вроде. Спасай, а, надо её быстро в больничку доставить. Она внизу сидит, как обычно на лавке дежурит...

Я так быстро закрываю дверь и лечу вниз по ступенькам, что забываю про соседа и про всё остальное в секунду.

Потому что внизу на лавке у нас только баба Валя сидит.

Вылетаю, и правда сидит. Бледная вся, за сердце держится.

— Э-э-э, баб Валь, ты че! Баб Валь, сердце? — сажусь перед ней на корточки, видит меня, улыбается болезненно.

— Дамирушка, хороший мой. Вот, возьми, — у нее руки дрожат, но она упорно лезет в карман халата и достает оттуда ключи. — Кот у меня, жалко его, не бросай...

— Так, ни слова больше, — слышать даже не хочу. Любимое дело старушек — хоронить себя раньше времени.

Как раз выбегает сосед, берем соседку под руки и ведем в машину.

Я еду на красный и нарушаю все правила, что только можно нарушить, пока лечу в больницу. Благо тут недалеко. Но я не прощу себе, если не успею. Баба Валя — единственный человек, который верил в меня несмотря ни на что всю жизнь. Она видела во мне хорошее с первого дня моей жизни в этом доме. Она не знает обо мне ни черта, но всё равно считает меня отличным парнем. Да она мне даже родных заменила, хотя мы и виделись с ней у подъезда или у двери ее квартиры, когда я продукты ей завозил.

В больнице ее сразу забирают в реанимацию. Сердечный приступ, но купировали, успели. Сказали, что мы очень вовремя. И благодаря этому спасли ей жизнь.

К ней пока нельзя, но обещают, что жить будет.

Сосед говорит что у нее есть номер кого-то из ее детей, звонит, сообщает, те обещают приехать.

Дышу. Жить будет. А значит можно успокоиться.

Обратно едем в тишине, курю в окно, много думаю. Смотрю на ее ключи от квартиры, думаю, что надо не забыть покормить кота. Себе не могу взять, у мелкой аллергия, чихать будет.

Мелкая... надо вернуть. Надеюсь, Яр ее либо домой отвез, либо она все еще сидит за столом. В любом случае он позвонил бы, я знаю.

Сосед говорит спасибо и уходит к себе, когда приезжаем, а я иду к нашим. Хохот стоит на весь двор, а Аня сидит хмурая-хмурая. Сестра Яра ей что-то рассказывает, у самого Яра слишком откровенно слюни на нее текут, они сводные, поэтому никто не осуждает. А Аня смотрит на пальцы свои и ни слова не говорит.

— Здорова, мужики, — говорю, когда подхожу, и жму руку каждому.

— Вообще-то, — звучит любимым голосом, — здесь не только мужики, Дамир.

— Привет, девчонки, — говорю сестре Яра и еще какой-то девчонке. — Привет, Аня.

Она сразу в лице меняется, довольная, вижу, но держится, не улыбается.

— Я ждал тебя минут сорок назад, — ржет Яр. — Где пропал?

— Бабу Валью в больницу возил. Сердечный приступ, но успели. Жить будет.

Аня смотрит на меня со слезами на глазах. Любит старушку, болтает с ней по утрам у

подъезда.

— О боже... — вздыхает и прикрывает от страха рот.

— Ань, пошли домой, — говорю и чувствую, как усталость накатывает. Дохрена эмоций за день, сложно мне такое дается.

— Нет, — снова упрямится, опускает голову. Все молча сидят, наблюдают. Меня бесит это, но ради Ани терплю, сцепив зубы.

Уговаривать я не собираюсь, конечно. Просто подхожу и хватаю ее на руки, снимая с лавки. Перехватываю чуть удобнее и несую к подъезду.

— Всем пока, мужики. И девочки, — добавляю, потому что Аня уже собиралась начать ворчать.

— Дамир, поставь меня, — говорит, а сама улыбается и за шею обнимает.

— Нет.

— У тебя рука еще болит, тебе нельзя тяжести.

— Ты не тяжесть. И нет. Я тебя не держу когда, ты сваливаешь. Так что сиди молча.

Спорим до самой квартиры. Аня эмоционально, я спокоен как удав. Удивительно даже внутри нет урагана. Как-то успокоился. С бабой Валею всё в порядке будет, Аня никуда не ушла, для вида подышать вышла. Всё в порядке же? Насколько это возможно.

На пороге все-таки ставлю ее, и Аня свято верит в то, что выиграла у меня.

Снимаем обувь и снова беру ее на руки, только в этот раз закидывая на плечо.

Несую в комнату, опускаю на диван, сажусь напротив нее и закидываю ее ножки на свои бедра.

Смотрю на нее. Красивая — сдохнуть можно. Хлопает своими необыкновенными глазами и смотрит на меня так доверчиво, что мне кажется с ней вообще всё что угодно преодолеть можно.

— Пообещай мне, — начинаю, — что что бы ты сейчас не услышала, тебя не испугает и ты от меня не уйдешь.

— Не дождешься! — говорит мелкая, прищуриваясь.

— Ну, тогда слушай. Когда мне было три...

Глава 41. Аня

Я всегда очень эмоционально реагирую на истории их жизни других людей, грустные фильмы, даже песни или что-то еще. Я — это эмоции. Кому-то кажется, что их перебор, а кто-то к ним привыкает. Мне самой с собой порой слишком сложно справиться, но я вот такая, какая есть. Плачу над видео про брошенных животных и эмоционально реагирую на всё, что происходит вокруг.

От истории Дамира... Я не могу это описать.

Во-первых, мне безумно больно. За то, что пережил этот прекрасный человек. За то, что он никогда не знал любви и заботы, за то, через что ему пришлось пройти. Мне жутко больно за то, какой жизнью он жил. За то, сколько плохого он видел и ни капли хорошего.

Во-вторых, я просто до ужаса зла. На его родителей за то, что родили ребенка на свет и даже не позаботились о нем. За то, что из-за него ему пришлось не жить, а выживать. Я никогда никого не виню и всегда стараюсь найти оправдание, но сейчас... Нет. Нет, нет и нет.

В-третьих, я безумно горда. Тем, что он смог выбраться. Тем, что он вытащил сам себя оттуда, где погибают люди. Я горда тем, что мой молодой человек гораздо сильнее всех, кого я знаю. Я горда тем, что он смог. Он бросил все вредные привычки кроме курения. Он живет в красивой большой квартире, правильно питается, занимается спортом, работает. Он помогает всем окружающим, а еще регулярно переводит деньги в детский дом, в котором жил сам, чтобы те дети могли жить в нормальных условиях. По крайней мере в лучших, чем приходилось жить Дамиру. Он узнал всё о том учреждении, писал жалобы на воспитателей, добился смены руководства. Постоянно созванивается с новым руководителем, а еще ему присылают видео с малышкой. Они невероятный. Но он — самый нереальный.

Я реву на его плече уже минут сорок, но во мне столько всего, что я не могу успокоиться.

Это всё та же боль и грусть, злость, гордость и благодарность.

Дамир с трудом, но сказал, что я изменила его. Научила новому, раскрыла в нем что-то. Но он даже не представляет, сколько сам изменил внутри меня... Он даже представить не может! Он заставил меня повзрослеть, когда оказался в больнице и я почувствовала обязанность сделать все, чтобы ему помогли.

Он научил меня помогать другим, каждый день помогая старушке.

Он помог мне прощать людей, потому что именно благодаря ему я совершенно не держу зла на Руслана.

Он научил меня любить. И показал, какой бывает любовь.

Она разная.

Светлая, а порой темная и грустная. Она — спокойствие с нотками постоянного переживания. Она вкусная, сладкая, а иногда очень горькая. Мягкая и твердая до боли в ребрах. Эмоциональная до ужаса и умиротворяющая. Прямая полоса и закрученная, как американские горки.

Она разная, и от этого я кайфую еще больше.

А еще любовь — это когда ты меняешься, даже не замечая, и становишься только лучше для своего человека.

Любовь — это реветь на его плече и слышать, как он успокаивает и говорит нежности,

хотя абсолютно никогда этого не умел.

— Я люблю тебя так сильно, — говорю всхлипывая. Признаюсь впервые. И это тоже любовь — вызвать на его вечно хмуром лице улыбку.

— И я тебя люблю, малышка.

А еще любовь — это когда он говорит тебе те слова, которые никогда раньше даже подумать не мог, что сможет произнести.

Мы сидим вот так еще долго. Я, повисшая на нем на обезьянка и ревущая в его плечо, а он твердый как скала и успокаивающий меня словами и поглаживанием по спине.

А дальше мы просто живем.

Я знаю о нем очень много, а он обо мне всё равно больше.

Меня совсем не пугает его прошлое. Я наоборот рада, что знаю всё это. Оно помогло стать нам еще ближе.

За ужином спрашиваю, не хочет ли Дамир переехать в мою квартиру, потому что эта всё-таки съемная, и вдруг оказывается, что своя у него тоже есть. Просто тот район ему не нравится и он ее сдает. И всё равно зову к себе. И с папой хочу познакомиться. И с мамой поближе, с мелким братишкой, с любимой игрушкой и прочитать ему вслух любимую книгу.

Я хочу с ним будущее еще сильнее, чем раньше.

Я просто... Банально люблю его.

А что еще нужно?

Эпилог. Дамир

Четыре месяца спустя

Третий день с ней кусаемся, потому что она отказывается надевать шарф. На улице зима, метель и морозы, а она мало того что без шапки гоняет, так еще и шарф не хочет натягивать. Противная и непослушная девчонка.

— Заболеешь — я тебя лечить не буду, — ворчу, “как старый дед”, как говорит Аня.

— Будешь, — хихикает засранка и поднимается на носочки, целуя меня в губа. А шарф так и не надевает.

Ну буду, конечно, куда я денусь-то. Лечил уже, когда эта зараза притащилась с соплями из универа.

Мы живем вместе. Она уговорила меня переехать к ней, но я согласился только потому что бабу Валю забрали к себе дети, наконец-то, и я понял что могу спокойно уехать из этого дома.

Кота она, кстати, с собой забрать не смогла. Поэтому рыжий живет у Ярика. Она плакала и меня просила приютить, но у меня живет кошечка, у которой на них аллергия, поэтому экстренно пришлось искать добрые руки, чтобы старушка с ума не сошла.

С мамой Ани я познакомился. С папой тоже. Второе знакомство было... ну, более напряженным, чем первое, но в целом прошло хорошо. Теперь он уже два месяца пытается переманить меня работать к себе, говорит, что даже должность есть специально для меня, но пока Аня только ворчит, что муж военный ей не нужен, отца хватает.

А я в целом и не против, пойду, когда Аня поймет, что муж военный — это хорошо.

Как только поймет, так я сразу и военным стану, и мужем. Чего время зря терять.

— Ты готов? — спрашивает Аня, поправляя прическу перед зеркалом.

— Я — да, а ты нет.

— Дамир, я не буду надевать шарф! В конце концов, мы на машине!

— В конце концов там минус тридцать, даже за минуту можно заболеть. А когда ты болеешь — ты вредная.

— Хорошо что ты никогда не вредный, — закатывает глаза и обматывает вокруг шеи шарф. — Так лучше?!

— Намного.

Мы едем к ее маме. Там мелкому Ярику год исполняется. С Аней приходится социализироваться на полную катушку. Меня всё еще порой напрягает, но выбора не остается. Она ради меня дохера делает, и я отставать не хочу.

Подарки уже в машине, заезжаем только за цветами и едем в назначенное место.

У ресторана встречаем папу Ани с его избранницей. Те тоже пузатые, хотя до последнего отрицали, что ждут ребенка.

Вообще, у них крутая семья. Несмотря на то, что развелись, родители дружат семьями. Это так круто... Я на самом деле рад, что попал сюда. Это в два раза больше чем просто полноценная семья, а у меня-то и обычной никогда не было. Мне необычно видеть какие-то вещи, нежность, слышать какие-то слова, но в целом круто. Я рад, что Аня жила именно в этой атмосфере. Другого бы мой нежный цветочек не выдержал.

Как-то так сложилось, что с мелким Яриком у меня сложились классные отношения. Мне просто вручили его однажды, и мы подружились. Общий язык нашли наверное, не знаю.

Но мелкий ко мне тянется, а я не особо сопротивляюсь.

Поэтому, как только попадаем в мир шаров, тортов и аниматоров, я сначала пытаюсь не сойти с ума от этого безумия, а потом беру мелкого на руки, позволяя Ане поздравить маму, а той немного отдохнуть.

У малого выражение лица точно как у меня, походу не одному мне вся эта мишура кажется странной.

— Ниче, мужик, ради женщин и не такое терпеть приходится, — говорю ему, а потом слышу сбоку два женских хихиканья.

— А тебе очень идет, — говорит Аня, глядя на нас с малым. — Такой папочка.

— Ты потише давай, а то твой папочка решит, что мы пополнение ждем, и будет нам всем весело, — киваю, потому что тот за сердце хватается каждый раз когда только отдаленно кто-то говорит о будущем с детьми.

— Какое еще пополнение? — звучит рядом басом.

— Ну вот, я ж говорил.

— Пока только ваше, — смеется Аня, кивая на живот его новой жены. — А у нас после того, как я доучусь. Несмотря на то, что Дамир уже старый будет.

— Мышка, ну зачем ты так! Дамир у нас молодее всех будет, — перебивает мама.

— Что ты имеешь против мужчин, которые немного старше дам, я не понял? — тут же встречается отец, и меня неосознанно пробивает на улыбку.

Это такая вакханалия!

Всё в голубых шарах, вокруг носится толпа детей, Аня с родителями спорит, что просто пошутила и “их любимого Дамирушку” обижать не собиралась. Ярик кряхтит у меня на руках, где-то сбоку орут аниматоры в костюме котов из какого-то мультика, а на весь ресторан орет какая-то ужасная детская песня про трактор.

На мне, сам не верю, рубашка, потому что я обещал Ане, а на ней самой такое платье, которое я обязательно сниму с нее зубами, как только за нами закроется дверь.

У меня болит башка от всего этого хаоса, но, чёрт, как же я охренительно счастлив в нем находиться...

Больше книг на сайте - Knigoed.net